

СЕРГЕЙ
УШАКИН

Отстраивая историю: советское прошлое сегодня

Сергей Александрович
Ушакин (р. 1966) –
антрополог, историк
культуры, профессор
Принстонского универ-
ситета (США).

Мы должны решительно отказаться от «исторического наследства», как от чего-то, не подлежащего критике. [...] Было бы величайшим преступлением и вредительством по отношению не только к грядущим поколениям, но и к нашей сегодняшней молодежи танцевать от старой прогнившей печки и пыльной дедовской кровати.

Николай Милютин¹

В 1930 году журнал «Современная архитектура» опубликовал большую подборку материалов с конкурса архитектурных и градостроительных проектов, посвященных разработке «принципов социалистической организации Зеленого города». Во вступительной статье Моисей Гинзбург и Михаил Барщ – два ведущих архитектора-конструктивиста – воодушевленно настаивали на том, что превращение Москвы в «грандиозный парк» – это самый «экономический способ» уничтожить «зло большого города» («жилищный кризис», «движущийся ад» автомобильных пробок). Признавая радикальность предложенного метода – большинство предприятий, институтов и учреждений города предлагалось «перераспределить» и «рассеять по Союзу», – архитекторы вполне отдавали себе отчет и в возможной реакции:

1 Милютин Н.А. *Проблема строительства социалистических городов. Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест СССР*. М.; Л.: ГосИздат, 1930. С. 9.

**ВМЕСТО
ПАМЯТИ:
СОВЕТСКОЕ
СЕГОДНЯ**

«Мы знаем, что наш проект социалистической реконструкции Москвы вызовет вопли старьевщиков, реставраторов и эклектиков всех мастей, но мы твердо убеждены в том, что эти радикальные предложения есть единственно реальный и осуществимый план, вполне возможный экономически уже сегодня и совершенно неизбежный завтра»².

«Вопли» пришли с неожиданной стороны. Ле Корбюзье, наблюдавший за ходом конкурса в Москве, покидая город, отправил Моисею Гинзбургу письмо, в котором подверг жесткой критике апологию дезурбанизации столицы. Как отмечал архитектор, именно урбанизация, именно увеличение концентрации населения в городах является основой развития:

«Ум развивается только в сгруппированных человеческих массах. Это плод концентрации. Распыление лишает разума и расслабляет все узы дисциплины – материальной и умственной»³.

Критика не осталась незамеченной: в ответной статье Гинзбург обозначил ряд положений, которые в определенной степени могут считаться квинтэссенцией советского понимания организации городской жизни. Обращаясь к Корбюзье, Гинзбург писал:

«Вы превосходнейший хирург современного города... Вы делаете великолепные сады на крышах многоэтажных домов, желая подарить людям лишнюю толику зелени, вы создаете очаровательные особняки, давая обитателям их идеальные удобства, покой и комфорт. Но все это вы делаете потому, что вы хотите *лечить* город, пытаетесь его *сохранить* по существу таким, каким его создал капитализм. Мы здесь, в СССР, находимся в более благоприятных условиях: нас не связывает прошлое. [...] Мы ставим диагноз современному городу. Мы говорим: да, он болен, смертельно болен. Но лечить его мы не хотим. Мы предпочитаем его уничтожить и хотим начать работу над созданием нового вида человеческого расселения, которое было бы лишено внутренних противоречий»⁴.

Исторические аналогии – это всегда полуправда. И все же. Как показывают тексты, собранные в этом разделе, та негативная связь между новым урбанизмом и историей, которую обозначил Гинзбург восемьдесят лет назад, во многом продолжает определять отношение к городской среде до сих пор. Меняется цель: место идеи «города-сада» сегодня может занимать, например, идея строительства столицы нового независимого государства. Меняется масштаб: «перераспределение по Союзу» съезживается до границ одного отдельно взятого центра. Меняются объекты градостроительной критики: «купецкие образ-

СЕРГЕЙ УШАКИН

ОТСТРАИВАЯ ИСТОРИЮ:
СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ
СЕГОДНЯ

2 Барщ М.О., Гинзбург М.Я. *Зеленый город* // Современная архитектура. 1930. № 1-2. С. 22.

3 Ле Корбюзье. *Письмо к Гинзбургу* // Там же. С. 61.

4 Гинзбург М. *Ответ Ле Корбюзье* // Там же.

цы»⁵ и «отвратительный стиль модерн»⁶ – любимые мальчики для битья в критических разборах советских архитекторов-конструктивистов – уступают место памятникам и зданиям, возникшим уже в период социализма. Несмотря на все эти перемены, общее отношение к недавней истории во многом сохраняет свою направленность: «лечить» больное прошлое все так же не хочется. Разнообразные методы уничтожения прошлого оказываются предпочтительнее болезненных операций по его «хирургической» адаптации: планы модификации городского пространства все так же «благоприятно» не связаны с его историей.

В зависимости от конкретной ситуации эта историческая не-связь проявляет себя по-разному: от «забывания» существенных элементов городской истории (в Минске) до полной трансформации физического и символического силуэта пространственных структур недавнего прошлого (в Риге). Стилистические различия в актах смещения и замещения примет советского прошлого, впрочем, вряд ли могут скрыть их принципиальное родство: пространственно-историческая диссоциация создает ситуацию, в которой «места памяти» (*lieu de mémoire*), лишенные своей памятной компоненты, становятся пустыми означающими, «экранами» для проекций, способными служить знаками отсутствия – местами «вместо памяти» (*au lieu de la mémoire*). Производство памяти, которое знаковые места традиционно призваны осуществлять, увязывая воедино пространство, образ, исторический опыт и эмоции, в данном случае вытесняется иными процессами социально-дискурсивной инженерии – будь то формирование альтернативной пространственной генеалогии (в Астане) или нелинейной истории мемориалов (в Элисте).

Разумеется, сами по себе эти практики замещения и фрагментации (советской) истории не оригинальны: политика памяти традиционно связана, прежде всего, с политикой мемонической цензуры, то есть с практиками избирательного забывания. Постсоветские практики проработки советского прошлого любопытны иным: практически все тексты данного раздела документируют попытки вообразить прошлое и настоящее в виде таких «пространственных культорганизаций»⁷, которые были бы лишены – как и настаивал Гинзбург – внутренних противоречий. Воображаемая или физическая гомогенизация пространства, своеобразная «зачистка» городской

5 Милютин Н.А. Указ. соч. С. 9.

6 Гинзбург М. Конструктивизм в архитектуре. Доклад на Первой конференции Общества современных архитекторов // Современная архитектура. 1928. № 5. С. 145.

7 О «пространственной культорганизации» см., например, третий выпуск журнала «Современная архитектура» за 1929 год.

среды становится едва ли не основным способом реорганизации истории: на смену утопическому советскому будущему пришло утопическое постсоветское прошлое.

Написанные двадцать лет спустя после распада Советского Союза статьи, собранные в этом разделе «НЗ», важны не только прослеженной в них симптоматикой постсоветских городов. На мой взгляд, существенным является и определенный сдвиг в аналитической оптике нового поколения исследователей советского наследия. Акцент на радикальных разрывах, вызванных постсоветскими изменениями, который был столь характерен для исследователей первых двух десятилетий постсоциализма, судя по всему, сменяется подходами, в которых советский период и его конец перестают играть роль исходной точки, способной объяснить траекторию *сегодняшнего* движения. Расширяя географические, хронологические или, допустим, философские рамки своих интерпретационных подходов, исследователи тем самым существенно трансформируют местоположенность советского прошлого и его последствий: из всеобъемлющей объяснительной схемы советская история превращается в частный случай, в исторический курьез, которым при желании можно пренебречь.

Безусловно, в этой маргинализации советского периода можно видеть вполне определенное политическое стремление к десоветизации пространства и истории. Вместе с тем эта локализация границ советского опыта, как и любое вытеснение, на мой взгляд, свидетельствует об отсутствии внятных нарративных и аналитических рамок, в которых могла бы осуществляться проработка советского времени. Собственно, как показывают практически все статьи данного раздела, в ситуации, когда «советское» оказалось замкнутым между молотом сталинских репрессий и наковальней «ностальгии по СССР», наиболее доступным семиотическим жестом становятся разнообразные акты десимволизации знаков (присутствия) социализма.

Важно и другое: нацеленность авторов на анализ значимых *деталей* (монументов, зданий, названий и так далее), а не *общего* контекста является своеобразной вариацией «истории крупным планом», предложенной в последние годы многочисленными исследователями советской повседневности⁸. Акцент на текстуре, предметности и фрагментах позволяет сохранить «верность» исторической специфике, не ставя при этом каких бы то ни было концептуальных задач: (советский) быт, как мы

СЕРГЕЙ УШАКИН

ОТСТРАИВАЯ ИСТОРИЮ:
СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ
СЕГОДНЯ

⁸ См., например: АНДРЕЕВА И. *Частная жизнь при социализме. Отчет советского обывателя*. М.: НЛО, 2009; Гурова О. *Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью*. М.: НЛО, 2008; ЛЕБИНА Н.Б., ЧИСТИКОВ А.Н. *Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Критику сходного подхода в послевоенной Германии см.: SANTNER E. *Stranded Objects: Mourning, Memory, and Film in Post-War Germany*. Ithaca, 1990.

помним, не нуждается в сюжете⁹. Не стоит, впрочем, недооценивать значимости этой этнографии десимболизирующих и деконтекстуализирующих практик: при близком рассмотрении предметы и практики (пост)социализма приобретают структурную сложность, которая была не очевидна ранее¹⁰.

Исчезновение «больших нарративов» и связанное с этим исчезновением желание воздержаться от каких бы то ни было «альтернативных» вариантов находится в центре анализа Андрея Казакевича и Юлии Скубицкой. В обоих случаях и постсоветский Минск, и постсоветский Харьков демонстрируют сходную тенденцию: «символика места», столь значимая после распада СССР, сменяется своего рода «символической бесчувственностью». Исходная смысловая нагруженность пространства утрачивается. Митинги оппозиции могут проходить под памятником Ленину. Прагматика городской среды оказывается важнее ее потенциального идеологического воздействия. Это не значит, что пространство города исчерпало свои нарративные возможности. Скорее, сменилась шкала символизации: вместе с генеральными планами городской застройки в прошлое ушли и общенациональные конвенции символизации. В итоге, «хаос» локальных нарративов стал не только реакцией на отсутствие «общих мест», но и формой защиты от навязываемых форм коллективной идентичности.

Тема символического и пространственного хаоса как культурной логики постсоциализма, пожалуй, доведена до предела в статье Любви Четырковой. Площадь Ленина в Элисте – с шахматной доской, памятником вождю мирового пролетариата, находящемуся в пространственном диалоге со скульптурой Будды Шакьямуни и Пагодой семи дней неподалеку – обозначает и уже отмеченное отсутствие какого бы то ни было стремления к общей стилистической рамке, и фрагментарность практик кодирования истории, но вместе с тем – и пространственную совместимость всех этих «осколков» разнообразных символических систем. Показательно, что в статье Четырковой эта внешняя разнородность и противоречивость постсоветской Элисты трактуется как структурно непротиворечивый феномен. Видимая гетерогенность приобретает *внутреннюю* стройность: то, что казалось стилистической и идеологической эклектикой на практике оказывается формой «нелинейного» восприятия истории.

Иную форму нелинейной постсоветской биографии советского памятника прослеживает в своей статье Мадлен Пильц. В дан-

9 См.: Эйхенбаум Б.М. *Декорации эпохи* // Эйхенбаум Б.М. *Мой современник*. СПб.: Инапресс, 2001. С. 129–132.

10 Подробнее см. об этом в моей статье: OUSHAKINE S. *Totality Decomposed: Objectalizing Late Socialism in Post-Soviet Biochronicles* // *The Russian Review* [Special Issue on Documentary Trends in Contemporary Russian Culture]. 2010. Vol. 69. № 4. P. 638–669.

ном случае исходная смысловая амбивалентность монумента *Мать Грузии* – алюминиевый сплав «национального» и «социалистического» – позволяет сохранять свою культурную актуальность сегодня. Значимость советского монумента сохраняется благодаря его способности быть не столько носителем фиксированного смысла, сколько экраном, на который могут проецироваться разнообразные индивидуальные истории и биографии. Выставка «Непарадная история» Киргизии, о которой идет речь в статье Нины Багдасаровой и Марины Глушковой, – это тоже попытка проанализировать возможность актуализации советской иконографии в несоветском контексте. Как и в случае с *Матерью Грузии*, сила советских образов «Непарадной истории» заключается в слабости их символической нагрузки. Цель образов в данном случае – не активация «пластов» зрительской памяти, но мнемоническая сцепка эмоций индивида и идеологического посыла власти. Принципиально, что ключевым в символической работе и *Матери Грузии*, и образов «Непарадной истории» оказывается их советский *стиль*, то есть способ формальной организации визуальных элементов, знакомый по «прошлой жизни». Среди статей раздела эти две работы отличаются, наверное, наиболее последовательным стремлением показать, что десоветизация «исторического наследия» может осуществляться не только при помощи прямого уничтожения его следов, но и посредством его стилизации, – последовательной и постепенной *формализации* эстетических приемов советского периода.

Еще три статьи раздела демонстрируют, как «места памяти» советского прошлого приобретают новые значения не столько в ходе дискурсивного реформатирования смыслов этих «мест», сколько в процессе физической перестройки их структур. В работе Цыпылмы Дариевой история бакинской набережной становится любопытной метафорой недавней истории в целом. Популярное в советское время место «организованного социалистического отдыха трудовых масс» приходит в запустение в начале 1990-х, чтобы вновь превратиться в неолиберальную версию Зеленого города (национальный парк) в начале прошлого десятилетия. Статья Дариевой прослеживает появление и развитие двух важных и взаимосвязанных тенденций. Во-первых, *локальные* пространственные тропы и метафоры все активнее начинают использоваться для маркировки *глобальных* амбиций новых независимых государств (Баку как «Дубай на Каспии»). Акцент на собственной местоположенности рассматривается как исходная точка масштабных картографических фантазий. Во-вторых, *глобализация* архитектурных планов сопровождается последовательным уходом от понимания *публичного* пространства как места, где формируются коллективные идентичности и складываются практики социального взаимо-

СЕРГЕЙ УШАКИН

ОТСТРАИВАЯ ИСТОРИЮ:
СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ
СЕГОДНЯ

действия: все чаще городская среда воспринимается с точки зрения ее возможностей для репрезентации власти и капитала.

Как и в случае «Дубая на Каспии», история превращения провинциальной Акмолы/Целинограда в столичную Астану («символический центр Евразии») – это тоже попытка уйти от советской истории при помощи несветской географии. Перенос столицы стал знаком не только разрыва с прежним политическим устройством, но и точкой отсчета новой идеологии («евразийства»), в которой пространственные термины и метафоры становятся ключевым политическим аргументом.

Статья Гунтиса Шолкса, Гиты Дзюс и Елены Чистяка, завершающая этот раздел, любопытным образом демонстрирует логический финал попыток превращения истории в географию, точнее – попыток восприятия структуры прошлого исключительно как структуры пространства. В данном случае «больное прошлое» подвергается радикальной санации: советские промышленные структуры в Риге, переведенные в термины «деиндустриализованных зон и деградированных городских участков», становятся теми площадками, на основе которых может начаться процесс обновления и джентрификации столицы Латвии.

В 1926 году в проекте «Серия небоскребов для Москвы» Эль Лисицкий убеждал своего читателя:

«Мы живем в городах, родившихся до нас. Темпу и нуждам нашего дня они уже не удовлетворяют. Мы не можем сбросить их с сегодня на завтра и “правильно” вновь выстроить. Невозможно сразу изменить их структуру и тип»¹¹.

Как мы знаем, несмотря на все попытки, «сбросить» неудовлетворительные города тогда не удалось. Попытки выстроить «вновь и правильно», в общем, тоже оказались малоутешительными. Сделать из Москвы «грандиозный парк» не получилось. Подспудно история постсоветских городов, рассказанная в этом разделе, указывает на то же: практически повсеместно желание осуществить радикальную зачистку исторического наследия наталкивается на сопротивление (материалов) прошлого. Несмотря на все старания, никакая лепнина из фибробетона не сможет скрыть советского облика хрущевских пятиэтажек, стоящих на главной улице новой столицы нового независимого государства. Собственно, главный посыл статей данного раздела, наверное, и сводится к простому признанию того, что нового прошлого не будет и что степень исторической свободы проявляется не в уничтожении «исторического наследия», а в способности находить с ним общий язык.

11 Лисицкий Э. *Серия небоскребов для Москвы. Проект Эль Лисицкого* [1926] // Эль Лисицкий. 1890–1941. К выставке в залах Третьяковской галереи / Сост. Т.В. Горячева, Н.В. Масалин. М.: Государственная Третьяковская галерея, 1991. С. 95.

Символика места: забывание и фрагментация «советского» в ландшафте Минска

АНДРЕЙ
КАЗАКЕВИЧ

Понимание прошлого – процесс сложный и противоречивый. В определенный исторический период и для интеллектуала, и для обывателя действительность может быть достаточно простой, а значения таких понятий, как «империя», «колония», «нация», «советское», – устойчивыми, интуитивно и рефлексивно приемлемыми. Эта устойчивость, впрочем, не вечна: в какой-то момент значение «понятных» слов становится проблематичным, их суть ускользает, распадаясь на отдельные фрагменты или смешиваясь с другими смыслами и значениями. Наиболее распространенным выходом из подобной ситуации является использование различных концепций с приставкой *пост*: постколониальный, постимперский, постсоветский. Несмотря на свою универсальность, этот выход практически всегда является временным: вновь образованные *пост*концепции очень быстро становятся еще более проблематичными, чем их предшественники.

Дискуссии о «советском» (прошлом, наследии, опыте) отражают эту тенденцию в полной мере. В течение десятилетий «советское» было составной частью реальности. После двадцати лет несветского/постсоветского существования этот феномен – некогда точно определенный и полностью понятный на различных уровнях публичной коммуникации – становится все более размытым, непонятым, бессодержательным и проблемным. В конце 1980-х – начале 1990-х годов привязка «советского» к местности – его *локализация* – стала важным элементом политической и культурной борьбы. Однако в последние 10–15 лет мы можем наблюдать, как эта тенденция к локализации постепенно теряет свое значение, свою социальную и политическую востребованность, вытесняясь более универсальными категориями. Стирается прежде всего дифференцирующая функция «советскости» в таких четких оппозициях, как «советское/досветское», «советское/несветское», «советское/национальное» и так далее. Дать сколько-нибудь конвенциональное и устойчивое определение «советского» становится все сложнее. Предметов для споров здесь много. Допустим, как интерпретировать понятие «советской» urba-

Андрей Николаевич
Казакевич (р. 1980) --
политолог, директор
Института политических
исследований
«Политическая сфера»
(Минск-Вильнюс).

низации, модернизации, индустриализации? Какие свойства считать специфически советскими, а какие – универсальными и присущими человечеству в целом? Можно ли считать память о событиях Второй мировой войны (включая Холокост, Армию Краёву или Украинскую повстанческую армию) частью советского опыта? И, если нет, что использовать в качестве принципов разграничения? Список вопросов можно продолжать, главное здесь то, что вряд ли можно рассчитывать на какое бы то ни было согласие в ответах на эти вопросы в рамках отдельных стран, не говоря уж обо всем регионе. Именно поэтому в исследовательских практиках преобладает переход от проблематики «советского» к более всеобъемлющим концептуальным схемам. Все чаще «советское» выступает только как фон или метафора. Сходную ситуацию можно проследить и при анализе городского ландшафта. Что считать советским в каждом конкретном случае? Вопрос, который имел достаточно четкий ответ в конце 1980-х, сейчас не столь очевиден. Вполне возможно, что цикл символической проработки прошлого: (отрицание/защита – освоение/утилизация – забывание) постепенно подходит к своему концу.

На примере освоения «советского» в ландшафте современного Минска я попытаюсь обозначить несколько символических стратегий. В основе статьи лежат результаты двух специальных исследований, проведенных в Минске в 2009-м и 2010 годах. В первом исследовании изучались места проведения уличных акций протеста и неофициальных празднований¹. В исследование включались все массовые политические мероприятия с участием более 500 человек, которые прошли в Минске без участия государства с 1988-го по 2010 год (всего более 200 акций). Задача состояла в том, чтобы выявить значение «символики места» в этих акциях, то есть попытаться понять, в какой мере элементы «советского» влияют на выбор места и сценария политического события².

В фокусе второго исследования была городская топонимика Минска. Названия улиц и площадей столицы (всего 780 объектов по состоянию на 2009 год) группировались в соответствии с различными культурными и политическими категориями.

- 1 Исследование массовых акций протеста и неофициальных празднований было проведено в 2010 году институтом «Политическая сфера» (ralityka.org). Участники исследования: Андрей Казакевич (руководитель), Кирилл Игнатик, Татьяна Чижова, Андрей Егоров, Денис Мельянцов, Михаил Недветский. Большая часть результатов исследования опубликована в коллективной монографии: Хрышчээнне нацыі. Масавыя акцыі 1988–2009. Вільня, 2011.
- 2 Похожие исследования в отношении официальных празднований см. в частности: Романова О. *Символ, «работа с памятью», медиа-событие: военный парад к 60-летию Победы в Беларуси и России* // *Белорусский формат: невидимая реальность. Сборник научных трудов* / Отв. ред. А.Р. Усманова. Вильнюс, 2008; Криволап А. *Конструируя новое пространство. Белорусский опыт визуализации Дня независимости* // *Палітычная сфера*. 2007. № 8. С. 81–93.

Также рассматривались основные тенденции в изменении названий улиц с начала 1990-х годов. Целью исследования было установить уровни присутствия «советского» в городской топонимике, а также проанализировать стратегии, которые используются для «работы» с наследием прошлого в условиях постсоветского развития³.

АНДРЕЙ КАЗАКЕВИЧ
СИМВОЛИКА МЕСТА...

Естественно, используемые результаты касаются только части всего массива социальных и политических практик, но их разбор может быть полезным для выявления и обоснования общих тенденций в освоении и интерпретации «советского». Первый пример может быть хорошей иллюстрацией эмоционального отношения к присутствию «советского» в городском пространстве, а второй – свидетельством степени и характера советизации городского ландшафта и стратегии преодоления (закрепления) этой ситуации в постсоветском Минске.

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР УРБАНИЗАЦИИ

История ландшафта Минска одновременно и сложная, и простая. Сложность городской среды связана с тем, что город в недавнем прошлом пережил несколько радикальных переустройств. Простота истории Минска определяется тем, что городское пространство подчинено одной организационной логике, которая была воплощена (если не брать во внимание небольшие исключения) в одну историческую эпоху. Ландшафт Минска, и в центре и на периферии, создан после Второй мировой войны. Материальные «остатки» довоенной и досоветской жизни сейчас образуют небольшие разрозненные анклавы, которые не составляют целостного массива. Городская мифология обычно объясняет такую монолитную организацию Минска разрушениями во время войны. Но эти истории соответствуют реальности только частично: например, разрушения во время войны вряд ли могут объяснить структуру топонимики Минска, преемственность которой с довоенным и досоветским прошлым также фрагментарна.

Основная причина отсутствия преемственности определяется характером роста и развития города за последние 60 лет. Именно «советский» тип урбанизации определил (и в какой-то степени определяет) организацию городского ландшафта.

3 Исследование топонимики Минска было проведено мной в 2009 году как часть исследовательского проекта «Память о Второй мировой войне в городском ландшафте Восточной Европы», реализованного в рамках программы *Geschichtswerkstatt Europa* при поддержке фонда «Память, ответственность, будущее» (Германия) и Института прикладной истории Европейского университета Виадрины (Германия). Участники исследования: Андрей Казакевич (Беларусь), Алексей Ластовский (Беларусь), Раса Болочкайте (Литва). Большая часть результатов опубликована: Ластоўскі А., Казакевіч А., Балачкайце Р. *Памяць пра Другую сусветную вайну ў гарадскім ландшафце Усходняй Еўропы* // Arche. 2010. № 3. С. 251–300.

В силу разных причин в Минске данный тип урбанизации проявился, как представляется, более четко, чем в столицах других союзных республик⁴. Во многом на характер организации городского пространства повлияли очень быстрый рост города в 1950–1980-е годы и практически полное отсутствие демографической преемственности населения в тот период. Если в 1950 году население города составляли 273,6 тысячи человек, то в 1990-м в нем проживали 1623,5 тысячи, при этом после 1944 года рост населения происходил практически исключительно за счет миграции.

Специфику советской урбанизации можно свести к двум принципиальным пунктам. Во-первых, советская урбанизация видела городское пространство исключительно сквозь призму геометрии и утилитаризма, оставляя за скобками какие бы то ни было историко-культурные аспекты. Скажем, ландшафт европейского города, как правило, имеет определенные «сакральные» зоны – исторический центр, места, связанные с символами власти, веры, традиции и так далее, – которые не подпадают под простое конструирование и даже требуют восстановления при разрушении. Никаких таких ограничений советские архитекторы в Минске не имели. Пожалуй, за исключением некоторых центров власти⁵, историко-символический ландшафт никакой сакральной ценности с советской точки зрения не представлял и мог быть изменен согласно желаниям или возможностям.

Во-вторых, изначально советская урбанизация была государственной и спланированной, а не локальной и хаотичной. Оформленная и кодифицированная идеология в виде достаточно своеобразной смеси различных элементов марксизма-ленинизма и «патриотизма» являлась составной частью советского государства. Идеиная пропаганда была не только рекомендацией, но и прямым руководством к действию для большинства государственных органов. Поэтому планомерная идеологическая работа с городским ландшафтом (от зданий до топонимики) была вполне логичным результатом такой урбанизации, особенно в условиях отсутствия внятных историко-культурных ограничений. Результатов этой последовательной идейной работы сложно не заметить: например, в Минске доля улиц, названных в честь того или иного деятеля (более 46% от общего числа топонимов), в два раза выше, чем в Вильнюсе (20,5%), и выше, чем в Киеве (около 40%).

«Советское» в белорусской столице имело достаточно четкий профиль. Кроме традиционных памятников Ленину в Минске –

4 Там же. С. 298–300.

5 Как Дом правительства на площади Ленина (сейчас Независимости), который не был разрушен во время Второй мировой войны.

да, в общем, и в Беларуси в целом, – не было значимых мест революционной памяти и монументов коммунистической революции⁶. Практически все «советское» было связано с тематикой Второй мировой войны, социалистического строительства послевоенной эпохи и волнами послевоенной русификации.

АНДРЕЙ КАЗАКЕВИЧ
СИМВОЛИКА МЕСТА...

«СОВЕТСКОЕ» В ЛОКАЛИЗАЦИИ УЛИЧНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ, 1988–2010 ГОДЫ

«Советское» и «советскость» в городском ландшафте Минска неоднократно становились предметом политического противостояния и механизмом определения политических стратегий. Особое значение это противостояние приобрело в конце 1980-х годов, с усилением национального движения и всплеском «антисоветских» настроений. К началу 1980-х Минск представлял собой образцовый советский город и образцовую советскую столицу, целостную в организации своего пространства, социального и культурного уклада. К концу 1980-х такой образ явно перестал соответствовать ожиданиям значительной части горожан, а с начала 1990-х – и потребностям нового независимого государства. Необходимость разрешения этого противоречия потребовала от национального движения, а затем и от независимого государства выработки стратегии освоения «советского» пространства и поиска (конструирования) пространства «несоветского». После установления авторитарного режима в 1996 году этот процесс переосмысления был несколько замедлен, но не прекращен.

С пространственной точки зрения уличные акции конца 1980-х годов тяготели к анклавам и остаткам досоветского Минска, которые стали восприниматься как источники исторической памяти и преемственности. Собственно с акций в защиту «старого города» и исторических памятников начинается наступление организованного национального движения на «советский» Минск. Первые значительные неформальные акции в 1988 году проходили в старом городе, в частности на берегу реки Немига, в районе Троицкого предместья. Протесты против разрушения исторических кварталов происходят во многих странах мира. В иной культурной и исторической ситуации такие акции могли бы проходить под лозунгами противодействия глобализации, модернизации или коммерциализации. Но в контексте конца 1980-х это было выступление прежде всего против «советского утилитаризма», «советского» отношения к прошлому национальных республик, их историческому наследию и традициям.

6 После войны в Минске была построена копия дома, где прошел первый съезд РСДРП в 1898 году, но целостный комплекс памяти вокруг него не был создан.

Следующим шагом стало разрушение «советской целостности» посредством картографирования мест массовых репрессий, которое сопровождалось борьбой за увековечивание памяти жертв в форме мемориалов и публичных акций. Первая акция прошла летом 1988 года в урочище Куропаты, на окраине Минска. Куропаты – место массовых расстрелов в 1930-х – становится первым «антисоветским» местом памяти, которое разрушало монолитность советского городского пространства и давало надежду на возможность создания альтернативного образа столицы Беларуси. Еще одним местом памяти о жертвах сталинской политики стал парк Челюскинцев (практически в самом центре Минска). Эти две точки – парк Челюскинцев и урочище Куропаты – станут в последующие десятилетия главными координатами демонстраций и шествий, связанных с памятью о репрессиях.

Если обобщить характер локализации уличных акций в 1988–1989 годах, то можно проследить формирование сети несоветских мест. В этой *сети* наибольшее значение имели остатки старого города, места массовых репрессий 1930-х, сквер имени Янки Купалы⁷. Много людей собирались на открытия памятных знаков историческим фигурам (например, в 1988 году – Кастусю Калиновскому и Франциску Скорине). Немало акций проводилось перед символами советской власти – в целях их «десакрализации» (например, митинг памяти 2 ноября 1989 года перед зданием КГБ, акция перед памятником Ленину 7 ноября 1990-го). Привязанность к памятникам не означает, что идеологически нейтральное пространство не использовалось – первый многотысячный митинг прошел в феврале 1989 года на стадионе «Динамо», – но именно символика места, тесно связанная с пониманием советского, в целом определяла выбор места проведения акций.

В первой половине 1990-х нанесение на карту «несоветских» мест продолжилось, в частности, происходила символическая «десоветизация» центральной площади столицы, получившей новое имя – Независимости⁸. И, хотя памятник Ленину на ней устоял, политическая символика площади стала определяться многочисленными массовыми акциями, которые превратили ее в один из символов борьбы за независимость и реформы. На площади проходили акции против августовского путча 1991 года, митинги поддержки Белорусского народного фронта, символическая присяга офицеров на верность Белару-

7 Сквер и монумент поэту были созданы в советское время, но уже с конца 1980-х образ Янки Купалы закрепился именно как образ «национального» поэта и жертвы коммунистического режима. В этом отношении он сильно контрастировал со статусом другого классика белорусской литературы Якуба Коласа, который воспринимался в значительной степени как «советский» литератор.

8 До этого – площадь Ленина.

си (8 сентября 1992 года). Символическая значимость площади Независимости сохранялась и после запрета проводить на ней массовые акции⁹.

АНДРЕЙ КАЗАКЕВИЧ
СИМВОЛИКА МЕСТА...

С начала 1990-х начинает складываться пространственная специализация протестов и празднований. Коммунисты в 1992–1995 годах, как правило, собирались в парке Горького. Среди других мест можно отметить площадь Победы и мемориалы, посвященные Второй мировой войне. Например, 3 июля 1993 года, празднуя день освобождения Беларуси, коммунисты организовали альтернативное шествие: начав с площади Победы, они завершили свое движение митингом у обелиска города-героя.

Белорусский народный фронт и его союзники проводили свои акции либо на площади Независимости, либо в сквере Янки Купалы и на площади Парижской коммуны, около Оперного театра (где был установлен памятник Максиму Богдановичу). Эти пункты были местами и сбора демонстрантов, и завершения шествий. Здесь, в частности, праздновались День воли (21 марта 1993-го, 20 марта 1994-го), День белорусской воинской славы (8 сентября 1994-го), здесь же проходил митинг против войны в Чечне (18 декабря 1994-го).

Эта пространственно-символическая система сказывалась на выборе мест для акций и позднее. Однако с середины 1990-х намечается новая тенденция: акции все больше перемещаются к центрам публичности и власти, намечается своеобразный баланс между символическостью и практичностью. Стержнем уличной политики с середины 1990-х становится проспект Франциска Скорины (с 2004 года – проспект Независимости) – от станции метро «Академия наук» до сквера Янки Купалы. Площадь Независимости продолжает сохранять свою символическую значимость, несмотря на то, что начиная с «горячей весны» 1996 года она становится недостижимой целью для демонстрантов¹⁰. Началом традиции можно считать «Чернобыльский шлях» 26 апреля 1996 года, который сопровождался масштабными столкновениями милиции с демонстрантами, пытавшимися пройти к центральной площади.

В 2000–2010-х за небольшим исключением (площадь Независимости, сквер Янки Купалы и урочище Куропаты) симболи-

9 Первые попытки запретить акции на площади Независимости были предприняты в 1993 году, но длительное время они игнорировались.

10 Весна 1996 года была отмечена спонтанным всплеском уличной активности с многотысячными митингами и акциями протеста. В основном акции были направлены против политики ресоветизации и русификации, а также возможного ограничения национального суверенитета в результате интеграции с Россией. Следует отметить, что акции на площади Независимости проходили также осенью 1996-го и в 2007–2008 годах. Но эти акции оказали мало влияния на символику площади. Собственно массовое и политически организованное стремление пройти на площадь Независимости было реализовано только 19 декабря 2010 года после последних президентских выборов. Шествие, начавшееся на Октябрьской площади, завершилось митингом, попыткой проникнуть в здание правительства, жестким разгоном и задержанием участников.

ка пространства постепенно размывается. Уже в 2001 году оппозиция проводит свои акции в парке Горького и на площади Победы. Главными причинами является удобное расположение. Все больше акций связаны со станцией метро «Академия наук», площадями Якуба Коласа, Свободы и другими удобными с точки зрения организации или разрешенными властями местами. Символической нагрузки «места» в большинстве случаев не прослеживается.

Еще более показательным является смещение центра уличного противостояния. В середине «нулевых» им становится Октябрьская (Кастрычніцкая) площадь – место, чрезвычайно удобное с точки зрения логистики¹¹. На этой площади с 2001 года проходили митинги после избирательных кампаний, в том числе многодневные массовые акции протеста после президентских выборов 2006 года, акции после парламентских выборов и референдума 2004-го, протесты после выборов 2010-го. Примечательно, что пространственная организация площади подчеркнута «советская» – начиная с названия и заканчивая размещенными вокруг нее зданиями: Дворец республики («советский модернизм»)¹², музей Великой Отечественной войны, Дворец профсоюзов («советский классицизм») и здания советской застройки 1950-х¹³. Тем не менее, это обстоятельство не оказывается принципиальным ни для организаторов, ни для участников акций. Площадь выступает исключительно как удобное публичное место, не имеющее особого символического наполнения, за исключением памяти о прошедших протестах. Проявлением внимания к символическому оформлению пространства можно считать только решение участников палаточного городка 2006 года переименовать площадь. Новое название – площадь Кастуся Калиновского – некоторое время функционировало в политически ангажированной среде, но скоро было вытеснено, а сама практика альтернативной номинации дальнейшего развития не получила.

Анализ «значения места» для уличных акций в Минске позволяет проследить значительную эволюцию в символическом использовании пространства. В конце 1980-х многие акции были направлены на поиск несоветских мест и десоветизацию городского ландшафта – через создание новых мест памяти, переименования, «десакрализацию» и так далее. К началу 1990-х устанавливаются места, маршруты и монументы,

11 Достаточно большая открытая площадь в центре города, место пересечения двух линий минского метро, расположенная в непосредственной близости от Администрации президента.

12 Строительство комплекса началось в советскую эпоху, но было завершено уже после избрания Александра Лукашенко и при его поддержке.

13 Это контрастирует с организацией, например, площади Независимости, где, кроме административных зданий, расположены костел начала XX века, несколько зданий досоветской постройки и два университета.

которые традиционно связаны с противоборствующими политическими силами. Эта практика сохраняет свое значение в течение 1990-х и постепенно теряет свою силу в следующем десятилетии. В течение первой декады нового века можно наблюдать неуклонный рост символической индифферентности, вызванный освоением и забыванием «советского» в городском ландшафте. Принцип удобства и публичности становится более важным, а признаки политизации пространства, крайне актуальные в предыдущую декаду, практически не фиксируются.

В практике уличных акций последних годов «советское/антисоветское» практически никак не выделяется из городского ландшафта (исключением может быть только сохранившаяся традиция шествий в Куропаты). Такой вывод можно сделать на основе анализа маршрутов и характера акций, их оформления, репрезентации в рекламной продукции и текстах. Наиболее заметным результатом этого процесса является перемещение центра уличных протестов на Октябрьскую площадь. Также показательным примером может быть кратковременный митинг 19 декабря 2010 года на площади Независимости, во время которого представители различных политических сил выступали под памятником Ленину. Шаг этот был во много вынужденным, но при этом организаторы и участники акции практически не отметили данного факта, что еще раз показывает вторичность, а возможно, и полное исчезновение значимости пространственной символики в практике уличных протестов.

АНДРЕЙ КАЗАКЕВИЧ
СИМВОЛИКА МЕСТА...

ДИНАМИКА «СОВЕТСКОГО» В ГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИКЕ

В советском Минске формирование городской топонимики в значительной степени было связано с различными политическими и идеологическими кампаниями. Некоторые из таких кампаний закреплялись, становясь устойчивыми принципами идеологической работы. В 1940-х и 1960-х имела место первая и, наверное, наиболее значительная волна появления «русских» названий. Эта волна стала следствием общесоюзного процесса перестройки идентичности на принципах «руссцентризма», ставших основой идеологии советского государства с середины 1930-х. Во второй половине 1940-х годов появляются несколько десятков улиц, названных именами русских писателей, деятелей культуры и военачальников (Жуковского, Грибоедова, Чехова, Чайковского, Циолковского, Репина, Васнецова, Кольцова, Суворова, Багратиона, Ушакова, Нахимова, Менделеева). Абсолютное большинство из удостоенных памяти людей не были непосредственно связаны с Минском или Беларусью.

025

ВМЕСТО ПАМЯТИ:
СОВЕТСКОЕ СЕГОДНЯ

С 1940-х также начинается закрепление в городском ландшафте имен героев Великой Отечественной войны (Заслонова, Бумажкова, Гастелло, Чайкина, Варвашеня). Расширяется и пласт революционной топонимики (Калинин, Плеханов, Котовский, Бабушкин). С 1960-х годов увековечивание памяти героев Великой Отечественной войны принимает массовый характер. Символической датой начала этой кампании можно считать 1964 год, когда проходило празднование двадцатилетия освобождения города от немецкой оккупации. Тогда появились улицы Кабушкина, Гало, Казинца, Окрестина, Казея. С середины 1960-х этот слой минской топонимики растет очень быстро, становясь доминирующим; он постепенно превращает Минск в большой мемориал войны. Стратегия увековечивания становится разнонаправленной: улицы называют в честь советских военачальников, общесоюзных героев, героев других республик СССР, героев освобождения Минска, минских подпольщиков и белорусских партизан.

В 1960–1980-х названия улиц также давали в честь партийных и государственных деятелей БССР. Это касалось как функционеров довоенного (Голодед, Ландера, Кнорин, Гамарник), так и послевоенного времени (Козлов, Прицыцкий, Сурганов, Машеров). В первом случае названия связывались с различными юбилеями, во втором давались после смерти государственного деятеля. Топонимов, связанных с белорусской культурой, немного (Богданович, Бровка, Дунин-Марцинкевич, Мавр, Гусовский и некоторые другие). Таким образом, на уровне названий городской ландшафт стал во многом определяться уклоном в советский и русский политический и культурный контексты. Даже после обретения независимости в 1991 году было ясно, что основной профиль топонимики будет сохраняться.

Тем не менее, подъем национального движения и распад СССР в начале 1990-х вызвал естественную дискуссию об изменении политики названий¹⁴. Новая политика стала предметом борьбы городского и национального значения и имела широкий общественный резонанс. Даже сейчас многие жители связывают этот период со значительными преобразованиями городского ландшафта, хотя в реальности переименования затронули совсем небольшое количество улиц.

За весь период независимости отмечено около 120 переименований. Абсолютное большинство их (около 80) приходится на 2004 год, когда в результате расширения границ Минска в состав города были включены близлежащие деревни и другие мелкие населенные пункты, которые имели улицы с одина-

¹⁴ Единичные случаи возвращения названий имели место и в конце 1980-х, например, улица Радистов переименована в улицу Золотая Горка (1987).

ковыми названиями¹⁵. Свой вклад в эти изменения внесла и «миграция топонимов». Наиболее значимым в этом отношении был 2005 год, когда была предпринята, в целом неудачная, попытка возродить советскую традицию отмечать юбилей Победы переименованием улиц. «В ознаменование 60-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне» по указу президента страны проспект Машерова стал проспектом Победителей, проспект Скорины – проспектом Независимости, в свою очередь три другие улицы превратились в проспект Машерова. В результате кампании появились два новых топонима, а еще пять названий изменили свое местоположение.

Собственно попытки десоветизировать городской ландшафт через смену названий улиц имели ограниченный успех. Небольшой всплеск начала 1990-х принес несколько исторических (Раковская, Кальварийская) и «национальных» названий (площадь Независимости вместо площади Ленина; улица Богдановича вместо улицы Горького). Но в целом структура топонимики мало изменилась. После 1995–1996 годов «советское» снова становится легитимным, достойным сохранения и даже поощряемым, хотя эти практики имели и значительное количество противников. В течение двадцати лет независимости возвращение исторических названий имело место в семи случаях, появились пять новых названий, связанных с белорусской культурой. С карты города исчезли семь названий, связанных с советским прошлым и культурой.

Посмотрим, как выглядит топонимика Минска к концу первого десятилетия нового века. В массив исследования вошли 780 наименований улиц. За рамками остается анализ идеологически нейтральных названий. Прежде, чем перейти к самому анализу, отмечу специфику используемых категорий классификации. Первое замечание касается разделения между белорусскими коммунистами послевоенного периода и героями Великой Отечественной войны. Как известно, значительная часть белорусской советской элиты имела партизанское (фронтовое) прошлое, поэтому определение ее позиции в таблице может быть спорным. В каждом случае подход был индивидуальным, но преимущество отдавалось категории «Белорусский коммунизм». В нее были включены, в частности, Кирилл Мазуров, Сергей Прищцкий, Петр Машеров. Это же касается и деятелей белорусской культуры. В итоге, вес (в процентах) категории «Вторая мировая война» оказался несколько ниже; однако более детальная дифференциация позволила отразить все многообразие названий.

Подобные проблемы характерны и для разграничения категорий «Русская история и культура», «Советская история и

АНДРЕЙ КАЗАКЕВИЧ
СИМВОЛИКА МЕСТА...

15 О переименовании некоторых проспектов и улиц в г. Минске. Указ президента Республики Беларусь № 216. 7 мая 2005 года.

культура» и «Советский коммунизм». Для решения проблемных случаев мы ориентировались на биографические сведения, энциклопедии и другую справочную литературу. Практически все спорные моменты между «русской» и «советской» культурами решались в пользу последней, именно в эту категорию попали Мичурин, Маяковский, Гагарин. Подобная логика использовалась и в отношении «советских коммунистов»; большинство спорных случаев решались в их пользу, хотя некоторые из них начинали свою деятельность до революции и их можно было бы рассматривать как «русских», а не «советских» революционеров. Таким образом, к категории «Русская культура и история» были отнесены только наиболее очевидные примеры, поэтому этот показатель также в определенной степени оказался занижен в пользу разнообразия.

Следует отметить, что количество спорных названий в общей совокупности достаточно невелико. Границы категорией могут быть подвижными, в зависимости от того, насколько жестко мы относимся к критериям; однако в любом случае колебания удельной значимости не должны превышать 0,5%, что практически не влияет на полученные результаты.

Структура топонимики
Минска по категориям
(в %).

Вторая мировая война	15,4
Международный коммунизм	2,4
Советский коммунизм	6,5
Белорусский коммунизм (до Второй мировой войны)	2,7
Белорусский коммунизм (после Второй мировой войны)	1,2
Белорусская культура и история (досоветский период)	4,9
Белорусская культура и история (советский период)	3,3
Русская история и культура (досоветская)	9,0
Советская история и культура	1,5
«Антисоветские» топонимы	0
Географические названия (Беларусь)	6,5
Географические названия (Россия)	3,8
Географические названия (другие)	2,1
Досоветские названия	6,8
Профессиональные и другие социальные группы	6,5
Физические характеристики	8,2
Отсылки к объектам местности	14,0
Другие	5,1

Как показывает эта таблица, абсолютным лидером среди всех, а тем более политически значимых категорий выступает «Вторая мировая война» – 15,4%, которая в белорусском контексте тождественна категории «Великая Отечественная война». Этот результат, естественно, не является неожиданным, но позволяет количественно отразить значение этого символического пласта в топонимике города. В число почитаемых

героев входит самый широкий спектр лиц: минские подпольщики, белорусские партизаны, военные герои других советских республик, советские военачальники (не обязательно связанные с Беларусью), представители общесоюзного героического пантеона. Все группы представлены достаточно равномерно, поэтому нельзя говорить о доминировании местного контекста в этих названиях. При этом преобладание категории «Вторая мировая война» имеет как количественный, так и качественный характер. Соответствующие названия образуют плотную сетку из крупных, средних и мелких улиц, которые присутствуют во всех частях города.

АНДРЕЙ КАЗАКЕВИЧ
СИМВОЛИКА МЕСТА...

Второе место уверенно занимает категория «Русская история и культура досоветского периода» (9%), причем большинство из увековеченных персонажей не были связаны с Минском. Рост данного слоя топонимов был инициирован соответствующей общесоюзной кампанией и подхвачен местными инициативами при праздновании юбилеев. Увековечен достаточно широкий спектр лиц, представлены как крупные, так и мелкие улицы.

Илл. 1. Улицы, названия которых связаны с памятью о Второй мировой войне.

Третье место занимает группа «Советский коммунизм» (6,5%), представленная как значимыми фигурами советского режима (Ленин, Калинин, Куйбышев), так и менее важными персонажами (Пархоменко, Ногин, Бабушкин). Деятельность многих не связана с Минском или Беларусью.

«Белорусская советская культура» оказалась только на четвертом месте (4,9%), а на пятом – «Белорусская досоветская история и культура» (3,3%). Показательно, что даже суммарная доля репрезентации белорусской советской и досоветской культуры в топонимике меньше, чем русской истории и культуры досоветского периода. Среди крупных улиц, которые связаны с именами белорусской досоветской истории, можно назвать только три: Калиновского, Богдановича и Скорины.

Илл. 2. Улицы, названия которых связаны с белорусской историей и культурой досоветского периода.

Следует отметить, что с 2000 года наблюдается рост этой категории, главным образом за счет новых жилых районов, но крупные улицы получают такие названия редко¹⁶.

16 Наиболее показательный пример – район Большая Слепянка. Там расположены семь мелких улиц частного сектора с именами белорусских деятелей культуры досоветского периода, что составляет около четверти имен данной категории.

Если сделать отдельный анализ улиц, названных в честь исторических личностей (то есть рассмотреть названия, которые в любом случае несут идеологическое содержание), то расклад лидеров не меняется: «Великая Отечественная война» – 31,4%, «Русская история и культура досоветского периода» – 18,7%, «Советский коммунизм» – 12,1%, «Белорусская советская культура» – 10,2%, «Белорусская досоветская культура» – 7,2%. Иными словами, зафиксированные нами тенденции оказываются достаточно устойчивыми.

Таким образом, профиль Минска с точки зрения отражения в топонимике «советского» и «несоветского» выглядит следующим образом. По всем параметрам лидирует увековечивание памяти о Второй мировой войне. Эта категория топонимики значительно опережает все остальные и подтверждает свою важность – 15,4% вклада в общий массив, 31,4% улиц названы именами разнообразных участников войны. Второе место занимает «Русская история и культура» (9% и 18,7% соответственно), что отражает наследие «русоцентричного» фундамента советской идеологии. На третьем месте «Советский коммунизм» (6,5% и 12,1%). На четвертом – «Белорусская советская культура» (4,9% и 10,2%), на пятом – «Белорусская культура досоветского периода» (3,3% и 7,2%). Последние два показателя могут служить определенным свидетельством степени маргинализации белорусской культуры в послевоенной Беларуси.

Приведенные выше данные показательно свидетельствуют о степени советизации Минска как города и столицы, уровень которой в любом случае следует оценивать как очень высокий. Тем не менее, категории, которые в той или иной степени можно интерпретировать как «советские», никогда не представляли собой монолитного единства с политической и культурной точки зрения. В конце 1980-х – начале 1990-х видимость их целостности подвергается серьезному удару, вызывающему все большую фрагментацию «советских» культурных слоев и стимулирующему дифференцированное отношение к различным пластам топонимики в постсоветскую эпоху.

Фрагментация «советского» массива имеет различные проявления. Прежде всего существуют так или иначе связанные с советской эпохой названия, по которым сложился широкий публичный консенсус. Категория «Белорусская культура и история (советский период)» достаточно быстро стала восприниматься как «национальная» и как «советская» в целом уже не опознается. При этом не фиксируется сколько-нибудь существенных гражданских или политических инициатив, направленных против таких названий, число и доля которых за время независимости увеличились. Послевоенные коммунистические деятели Беларуси в целом опознаются как «совет-

АНДРЕЙ КАЗАКЕВИЧ
СИМВОЛИКА МЕСТА...

ские», но по ним так же существует консенсус. По крайней мере, топонимика с их именами до сих пор не становилась предметом существенных дискуссий.

Общественное согласие сложилось и в отношении «Второй мировой войны»¹⁷. Динамика здесь более сложная, но в целом эта категория все больше интерпретируется как часть «национального», а не «советского». Критика такой топонимики связана не столько с пересмотром значения войны в истории Беларуси, сколько со слишком большим количеством подобных названий – избыточным количеством незначительных фигур и героев, не имеющих отношения к Беларуси. С начала 1990-х эта критика набирает силу, но, учитывая общий «сакральный» статус войны в публичном пространстве и возможные политические издержки, маловероятно, что данный пласт может быть существенно изменен. Главной проблемой для данной категории является его узнаваемость: большинство названий не ассоциируются у горожан с людьми (или их деятельностью) и не выполняют функций исторической памяти. Общий уровень узнаваемости для категории «Вторая мировая война», по всей видимости, является более низким, чем для всех других.

Пласт «Русская история и культура» ставит более сложные вопросы. Устойчивый консенсус тут отсутствует, наоборот, есть значительная критика непропорционального и нелогичного присутствия многих деятелей русской культуры и истории на карте Минска. В настоящее время этот вопрос не является острым, но эмоциональное отношение к данному факту в различных сегментах белорусского общества является различным, что повышает возможность сокращения этого символического слоя в будущем. Он практически никогда не опознавался как «советский», и дискуссии о нем проходят в рамках оппозиции «национальное/имперское».

Наиболее противоречивыми категориями являются «Советский коммунизм» и (частично) «Белорусский коммунизм до Второй мировой войны»¹⁸. Консенсуса в отношении этих категорий никогда не существовало. Критика является устойчивой и имеет наиболее широкую социальную и политическую базу. В настоящее время вопрос вытеснения таких топонимов является замороженным и все менее и менее эмоционально нагруженным. Но, учитывая общий культурный и политический контекст, он вновь может быть поставлен в будущем. Соб-

17 Следует отметить, что с начала 1990-х некоторые организации и отдельные интеллектуалы занимали радикальную позицию в отношении памяти о Второй мировой войне в городском ландшафте и ставили под вопрос ее сакральный характер. Но такая позиция не получила сколько-нибудь существенной политической и общественной репрезентации.

18 Это касается деятелей, участвовавших в репрессиях, а также принимавших участие в создании БССР только формально или даже выступавших против идеи белорусской советской государственности.

ственно, только эти названия и продолжают восприниматься как «советские», и в этом наиболее характерно проявляется стратегия фрагментации.

АНДРЕЙ КАЗАКЕВИЧ
СИМВОЛИКА МЕСТА...

* * *

Советская эпоха становится историей, теряя свою негативную и позитивную значимость и целостность. Показательно, что, несмотря на все попытки сохранить в Беларуси присутствие «советского» и на разнообразные эксперименты по созданию национальной идентичности на «советской» основе (которые предпринимались с 1995 года), здесь наблюдаются те же тенденции, что и в соседних государствах. Постепенное забывание советского, его специфики и символического содержания, становится характерным для повседневных политических практик даже тех организаций, для которых оппозиция «советское/не-советское» долгое время являлась принципиальной. Это приводит к устойчивому снижению политического и символического значения «места» в городском ландшафте. В настоящее время многие изначально *советские* места опознаются по событиям *постсоветской* истории. Забывание сопровождается и еще одним принципиальным процессом – последовательной фрагментацией «советского», выделением из него «национального», «нейтрального», «колониального», «своего». Каждый фрагмент становится своеобразным смысловым центром, в отношении которого складываются различные конфигурации общественного согласия и стратегии освоения и/или отрицания.

www.eurozine.com

The best articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at **www.eurozine.com**

eurozine

Гибкость хаоса вместо стройности ансамбля: двадцать лет постсоветского Харькова

Юлия
Скубицкая

Мишель Фуко в одном из своих интервью отметил, что с того момента, как государство стало контролировать город, город стал микрокосмом, отражающим процессы, происходящие в масштабе государства: политика в отношении города стала репрезентацией политики в рамках всей страны¹. Город стал точкой приложения разных по характеру сил, часто ему не подконтрольных. Тем не менее, «внешние» силы, а также внутренние процессы оказывают формирующее влияние как на облик и жизнедеятельность самого города, так и на повседневные практики его жителей. Одним из факторов, дающих толчок изменениям в городской текстуре, является радикальная смена политического и экономического порядков. Именно эти изменения мы сегодня наблюдаем на постсоветском пространстве.

Сейчас, когда советский город становится частью истории, на него постепенно наслаиваются новые структуры и смыслы, отражающие новые экономические, политические и социальные отношения. О таком наслаивании и формировании нового города и пойдет речь. В качестве непосредственного примера я использую Харьков, однако тенденции, которые этот город позволяет увидеть, характерны и для многих других крупных постсоветских городов. Исследование строится на анализе городской среды и ее восприятия жителями города².

Юлия Владимировна Скубицкая (р. 1983) – аспирант кафедры культурологии Национального университета «Киево-Могилянская академия».

В ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКОГО ГОРОДА

Постсоциалистические города стали предметом пристального внимания исследователей сразу же после распада СССР. В большинстве случаев анализ *постсоветских* трансформаций городского пространства неизбежно начинался с определения характерных черт *социалистического* города. Несмотря

¹ FOUCAULT M. *Space, Knowledge, and Power (Interview with P. Rabinow, Skyline, March 1982)* // HAYS M. (Ed.). *Architecture. Theory Since 1968*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1998. P. 430.

² Интервью с информантами проводились 1–16 октября 2011 года.

на совпадение исходной точки, траектории исследований значительно различались: кто-то ограничивался теоретическими предпосылками и краткими описаниями наиболее необычных для западного наблюдателя вариантов городских поселений. Такой подход применяют, например, британские исследователи Виктор Бюхли и Кэтрин Александер³. Впрочем, отмеченные ими радикальные градостроительные эксперименты, реализованные в моногородах, действительно отображают идею советского города, наиболее соответствующего характеру управления страной, ее населением и экономикой. Моногорода и схожие с ними соцгорода, создававшиеся вокруг одного предприятия и призванные прежде всего обеспечивать его функционирование, российский урбанист Вячеслав Глазычев назвал недогородами – по причине полного отсутствия в них публичного пространства, а следовательно, и возможности формирования активного городского сообщества⁴. По мнению Глазычева, основные силы политики советской власти в градостроительстве были направлены именно на создание недогородов. Во многом эти усилия оказались успешными.

Пространство недогорода отличается строгой функциональностью. В нем полностью отсутствует так называемая театрализованная компонента, которая, собственно, и создает поле возможностей для разнообразных форм участия, социального взаимодействия и формирования городского сообщества. В СССР функционирование и планировка городов находились в прямой зависимости от решений центральных властей. В свою очередь власти воспринимали город как неизбежный придаток более существенной сферы деятельности, связанной с организацией эффективного функционирования промышленности. Понятно, что в этот контекст театрализованная компонента вписывалась с трудом.

Нет, театры, конечно, были. Но мест, куда приходили других посмотреть и себя показать, было настолько мало, что их можно пересчитать по пальцам⁵. Да и рассказы городских жителей про эти места часто развиваются совсем не в театральном ключе. Кафе, например, было очень мало, и попасть в них было сложно, не только из-за отсутствия свободных мест, но и из-за довольно высоких цен. Для харьковчан главными публичными местами города стали центральные парки: в них фактически

3 ALEXANDER C., BUCHLI V. *Introduction* // ALEXANDER C., BUCHLI V., HUMPHREY C. (Eds.). *Urban Life in Post-Soviet Asia*. London: UCL Press, 2007. P. 7–10.

4 Согласно Глазычеву, есть две характеристики состоявшегося города: это публичное пространство и городское сообщество. Пять главных объектов, на которые они опираются, – рынок, биржа, суд, харчевня и театр (см.: Глазычев В. *Город на все времена* (www.glazychev.ru/habitations&cities/gorod_na_vse_vremena.htm)).

5 При опросе харьковчан о том, где они проводили свободное время, достаточно скоро запоминаются названия около десяти кафе, пивных, двух парков и одного-двух ресторанов.

был реализован идеал культурного отдыха, заложенный еще в 1930-е годы, хотя идеологической компоненты с того времени явно поубавилось⁶.

Кроме недостатка публичного пространства, еще одной важной чертой многих советских городов стала их стилистическая унификация. Все они должны были представлять визуальный нарратив, свидетельствовавший о принадлежности к единому идеологическому пространству. Обращая внимание на эту тенденцию, канадская исследовательница Ани Горсач в качестве показательного примера приводит статью «Шестнадцать столиц» из журнала «Вокруг света» за 1947 год. Несмотря на то, что в этом тексте общий акцент делается на *индивидуальном* облике каждого из описываемых автором городов, иллюстрации, призванные демонстрировать эту индивидуальность, прежде всего выделяют общность советского стиля – будь то монументальные постройки в стиле сталинского ампира, городские троллейбусы или вид на Баку из парка культуры и отдыха⁷.

При всей своей индивидуализации советские города отличались рядом принципиальных топографических сходств. Прежде всего это наличие четко очерченного центра и противопоставляемой ему периферии⁸. Центр города был местом максимальной концентрации идеологии, находящей выражение в оформлении официальных и жилых зданий, главных городских памятников. Такому центру соответствует и определенная модель города и городского планирования – модель, которую британский урбанист Питер Холл охарактеризовал как «город памятников»⁹.

Попытка превратить Харьков в подобный город памятников сыграла с ним злую шутку. С 1917-го по 1934 год Харьков был столицей УССР, что породило ряд попыток поставить планировку столичного центра в прямую зависимость от государственной идеологии. В начале 1920-х принимается решение о создании нового представительского центра столицы. На пустыре с нуля возводится площадь имени Феликса Дзержинского (ныне Свободы). Центральным звеном этого проекта становится ансамбль конструктивистских зданий, состоявший

ЮЛИЯ СКУБИЦКАЯ

ГИБКОСТЬ ХАОСА ВМЕСТО
 СТРОЙНОСТИ АНСАМБЛЯ...

6 Краткий обзор эволюции советского паркового пространства представлен в: ДОБРЕНКО Е. *Политэкономия соцреализма*. М., 2007. С. 508–531.

7 GORSUCH A. «There's No Place like Home»: Soviet Tourism in Late Stalinism // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. № 4. P. 777.

8 HÄUSSERMAN H. *From the Socialist to the Capitalist City* // ANDRUSZ G., HARLOE M., SZELENYI I. (Eds.). *Cities after Socialism: Urban and Regional Change and Conflict in Post-socialist Societies*. Oxford; Cambridge: Blackwell Publishers Ltd, 1995. P. 223.

9 Город памятников стал результатом воплощения идей движения за «красивый город» (см.: HALL P. *Cities of Tomorrow: an Intellectual History of Urban Planning and Design in the Twentieth Century*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2002. P. 188–218).

Илл. 1. Памятник Ленину на площади Свободы в окружении торговых палаток.

из Дома государственной промышленности (более известно как Госпром), Дома проектов, Дома кооперации, гостиницы «Интурист» и здания Центрального комитета партии. После войны в рамках идеологической борьбы с конструктивизмом большая часть расположенных на площади зданий была реконструирована – в стилистике сталинской архитектуры. Некоторые градостроители выдвинули идею переноса символического центра на место, где он располагался до революции, а именно на площадь Советскую (до 1917 года Николаевскую, а ныне Конституции)¹⁰. К концу правления Хрущева статус площади Дзержинского был восстановлен: на ее территории создается сквер с памятником Ленину (1963 год, скульпторы Алексей Олейник, Макар Вронский, архитектор А. Сидоренко). Увы, последний окончательно закрыл вид на единственное сохранившееся там конструктивистское здание – Дом государственной промышленности¹¹. С изменением политической конъюнктуры после распада СССР Ленин тоже оказался в незавидном положении: примыкающий к нему сквер стал местом проведения постоянно действующей ярмарки, лишаящей этот монумент какой бы то ни было значительности.

10 Касьянов А. *Центр Харькова*. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. арх. Киев, 1955. С. 8.

11 К концу 1970-х харьковские теоретики градостроительства начнут рассматривать Госпром как основную стилистическую доминанту города (см.: Алферов И., Антонов В., Любарский Р. *Формирование городской среды (на примере Харькова)*. М., 1977).

Наличие четко ограниченного центра само по себе предполагало существование противопоставленной ему периферии, традиционно представленной в советских городах промышленными и спальными районами. С точки зрения расселения топография советской городской периферии хорошо укладывается в типологию, предложенную британским географом Дэвидом Смитом¹². Он выделяет пять типов пространственной среды, на которые делится советский город.

Первый тип – это внутренние территории с высоким статусом, высоким качеством жилья и хорошим транспортным сообщением, заселенные преимущественно профессиональными группами. Один мой знакомый, выросший в центре Харькова, рассказывал, что в советские времена узнать, кто ты, можно было, просто спросив название улицы¹³. В центре практически не было случайных людей, поскольку система расселения имела функциональный характер: на Пушкинском въезде жила местная партийная элита, на улице Лермонтовской – ученые, в дореволюционных домах, на улице Дарвина – поселенные там после войны рабочие.

Второй тип – это территории с дореволюционной застройкой, находящиеся внутри центра. Такие территории отличаются более низким качеством жилого фонда, неплохим уровнем услуг и транспортного сообщения. Ярким примером такого типа среды в Харькове стала вышеупомянутая улица Дарвина, застроенная дореволюционными особняками. После войны особняки превратили в коммунальные квартиры и заселили их рабочими.

Третий тип среды – это территории, расположенные вне границ центра, которые в основном заселены «белыми воротничками». Для таких районов свойственна большая доля кооперативного жилья, неплохой уровень транспортного сообщения и общественных услуг. В представлении жителей центра, эти районы, впрочем, частенько описывались как «Тмутаракань»¹⁴.

К четвертому типу относятся территории вне центра города – для них характерен более низкий статус, застройка преимущественно государственным жильем, основная часть жителей – рабочие или приезжие. Такие районы отличались плохим транспортным сообщением и низким уровнем доступа к услугам, которые определялись задержкой во времени и темпах развития инфраструктуры по сравнению с темпами строительства жилья и его заселения.

Наконец, последний, пятый, тип включает в себя расположенные на периферии города районы и пригородные анклав

¹² SMITH D. *The Socialist City* // ANDRUSZ G., HARLOE M., SZELENYI I. (Eds.). *Op. cit.* P. 82.

¹³ Информант 1975 года рождения, образование высшее, всю жизнь прожил и долгое время работал в центральных районах города. Интервью взято 15 октября 2011 года.

¹⁴ Там же.

с частным жильем плохого качества, где в большинстве своем жили сельские мигранты. О транспортном сообщении или доступе к услугам здесь говорить не приходится вообще.

Приведенная выше структура расселения свидетельствует о том, что в СССР проект по созданию утопического городского поселения, лишённого сегрегации, провалился. Показательно, что в финальной главе своей книги «Планы, прагматика и люди» британский исследователь Энтони Френч приходит к выводу, что социалистические города так и не стали местом воплощения в жизнь идей социализма. Более того, по уровню жизни и характеру функционирования социалистические города оказались практически близнецами-неудачниками городов капиталистических:

«За последние тридцать лет советский город не двигался к достижению идеальных целей. Если говорить об улучшении жизни горожан в терминах демократичности, социальных отношений, равноправия между индивидуумами и группами, достатка и материальных благ, то здесь городское планирование в системе командной экономики дало минимальные результаты»¹⁵.

Все же стоит отметить, что Френч упускает в своем анализе тот факт, что названные им отличия существенно меняли повседневные практики социалистического города. Впрочем, говорить о том, что после распада СССР города бывших союзных республик вышли на качественно новый уровень в терминах демократизации, равноправия, социальных отношений и материальных благ, стоит очень аккуратно. Изменения носили как позитивный, так и негативный характер.

К НОВОМУ ОБРАЗУ

Как уже отмечалось, советский город обладал четко выраженными визуальными характеристиками, обозначавшими принадлежность к единому пространству большой страны. Одной из главных его компонент был идеологически выдержанный центр. После распада СССР для новых властей идеологическая компонента центральных памятников стала высказыванием, которое трудно не заметить. Государство было вынуждено прояснить свою позицию по отношению к социалистическому наследству. За двадцать лет, прошедших после исчезновения Советского Союза, эта позиция оформилась достаточно четко. О том внимании, которое украинская власть была готова уде-

15 FRENCH A. *Plans, Pragmatism and People*. London: UCL Press Limited, 1995. P. 201. Здесь Френч практически перечеркивает свои выводы, сделанные в более ранней работе: FRENCH A., HAMILTON I. (Eds.). *The Socialist City: Spatial Structure and Urban Policy*. Chichester: John Wiley, 1979. P. 1–46.

лять своему визуальному образу, можно было судить уже по реконструкции центральной для Киева площади Независимости (2001 год, архитектурное бюро «А. Комаровский» совместно с архитектурным бюро «С. Бабушкин»). И, хотя дальнейшее развитие этого процесса символической трансформации пространства было не столь масштабным, за двадцать лет столица страны постепенно наполнялась новыми маркерами.

ЮЛИЯ СКУБИЦКАЯ
ГИБКОСТЬ ХАОСА ВМЕСТО
СТРОЙНОСТИ АНСАМБЛЯ...

На периферии ситуация складывалась несколько иначе. В Харькове изменения городской среды определялись курсом на локальную идентичность и уверенный отход от больших нарративов. Сопротивление масштабным идеологическим схемам наиболее ярко отразилось в процессе установки новых национальных памятников. Так, памятнику, установленному к десятой годовщине независимости (2001 год, скульптор Александр Ридный), не повезло не только с местом (он установлен на оживленной транспортной развязке, расположенной в некотором отдалении от символического центра города), но и с исполнением. Отделанная под пальму мрачная колонна с соколом наверху в соединении с маленькой девочкой у постамента и десятью флажками получила заслуженное восьмое место в рейтинге самых безвкусных памятников страны¹⁶. Стоит от-

Илл. 2. Общий вид памятника Независимости.

16 См.: www.objectiv.tv/191109/33988.html.

метить, что небольшая площадь перед этой композицией обычно пустует. Показательно, что на этом фоне огромная площадь Свободы – размеры которой могли бы «отпугнуть» потенциальных отдыхающих – выглядит достаточно оживленной.

Примерно так же не повезло и мифическому основателю города, казаку Харьку, подаренному Харьковскому скульптором Церетели. Статуя конного воина на высоком постаменте тоже была установлена в центре транспортной развязки. И, хотя к символическому центру Харькова ближе, а масштабы площади открывают его для обозрения пешеходов, большинство харьковчан видят казака из окон транспорта – во фрагментарном и очень специфическом ракурсе. В народе даже появилось выражение «проспект Ленина Харьку под хвост», поскольку каждый, кто едет по проспекту в центр, на перекрестке видит только заднюю часть лошади.

Эти примеры, впрочем, важны по другой причине. Они хорошо отражают общую тенденцию, согласно которой предпочтение отдается символизму локальному, а не общенациональному: национальное воспринимается с явно выраженным скепсисом¹⁷. В результате, нарратив новой нации в Харькове адекватной репрезентации так и не получил. Даже памятник Голодомору (2008 год, скульптор Александр Ридный) – установка которого была санкционирована из центра практически для всех населенных пунктов страны и строго контролировалась властями – харьковчане сначала попытались вынести за город, а потом установили на выезде в сторону России с обещанием создать на этом месте целый мемориальный комплекс, который, естественно, возведен не был¹⁸.

Эти примеры свидетельствуют и еще об одном: на данный момент город не перегружает свой символический центр прямыми противопоставлениями и наслоениями противоречащих друг другу символических маркеров. Вместо этого город постепенно начал наполняться маленькими скульптурами интерактивного характера. Это касается не только главных персонажей «Двенадцати стульев», которые, по мнению харьковского историка Владимира Кравченко, своей популярностью в народе обязаны предпринимательскому духу харьковчан, но и, например, памятнику футбольному мячу (2001 год, скульптор Олег Шевчук, архитектор Владимир Тишевский), установленному на месте, где еще с советских времен собирались болельщики харьковского клуба «Металлист»¹⁹. В постсоветское вре-

17 КРАВЧЕНКО В. *Харьков/Харків: столица пограничья*. Вильнюс: ЕГУ, 2010. С. 280–332.

18 В Харькове поставят памятник Голодомору // Сегодня. 2008. 18 июня (www.segodnya.ua/news/10045842.html).

19 См.: КРАВЧЕНКО В. Указ. соч. С. 316–318; *Достопримечательности Харькова. Памятник футбольному мячу* (<http://miko-tour.com/dostoprimechatelnosti-xarkova/item/167-dostoprimechatelnosti-xarkova-pamyatnik-futbolnomu-myachu.html>).

мя мяч стал одной из новых местных достопримечательностей. О популярности этого символа говорит и то, что в 2008 году еще один мяч был установлен в другом районе города (в данном случае непосредственным поводом послужила подготовка к Евро-2012²⁰).

ЮЛИЯ СКУБИЦКАЯ
ГИБКОСТЬ ХАОСА ВМЕСТО
СТРОЙНОСТИ АНСАМБЛЯ...

Популярность таких памятников среди городских жителей позволяет сделать вывод о том, что пространство Харькова наиболее успешно осваивается скульптурами, которые соответствуют структурам повседневного опыта. Отсутствие образования в сфере визуального мышления в данном случае является определяющим фактором в восприятии новых художественных форм. Этим во многом объясняется простота и доступность выразительных средств, используемых в локальных скульптурах. С этим же связаны и проблемы в восприятии малой городской скульптуры. Например, неплохой с художественной точки зрения памятник Влюбленным (2002 год, скульптор Дмитрий Иванченко) пришлось огородить фонтаном, поскольку его модернистское решение вызывало слишком бурную реакцию местной молодежи, непременно пытавшейся обогатить его визуальный ряд. Впрочем, модернизм этой скульптуры не очень жалует и старшее поколение. В одном из интервью на мой вопрос «Как вы относитесь к памятнику Влюбленным?» моя информантка ответила лаконично: «Не

*Илл. 3. Памятник
Влюбленным.*

20 Идею перенял Донецк. Сейчас перед Донбасс-ареной стоит продвинутая версия харьковского мяча.

люблю дистрофиков»²¹. Несмотря на противоречивые чувства, которые вызывают *Влюбленные* у окружающих, сам памятник является центром притяжения для прилегающей к нему площади, что уже свидетельствует об успешности этого проекта.

Вышеупомянутая тенденция к локализации экспрессивных форм отражается и в серии граффити харьковских уличных художников Гамлета Зиньковского и Сергея Харлашина, посвященной писателям, в честь которых названы улицы города. В поле зрения художников попали Николай Гоголь, Александр Пушкин и Сергей Есенин. Серия начинается «душераздирающей» сценой под названием «Дуэль века» в одном из въездов во двор возле станции метро «Пушкинская». На этой сцене одинокий Пушкин, написанный на фоне зимнего пейзажа, стреляет в нарисованную на противоположной стене ухмыляющуюся толпу героев современной поп-культуры.

В посвященной ему серии Александр Сергеевич, таким образом, выступает как истинный лирический герой, последний романтик нашего века, который безуспешно, но отчаянно пытается бороться с наступающими ценностями современной глобализированной культуры. В целом серия представляет собой попытку оживить героев, которые долгое время уничтожались («увековечивались») не только особенностями преподавания литературы в советской школе, но и самим дискурсом героизации, возносившим их на недостижимые трагические высоты. Не без иронии авторы все же пытаются оживить своих героев, вернуть им дыхание и человеческий масштаб. В результате по-новому решается вопрос о культурном образовании общества, которым харьковская интеллигенция озаботилась, задумав памятник отцу Федору на железнодорожном вокзале²².

Я уже отмечала, что многие художественные объекты Харькова свидетельствуют об определенной усталости от больших и официальных нарративов. Несмотря на все попытки, центральные власти так и не смогли символически закрепиться в центре города. В свою очередь старые памятники – свидетели истории – постепенно уходят из городского пространства, хотя это зачастую происходит по инициативе местных властей и, судя по всему, служит исключительно высокой цели победы на следующих местных выборах²³. Способность Харькова

21 Информантка 1960 года рождения, образование высшее; интервью взято 1 октября 2011 года. Практически слово в слово ее комментарий повторил другой информант (1975 года рождения, образование высшее; интервью взято 15 октября 2011 года). Оба большое внимание уделяют поддержанию высокого уровня своего культурного капитала.

22 Церемония открытия памятника, проходила под лозунгом «Ударим монументом по пессимизму и бескультурью!» (www.poiradar.ru/poi/PamyatnikOtcuFedoru-11416/Kharkov-2180/Sightseeings_Monuments#/poi/PamyatnikOtcuFedoru-11416/Kharkov-2180/Sightseeings_Monuments).

23 По крайней мере, именно эта стратегия получила широкое применение в ходе предыдущих местных выборов, в результате которых власть осталась в руках той же политической силы, хотя и не без ряда сомнительных махинаций.

ЮЛИЯ СКУБИЦКАЯ
ГИБКОСТЬ ХАОСА ВМЕСТО
СТРОЙНОСТИ АНСАМБЛЯ...

*Илл. 4, 5. «Дуэль века»:
два граффити, распо-
ложенные друг напро-
тив друга в одном из
въездов во двор по улице
Пушкинской.*

воздерживаться – если не противостоять – от попыток использования своей территории для общенациональной символической риторики является ярким свидетельством снижения уровня символического контроля центральных органов украинской власти над регионами.

Главным в этом процессе для меня является то, что новые харьковские герои – это люди большой иронии и практичности. Присущий позднему советскому обществу отказ от патетики совместился здесь с уроками 1990-х, где персонажи «Двенадцати стульев» чувствовали бы себя как дома. Так, например, Остап Бендер, установленный владельцем одного из харьков-

ЮЛИЯ СКУБИЦКАЯ

ГИБКОСТЬ ХАОСА ВМЕСТО
 СТРОЙНОСТИ АНСАМБЛЯ...

ских ресторанов под лозунгом «Пиво – не только для членов профсоюза», стал не только гимном отсутствию дефицита, но и снятию социальных различий статусного характера, присущих советскому обществу.

Усталость от больших нарративов проявляется и как усталость от законченных ансамблей и монотонности пространства центра города. С помощью малой скульптуры город приобретает элемент неожиданности и стилистического разнообразия. Текстура города становится более многослойной, а набор визуальных приемов его освоения – более сложным.

Илл. 6. Памятник Остапу Бендеру, установленный возле одного из местных ресторанов.

Процесс освоения города с помощью новых выразительных средств особенно очевиден на примере граффити. Описанные мною работы выполнены профессиональными художниками и несут ясно выраженную идею. Но визуальный ряд настенных росписей часто свидетельствует о желании «развалить» стройный («ансамблевый») образ окружающей среды посредством ее индивидуализации.

Примечательно, что внесение индивидуального элемента в стройные ряды голых стен советского города, изредка украшенных идеологически правильными мозаиками или росписями, стало так же и необходимым условием для освоения города капиталом. Попытки магазинов и центров по оказанию услуг привлечь внимание потенциальных клиентов при-

вели к тому, что серые фасады советских домов постепенно вытесняются огромным количеством часто несоотносимых между собой визуальных маркеров типа рекламы и вывесок; иногда внешние стены полностью переделываются. Возьмем, к примеру, такой вариант оформления стены одного из конторских зданий по улице Шевченко. Закрывающая стену реклама как бы представляет желаемый образ самой стены. Изображенная на ней уютная, практически домашняя обстановка резко контрастирует с унылым бетоном, этой рекламой прикрытым.

ЮЛИЯ СКУБИЦКАЯ
ГИБКОСТЬ ХАОСА ВМЕСТО
СТРОЙНОСТИ АНСАМБЛЯ...

Неконтролируемое производство визуальных знаков привело к тому, что стройность и упорядоченность советского визуального стиля была побеждена визуальным хаосом постсоциализма. Победа эта, впрочем, оказалась пирровой: избыток визуальной информации привел к эффекту, названному в свое время американской исследовательницей Сюзан Бак-Морсс анестетическим²⁴. Именно такой становится организация аппарата восприятия индивида, одновременно атакуемого со всех сторон фрагментарными впечатлениями. Бесчувственность, снижение порога восприятия становится защитной реакцией на ситуацию, в которой объем визуальной информации бло-

Илл. 7. Оформление фасада магазина «Широкоформатный друг», расположенного в одном из казенного вида конторских зданий. В названии используется игра слов: «друг» по-украински – печать.

24 BUCK-MORSS S. *The City as Dreamworld and Catastrophe* // October. 1995. Vol. 73. P. 8.

кирует возможности ее переработки и усвоения. Двадцать лет постсоветской жизни – сопровождавшиеся интенсивным развитием среднего и малого бизнеса – превратили символически разреженное пространство советского Харькова в пространство символического перенасыщения. Безусловно, визуальное оформление Харькова сегодня гораздо больше отражает его жителей, их вкусы, пристрастия и желания. А вот изменения в структуре пространства имеют несколько иной характер.

К НОВОЙ СТРУКТУРЕ

После распада СССР социально-пространственная структура Харькова менялась под воздействием факторов, которые влияли и на всю структуру бывшего советского общества. Если раньше в системе расселения преимущественную роль играл *социальный* статус претендента на жилье, то в системе неоллиберальной экономики она перешла к *капиталу*. Именно капитал стал главной движущей силой в трансформации общества и пространства, в создании новых структур²⁵. Вторжение капитала в пространство советских городов стало довольно болезненным процессом, поскольку новая логика развития была вынуждена считаться с принципами социалистического городского планирования, которые, собственно, и определяли структуру трансформируемых поселений.

Парадоксально, но высокий уровень сопротивления новому экономическому порядку оказали центральные районы города, наиболее престижные в советское время²⁶. Большинство этих районов были построены в 1920-х годах, поэтому в новых экономических, административных и технологических условиях их положение оказалось очень незавидным. Первой жертвой стала сфера услуг. Советская микрорайонная планировка не предполагала присутствия случайных прохожих. Это привело к тому, что частная торговля, которой нужны открытые пространства, возможность легкой ориентации и большое количество людей, развиваться здесь не смогла. Свою роль сыграл и высокий уровень арендной платы. В таких условиях предпринимательская деятельность оказалась нерентабельной, и общественные услуги были сведены к минимуму. В спальных районах ситуация развивалась в прямо противоположном направлении. Став более самодостаточными, эти районы оказались привлекательными для новых инвесторов: незастроенные территории, более низкая плата за землепользование

²⁵ Здесь, впрочем, не стоит отмечать и коррупционную компоненту, связанную, скорее, с капиталом не экономическим, а административным. Тем не менее, ее роль в организации пространства не является определяющей.

²⁶ См.: Кравченко В. Указ. соч. С. 318.

способствовали возникновению городков потребления на периферии города.

Экономические проблемы коснулись и жильцов старых центральных районов. Многие из них после перестройки не смогли позволить себе платить по счетам за коммунальные услуги. Кто-то вынужден был сменить жилье, кто-то начал сдавать квартиры. Однако дома советских центральных кварталов не смогли составить достойную конкуренцию новой застройке по ряду причин – прежде всего технических. Возможности коммуникаций, подведенных к довоенным домам, уже не могли обеспечивать нормальную работу оборудования, которое является неотъемлемой частью современного элитного жилья. То же самое, кстати, касается и торговых точек. Отсутствие капитального ремонта и большие размеры квартир сделали такое жилье неконкурентоспособным, по крайней мере, на рынке жилья для покупателей с доходами выше средних. Все это не имело бы таких катастрофических последствий, если бы центром интересовались элиты. Но они предпочли самоустраниться из города как такового в поисках радостей пригородной жизни и закрытых территорий. В итоге новых жильцов особо не прибавилось, и некогда престижный центральный район начал стареть.

Если в советские времена сегрегация отражалась в географии расселения и плохом транспортном сообщении между более и менее престижными районами, то в 2000-х, когда в украинских городах началось активное строительство, она материализовалась в обыкновенном заборе²⁷. При этом в постсоветское время городские районы стали более связанными за счет развития децентрализованной транспортной инфраструктуры. Если раньше поездка с городских окраин в центр становилась долгим и полным приключений путешествием, то сейчас эта задача заметно упростилась, несмотря на заторы на дорогах и не всегда удачные попытки решения этой проблемы²⁸.

С точки зрения городского жителя осваивать город стало проще. Центр обогатился необходимой инфраструктурой. Город обрел свою театральную компоненту – здесь появилось большое количество кафе и различных заведений развлекательного характера. Развлечения, однако, пришли в центр в очень специфической форме. Центральная площадь Свободы

ЮЛИЯ СКУБИЦКАЯ

ГИБКОСТЬ ХАОСА ВМЕСТО
 СТРОЙНОСТИ АНСАМБЛЯ...

27 Наиболее полно этот феномен был рассмотрен в книге Сеты Лой, см.: Low S. *Behind the Gates: Life, Security and the Pursuit for Happiness in Fortress America*. New York: Routledge, 2003.

28 Можно привести как минимум два примера. Первый – крайне неудачное строительство дороги через парк Горького, якобы для разгрузки центральной улицы Сумской. Результат – полторы тысячи вырубленных деревьев, аварийно опасная траектория дороги, Т-образный перекресток, несколько новых светофоров на улице Сумской. И, конечно, массовые протесты жителей против вырубki деревьев. Второй – расширение проспекта Гагарина. Снова были вырублены деревья, но новенькая четырехполосная дорога уперлась в мост на две полосы, что нивелировало весь позитивный эффект.

(бывшая Дзержинского), увенчанная памятником Ленину, оказалась местом периодического проведения различных ярмарок, выставок песчаной скульптуры и функционирования луна-парков (то же самое произошло с прилегающим к ней парком Шевченко). Публичное пространство центра было фактически отдано на откуп жителям периферийных районов, людям с невысоким доходом и уровнем образования, в основном, молодежи²⁹. Специфика такого отдыха состоит в том, что он объединяет в себе удовольствие от освоения места с высоким уровнем концентрации символического капитала – места с очень сильной дисциплинирующей компонентой – с удовольствием от развлечения, которое эту дисциплинарную компоненту снимает. Такая символическая девальвация официального центра города, где раньше торжествовали практики «культурного отдыха» советского человека, вызвала психологическую и эстетическую фрустрацию жителей центра³⁰.

В то время, как массы начали завоевывать центр, средний класс стал искать себе место за границами центра, в более или менее отдаленных от него спальных районах, где возникли крупные торговые комплексы. Потребители с доходами выше средних закрылись в небольшом количестве расположенных в центре баров и ресторанов. При этом они же в меру финансовых возможностей старались переселиться на природу: либо в один из больших центральных парков (парк Горького), либо за город, куда за ними последовала и сфера услуг.

Параллельно с изменениями характера взаимодействия социальных групп в постсоветском Харькове происходят и соответствующие изменения политического, экономического и культурного порядков. Органы государственной власти сводят свое присутствие и управление городским пространством до уровня полицейского контроля, что, согласно Зигмунту Бауману, в целом соотносится с тенденциями современного глобализованного общества³¹. Небольшие и несистемные интервенции городских властей в сферу благоустройства проявляются в виде поверхностного наведения порядка, что не позволяет решить системных проблем функционирования городской среды в новых условиях. Как и во многих постсоветских городах, в Харькове складывается система управления, которую Глазычев назвал «силовой бюрократией»³², то есть такая интегрированная структура управления городом, которая отра-

29 Буряк А. *Исторический центр после коммунизма (вместо послесловия)* // Юбилейный наряд Харькова [препринт]. Харьков: Харьковский клуб, 2007. С. 30.

30 Там же. С. 24–41.

31 БАУМАН З. *Глобалізація. Наслідки для людини і суспільства*. Київ, 2008. С. 54–57.

32 ГЛАЗЫЧЕВ В. *Непознанная действительность: города в попытке самоопределения* (www.topclub.com.ua/seminars/-/asset_publisher/46Wj/content/id/134227).

жает интересы прежде всего местных «силовики» – судей, бандитов, милиции, депутатов и властного аппарата³³.

В результате, механизм социальной сегрегации, работа которого в советское время была натурализована и принималась жителями как данность, становится видимым и вызывает порой жесткое противостояние между властями и простыми жителями, например, в форме борьбы за городское пространство и доступ к ресурсам. Это прежде всего касается массовой приватизации озелененных территорий: городских пляжей и парков.

Таким образом, нельзя утверждать, что характерные для советского города проблемы недостаточной демократичности, качества социальных отношений, равноправия между индивидуумами и группами, уровня достатка и материальных благ, отмеченные Френчем, находят свое решение в постсоветском Харькове. Меняется социальная структура, меняется городское пространство и характер его освоения, но новый порядок приносит те же самые проблемы, хотя и в другой форме.

ЮЛИЯ СКУБИЦКАЯ

ГИБКОСТЬ ХАОСА ВМЕСТО
 СТРОЙНОСТИ АНСАМБЛЯ...

POST SCRIPTUM

Среди изменений, произошедших в Харькове за последние двадцать лет, пожалуй, наиболее важным является то, что управление, функционирование и оформление города стало доступным для гораздо большего числа акторов. Процесс и условия доступа продолжают меняться: появляются новые участники, изменяются правила игры. И сами эти изменения вносят в городское пространство динамику, которой не было раньше. Эти же изменения порождают и конфликты между лицами, вовлеченными в процесс определения полномочий друг друга. Итогом становится обретение нехарактерной для советского города гибкости. Время в постсоветском городе ускоряется, как ускоряется и процесс принятия решений по ключевым вопросам. В результате, многие изменения вносятся в городское пространство с изначальным расчетом на короткую перспективу. Это отражается даже в городской застройке, где большое распространение получают временные легкие конструкции. Особенно характерными они становятся в сфере услуг, от которой требуется максимально быстрая адаптация к новым условиям.

Все это, несомненно, связано и с работой капитала, которому для успешного функционирования необходимо освоение

33 В качестве примера подобной модели городского управления может служить конфликт, возникший вокруг новой дороги и застройки части территории парка Горького. Анализ этих событий см. в: Ведров О. *Парк конфліктів: боротьба в парку Горького як дзеркало харківської громади* // Спільне. Журнал соціальної критики. 2010. № 2. С. 96–101.

ЮЛИЯ СКУБИЦКАЯ

ГИБКОСТЬ ХАОСА ВМЕСТО
 СТРОЙНОСТИ АНСАМБЛЯ...

ресурсов, не представлявших интереса для командно-плановой экономики. Одним из позитивных результатов этой работы становится развитие транспортной инфраструктуры, которая более прочно связывает ранее разрозненные районы города.

Впрочем, как уже отмечалось, этот процесс несет в себе как позитивные, так и негативные последствия (например, пользоваться услугами частных перевозчиков некоторые группы населения позволить себе не могут). То же самое можно сказать и о расширении диапазона возможных практик и стратегий освоения города, в котором продолжается процесс установления границ, символизации пространства и натурализации в нем нового порядка.

Мо(ну)менты прошлого: нелинейная история взаимосвязей в Калмыкии

ЛЮБОВЬ
ЧЕТЫРОВА

Чем дальше от нас 1990-е годы, тем острее интерес исследователей к советскому прошлому, тем сильнее ностальгия, переживаемая бывшими советскими людьми. Историзация советского опыта осуществляется по-разному: оптика восприятия прошлого профессионала-исследователя и *обычного* человека опирается на разные основания. Историзация советского опыта в отечественной исторической науке происходит в рамках прогрессистской парадигмы с линейным представлением о времени. Точнее, экспликация истории и историчности бытия в европейской философии осуществлялась в культурном горизонте, очерченном универсалиями христианства. Концептуализация времени, произведенная Августином Блаженным, позволила описать историю как линейный процесс и сохранила свойственную христианству эсхатологичность. От Августина до Гегеля и Хайдеггера эсхатология присутствует в европейской философии, определяя характер конструирования и интерпретации истории.

Насколько эта парадигма культуры, определяемая «линейным временем», позволяет объяснить те практики историзации советского опыта, которые все отчетливее формируются в мультикультурном российском обществе? Насколько универсальной оказывается эсхатология христианского типа для бывших советских людей? Используя примеры из жизни современной Калмыкии, я попытаюсь проследить, как происходит сочетание буддийской семантики с советской символикой. В данном случае военная история калмыков оказывается основой новых практик организации символического пространства как на уровне монументальных памятников архитектуры, так и на уровне индивидуальных интерпретаций.

Любовь Борисовна Четырова (р. 1953) – профессор кафедры философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета.

ВОЕННАЯ ТРАВМА

Во время Сталинградской битвы Наташа Качуевская, молодая москвичка-санинструктор, совершает подвиг вблизи калмыцкого поселка Хулхута. Чтобы спасти спрятанных в блиндаже раненых солдат, она подрывает себя и нескольких гитлеровцев

ЛЮБОВЬ ЧЕТЫРОВА

МО(НУ)МЕНТЫ ПРОШЛОГО:
НЕЛИНЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
В КАЛМЫКИИ

гранатой. В 1960-х подвиг Наташи – как до сих пор ласково называют ее жители села – подвергается предсказуемой канонизации. Ее именем называется пионерская дружина местной школы. Мать санинструктора приезжает несколько раз в Хулхуту, а хулхутинские пионеры навещают ее в Москве. В 1997 году Качуевской присваивается звание Героя Российской Федерации.

Илл. 1. Ступа у Хулхуты.

В постсоветский период традиционное оформление военного подвига девушки подвергается любопытным трансформациям. Буддистские символы и нарративные конвенции высветили те аспекты подвига, которые прежде не обнаруживались. Например, в новой версии подвига стало подчеркиваться, что произошло именно на том месте, где до 1930-х годов находились буддистские культовые сооружения – храм (хурул) и *ступа*. Ступа – архитектурный символ мироздания – была возведена на месте кремации и захоронения знаменитого Анджа ламы, жившего в XVIII веке. После разрушения хурула в 1930-х верующие соорудили на месте ступы землянку, где до войны втайне осуществляли культовую практику. Несколько лет назад выходцы из Хулхуты, сделавшие успешную карьеру, соорудили на месте разрушенного хурула ступу долголетия Ушнишавиджайи с тринадцатью молитвенными барабанчиками-кюрде. Ступа находится в двух с половиной километрах от села, на вершине холма, и сегодня является местом культовой практики; в шести-десяти метрах от ступы и расположена могила Качуевской.

Благодаря этим пространственным трансформациям подвиг Качуевской также подвергся значительной нарративной реконтекстуализации. Каноны советской мемориализации акта самопожертвования оказались вписанными в иные символические рамки: спасти раненых Наташе помогло само сакральное место, место иерофании. Незримо присутствуя, Анджа лама помог советским солдатам избежать смерти с помощью девушки. В свою очередь Наташа совершила подвиг бодхисатвы ради блага других людей и получила хорошее перерождение.

В тибето-буддийской культуре, каковой является в основе своей культура калмыков (и бурят), связность явлений объясняется взаимозависимым существованием событий и живых существ¹. Согласно учению тибетского буддизма, фундаментальная взаимозависимость делает события возможными. Сеть взаимозависимостей настолько сложна, что события, случающиеся в мире, не могут быть связаны линейным способом. Событие происходит в силу кармических причин, определяющих будущие действия и переживания. История в такой оптике предстает как нелинейный процесс, а историзация прошлого, как хорошо показывает постсоветское переосмысление подвига Качуевской, требует отыскания точки, вокруг которой происходит упорядочение событий прошлого.

В случае с подвигом Качуевской изменение точки упорядочивания прошлого повлекло за собой и смену ритуалов памяти. В калмыцком народном буддизме и сегодня важную роль продолжают играть добуддийский культ огня и обряд жертвоприношения огню. Жертвенное животное, предназначенное для перерождения, выступает двойником человека и символом рода. Обряд выполняет очистительную, защитную и магическую функции². Надо сказать, что до революции этот обряд совершали буддийские священнослужители-калмыки. Сегодня же тибетские ламы, практикующие в главном буддийском храме Элисты, не поощряют исполнения данного культа. Тем не менее, калмыки продолжают его осуществлять. В рассматриваемом случае рядом со ступой находится жертвенник, где разводится огонь и совершается жертвоприношение. Принося жертву покровителям рода – а в данном случае это не только популярная у калмыков богиня долголетия Ушнишавиджайя, но и благочестивый лама Анджи, – верующие невольно вспо-

ЛЮБОВЬ ЧЕТЫРОВА

МО(НУ)МЕНТЫ ПРОШЛОГО:
НЕЛИНЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
В КАЛМЫКИИ

1 Согласно буддийской космологии мир создан коллективной силой действий живых существ. Их накопленный потенциал, остающийся в потоке сознания в результате любого физического, словесного или мысленного действия, порождает энергии (ветры), которые *создают мост* между материей и сознанием. Вселенная возникла, во-первых, благодаря коллективной карме, во-вторых, вследствие взаимосвязи живых существ с буддами и бодхисатвами. См.: Конгтрул Дж. *Мириады миров. Буддийская космология в Абхидхарме, Калачакре и Дзогчене*. СПб.: Уддияна, 2003. С. 37; см. также: Мэнсфилд В. *Тибетский буддизм и современная физика. На пути к единству любви и знания*. М.: Новый Акрополь, 2010. С. 167.

2 *Калмыки* / Отв. ред. Э.П. Бакаева, Н.Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. С. 444–449.

минают Наташу. В культовую практику, связанную с почитанием ламы, вплетается память о подвиге советской девушки.

История вторичной мемориализации подвига Наташи интересна по нескольким причинам. Само восстановление ступы вряд ли можно считать примечательным: в последние два десятилетия в Калмыкии – как и по всей стране – шло восстановление и реконструкция уничтоженных в годы репрессий культовых сооружений. Буддизм так же, как православие или ислам, выступает важным ресурсом социальной идентичности в постсоветской России. Важно другое: присутствие *военной канвы* в этом постсоветском нарративе. Принципиальным здесь является общая тенденция поиска форм *сочетания* – а не механизмов вытеснения – советской и буддийской семантики в новых практиках памяти. На мой взгляд, причина такого сочетания советского и буддийского кроется в травме депортации и навязываемого в 1960-е годы чувства *коллективной вины* из-за коллаборационизма незначительной части калмыков.

Напомню, что 28 декабря 1943 года в ходе операции «Улусы» мирное население Калмыцкой АССР – а это были в основном женщины, дети и старики – было выслано в Сибирь и Казахстан. Лютой зимой 1943–1944 года калмыков привезли в вагонах для скота в Сибирь и поселили в бараках для спецпереселенцев. Для трети калмыков путь в Сибирь оказался дорогой смерти. Правовой основой для ссылки стал указ президиума Верховного совета СССР от 27 декабря 1943 года «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» в связи с тем, что «в период Великой Отечественной войны многие калмыки изменили Родине», участвуя в Калмыцком кавалерийском корпусе (ККК), созданном как одно из восточных подразделений вермахта в 1943 году. При этом общая численность ККК составляла 3 тысячи человек, в то время как численность калмыков, сражавшихся в советской армии, составляла 30 тысяч. В течение полугода мужчин-калмыков, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны, отозвали в тыл и отправили в Широкалаг и другие сталинские лагеря³.

Травма депортации была связана не только с большими людскими потерями⁴. Травматической для калмыков была утрата своей государственности, утрата статуса равноправных гражд-

3 Гучинова Э.-Б. *Улица «Kalmyk Road»: история, культура и идентичности в калмыцкой общине США*. СПб.: Алетейя, 2004. С. 106–116; Убушаев В.Б., Убушаев К.В. *Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг.* Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2007. С. 302.

4 Всего в начале 1944 года в Сибирь и Казахстан были переселены 91 059 человек, ко времени снятия со спецпоселения в 1956 году их насчитывалось 82 806 человек. Смертность среди калмыков в условиях ссылки превышала рождаемость в два раза: за первые 10 лет родились 13 724 человек, умерли 26 626 (см.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 103, 128).

дан и, как они считали, утрата чести и достоинства. Чувство унижения было настолько сильным и коллективным, что, строя аргументацию в пользу восстановления автономии, калмыки использовали его в качестве важнейшего аргумента. В тексте обращения калмыков в ЦК КПСС в 1956 году, например, отмечалось: «Калмыцкий народ, будучи высланным, лишенным всякой материальной и моральной базы, потерпел исключительное унижение и оскорбление»⁵. Восстановление автономии произошло в 1958 году, однако не в прежних границах. Два района остались в составе Астраханской области, созданной в 1943 году после ликвидации Калмыцкой АССР, часть территорий – в составе Ростовской, Волгоградской области и Ставропольского края.

Долгие годы, вплоть до перестройки, и тема депортации, и тема коллаборационизма были табуированы. Свою роль в этом замалчивании сыграла не только политика властей того периода, но и позиция самого народа. Калмыки не хотели обсуждать военные темы, опасаясь вновь оказаться в роли *осуждаемого народа*. Всего через восемь лет после восстановления республики была начата широкомасштабная кампания по разоблачению коллаборационистов. В 1966–1974 годах прошли семь процессов по делу коллаборационистов, бывших членов Калмыцкого кавалерийского корпуса. В калмыцком обществе появились опасения, что эти судебные дела перерастут в процесс по делу всего народа и калмыки вновь могут стать *наказанным народом*. Именно эти процессы и навязывали калмыкам чувство коллективной вины⁶.

Разрешение травматического опыта депортации и освобождение от чувства вины происходило при помощи осмысления советского прошлого в новой рамке буддийского мировоззрения. Калмыкам и сегодня важно продемонстрировать свою лояльность государству во время Великой Отечественной войны, поэтому в буддийский контекст вплетается память о подвиге.

Переосмысление советской истории в терминах буддистской символики проявляется и на повседневном уровне. Собранные мною устные истории о депортации позволяют увидеть, что травма депортации преодолевается благодаря осмыслению события через призму учения о взаимозависимом происхожде-

ЛЮБОВЬ ЧЕТЫРОВА

МО(НУ)МЕНТЫ ПРОШЛОГО:
НЕЛИНЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
В КАЛМЫКИИ

5 Письмо в ЦК КПСС, составленное на собрании калмыков в г. Барнауле, Тальменского, Павловского, Шебалинского и других районов Алтайского края, состоявшегося в августе 1956 года (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 94).

6 Я не разделяю точки зрения Эльзы-Баир Гучиновой о *навязанной вине*, так как большая часть калмыков не связывала ни себя, ни своих родных с корпусом. Они считают служивших в нем виновниками своего выселения. В тех же случаях, когда имеются родственные связи с бывшими солдатами корпуса и членами их семей, проживающими за границей, российские калмыки требуют компенсации за сибирские годы в виде дорогих подарков. Об этом говорили интервьюируемые мною респонденты из числа американских калмыков (2005–2006).

нии и карме. Помещая событие в определенный исторический контекст, рассказчик в итоге повествует не столько о самом событии, сколько о его значении в сегодняшней жизни⁷. Вот как объясняет, например, поведение калмыков в день выселения одна из рассказчиц:

«Мясо варили [...] на еду взяли, а чтобы запас был, нет. [...] Сырое мясо не брала мать... Мы вообще люди были такие, досталось – хорошо, не досталось – ладно, и не беспокоимся»⁸.

Во время депортации рассказчице было 16 лет – возраст, в котором события осознаются достаточно ясно. Из ее рассказа следует, что, во-первых, не нужно сетовать на судьбу (*досталось – хорошо, нет – и ладно*); во-вторых, следует не беспокоиться, но принимать жизнь такой, какая она есть, ибо она зависит от прошлых действий и переживаний. Согласно нормам калмыцкого религиозного этоса нельзя предаваться унынию и жаловаться. Рассказчица оценивает выселение в Сибирь в таких выражениях: «То, что мы видели там, этого не расскажешь, не напишешь». Далее она делает вывод: «Значит, не суждено было нам умереть, мы остались живыми»⁹. Дореволюционные этнографы, обозначая эту особенность калмыцкого отношения к жизни как *беспечность*¹⁰, не видели и не понимали ее глубинных религиозных оснований.

В таком контексте примечательно, что в историях бывших спецпереселенцев имя Сталина почти не упоминается¹¹. Вместо Сталина, внимание рассказчиков сосредоточено на солдатах, комендантах, чиновниках – тех представителях власти, с которыми они сталкивались во время депортации. Имя Сталина возникает лишь после нарративного импульса извне. На мой прямой вопрос о Сталине – о дне его смерти – моя собеседница рассказала о своих действиях, но не переживаниях: «Да, станки останавливали. [...] Мне кажется, там никто не плакал. Просто я не знаю, в каком состоянии люди были, [...] но вроде никто не плакал»¹². Другая рассказчица говорит, что их «послали за елкой в лес. Оказывается, хотели повесить фото Сталина. Март, снега много, плутали, ходили, принесли. Думаем:

7 Портелли А. В чем специфика устной истории // Женская устная история: гендерные исследования / Сост. А. Пето. Бишкек: Центр издательского развития, 2004. С. 23.

8 Устная история О.С. Манджиевой (р. 1926).

9 Там же.

10 См., например: Нефедов Н.А. Подробные сведения о волжских калмыках / Журнал Министерства внутренних дел. 1834. Т. 12. № 6. С. 318.

11 Среди бурят распространен миф о Сталине как Синем слоне, который используется ими, как полагает Каролайн Хэмфри, для разрешения проблемы ответственности за репрессии и преодоления чувства религиозной вины (см.: Хэмфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России. М.: Наталис, 2010. С. 341–350). Мне не известно о существовании подобного мифа среди калмыков.

12 Устная история М.С.-Г. Минькеевой (р. 1933).

зачем? А наутро смотрим, портрет висит¹³ [смеется]»¹⁴. Еловые ветки понадобились для украшения фотографии Сталина. Смерть вождя описывается рассказчицей как поиск елки, а не как политическое событие.

Советское прошлое в этих устных историях отличается от прошлого, рассказанного профессиональными историками. Историзация европейского типа с ее линейной причинно-следственной зависимостью противостоит историзации буддийского типа, с характерной нелинейностью кармических связей. В парадигме линейной истории нет – и не может быть – места карме и идее непостоянства. В итоге линейная история воспринимается как не своя, чужая. Мои собеседники в ответ на вопрос о том, рассказывают ли они о сибирской ссылке своим детям и внукам, как правило, отвечают: «Сейчас они сами знают без нас, как чего было»¹⁵. Другая рассказчица дополняет ответ характерными словами: «Они молодые, сами знают, поэтому я и не рассказываю. Чего я буду рассказывать. Я ничего не знаю»¹⁶. Незнание в данном случае – это незнание *официальной, профессиональной* истории. У нее же история, память и видение прошлого свое.

Показательно, как история депортации оказывается переложенной на язык мемориалов. В республике есть несколько памятников, связанных с трагедией депортации. Наиболее значимый из них – это мемориальный комплекс «Исход и возвращение», открытый 29 декабря 1996 года. Комплекс представляет собой насыпной курган высотой 16 метров, на вершине которого располагается монумент¹⁷, созданный скульптором Эрнстом Неизвестным. Под монументом находится капсула с землей, привезенной из мест сибирской ссылки участниками поездов памяти¹⁸. У подножия кургана проложены 20 метров железнодорожных путей, на которых стоит товарный вагон, один из тех, в которых перевозили калмыков в Сибирь. Вдоль путей установлены тринадцать небольших стел, на каждой из которых выбит год с 1943-го по 1956-й. Железная дорога переходит в дорожку, ведущую (по часовой стрелке согласно буддийскому канону обхождения святых мест) к вершине кургана.

ЛЮБОВЬ ЧЕТЫРОВА

МО(НУ)МЕНТЫ ПРОШЛОГО:
НЕЛИНЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
В КАЛМЫКИИ

13 Данный фрагмент истории рассказан по-калмыцки. Надо заметить, что рассказчицы, излагавшие свои истории частью по-русски, переходили на калмыцкий язык, если говорили о травматических фактах или хотели что-то скрыть. В данном случае причинами перехода на калмыцкий язык являются осторожность и боязнь говорить открыто о Сталине.

14 Устная история К.Б. Басанговой (р. 1928).

15 Там же.

16 Устная история М.С.-Г. Минькеевой.

17 Бронзовый монумент (высота – 4 м, длина – 9 м) установлен на вершине насыпного кургана // Памятники жертвам политических репрессий. Электронная база данных (www.sakharov-center.ru/asfcd/pam).

18 В 1993 году президент Илюмжинов организовал первый поезд памяти «Народ Калмыкии – с благодарностью к народам Сибири» по местам депортации калмыков. С тех пор было организовано несколько поездов, в 2002 году: «Дети войны – дети Сибири».

Илл. 2, 3. Монумент
«Исход и возвращение».

Выбор места не лишен определенной иронии: комплекс расположен на окраине города, там, где проспект имени Н.С. Хрущева переходит в степь. Если для калмыков Никита Хрущев является тем, кто вернул их из сибирской ссылки, то у скульптора отношение к советскому лидеру более сложное. Инициатором создания мемориала был президент Кирсан Илюмжинов, а финансировало проект правительство республики. Художнику по его требованию была предоставлена полная свобода творчества. Идея, воплощенная им в бронзовом монументе, проста, но по-буддийски философична. Это идея взаимозависимости всего сущего: жизни и смерти, исхода и возвращения, жертв и палачей. Выражая эту идею, Неизвестный использует не только символы буддизма – колесо сансары, лотос, Будда, рыба, лев, череп, свастика, – но и символы, выражающие ценности калмыцкой культуры – семья, ребенок, лошадь, овца,

корова. Символы монумента двойственны по своему значению. Так свастика – это и буддийский символ круговорота бытия, и символ германского фашизма, колесо – это и круг сансары, и колесо безжалостной тоталитарной машины.

Одна сторона монумента повествует о трагедии исхода: мы видим людей, скорбно стоящих в ожидании; людей, поставленных на колени; мечи, штыки; Будду Сострадания; человека, попавшего в машину; упавшего ребенка. Один из центральных образов здесь – голова плачущей овечки. Другая сторона монумента – возвращение, символами которого выступают табун летящих лошадей, голова лошади, ребенок в яйце.

Согласно учению Срединного пути, все в мире взаимосвязано, и в этой взаимосвязанности важнее сама связь, нежели элементы, которые связываются. Важно при этом и то, что связанные элементы воспринимаются, как не имеющие постоянной природы, не обладающие *собственным бытием*. Соответственно, принципиально не то или иное событие само по себе, сколько та сеть взаимосвязей, которые сделали его возможным. Сходным образом в тибетском буддизме осмысливается и пространство – как взаимозависимость энергий, которые ступа призвана гармонизировать. Будучи знаком, маркирующим место иерофании, она воспринимается как указание на прорыв в область трансцендентного. В этом отношении закономерно, что монумент «Исход и возвращение» как символ трагедии калмыков гармонически уравнивает буддийская ступа Просветления, построенная в 1999 году в полукилометре и расположенная невдалеке от любимого детища Илюмжинова «Сити-Чесс» («Город шахмат»). Ступа построена на средства, собранные буддистами европейской линии школы тибетского буддизма Карма Кагью¹⁹. Как считают последователи этой школы, ее назначение – способствовать созданию гармонии и мира в регионе Северного Кавказа. Военная тема возникает здесь вполне логично, но совершенно в неожиданном ракурсе, сохраняя при этом буддийскую составляющую²⁰.

ЛЮБОВЬ ЧЕТЫРОВА

МО(НУ)МЕНТЫ ПРОШЛОГО:
НЕЛИНЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
В КАЛМЫКИИ

МОНУМЕНТАЛИЗАЦИЯ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Тезис о том, что с помощью монументов нация оформляет пространство своего существования, хорошо известен. Реже вспо-

19 Функцию умиротворения выполняет и еще одна элистинская ступа Гармонии и согласия, которая принадлежит доминирующей в республике школе тибетского буддизма Гелуг. Она была сооружена в 2008 году на средства жителей двух микрорайонов в целях умиротворения молодежных группировок, начавших складываться в Элисте с начала 1970-х годов и конфликтовавших между собой в течение многих лет.

20 Об этом свидетельствует множество исторических документов, приведу лишь один пример. Коллегия иностранных дел, опасаясь соединения киргиз-кайсаков (мусульман) с «однозаконными кубанскими народами», рассматривала калмыков как «прикрытие» пограничных поселений России (см.: Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. 9. Оп. 4. Д. 1521. Л. 23).

минают о том, что подобная визуализация *национального* особенно актуальна для переходных обществ²¹. Постсоветское формирование национального пространства Калмыкии во многом складывалось под влиянием позиции первого президента, Кирсана Илюмжинова, активно проводившего политику суверенизации²². В своей политике Илюмжинов использовал ресурсы исторической памяти о Калмыцком ханстве и депортации, ресурс буддизма и других религий. Конституция Республики Калмыкии (Степное Уложение) 1994 года была написана не только на языке современной политики, но и в терминах ханского периода калмыцкой истории. Этот ресурс использовался в качестве средства конструирования и поддержания этнической идентичности калмыков, основная масса которых утратила родной язык.

{ Конституция Республики Калмыкии (Степное Уложение) 1994 года была написана не только на языке современной политики, но и в терминах ханского периода калмыцкой истории.

Как я уже отмечала, во многом и это стремление к суверенности, и формы укрепления калмыцкой государственности, использовавшиеся в 1990-х, объясняются травмой депортации и ликвидации калмыцкой автономии в 1943 году. В 1990-х еще были живы те, кто помнил декабрь 1943 года. Травматический опыт ликвидации и восстановления национальной автономии в урезанных территориальных границах перекликался и с еще одной исторической травмой: травмой последнего великого кочевья 1771 года, когда хан Убаши откочевал с большей частью своих подданных с запада Великой степи на территорию Джунгарии, завоеванной Цинским Китаем. Калмыцкое ханство самоликвидировалось и перестало существовать как государственное образование.

Двойной травматический опыт утраты государственности сформировал особое отношение калмыков к этому вопросу и представление о высокой ценности *своего государства*. Следует помнить, что интегрирование калмыков, как, впрочем, и многих других нерусских народов, в нацию произошло лишь при советской власти. Важную роль при этом играло наличие государственности, существовавшей пусть даже и в форме урезанной автономии. Данное обстоятельство определило то, что визуали-

21 См.: LEVINSON S. *Written in Stone: Public Monuments in Changing Societies*. Durham: Duke University Press, 1998.

22 Кирсан Илюмжинов победил на выборах в президенты Калмыкии в 1993-м в возрасте 31 года; переизбирался в 1995-м и 2002-м; с 2005-го по 2010 год – глава Республики Калмыкия. Президент ФИДЕ с 1995 года по настоящее время.

зация национального и этнического в Калмыкии представлена гораздо более масштабно, чем, например, в другой монголоязычной республике – Бурятии. Необходимость сохранения и поддержания идентичности калмыков, постепенно утративших родной язык, заставила искать иные ресурсы идентичности.

Анализируя состав монументов и памятников, их размещение/перемещение в физическом пространстве с точки зрения визуализации национального и этнического, можно выделить три ключевых идеи, которые первый президент Калмыкии использовал для символизации новой национальной идентичности. Это, прежде всего, буддизм как национальная религия калмыков, воинский долг как национальное дело калмыков и, наконец, шахматы как национальная игра калмыков²³. Буддизм в данном случае играет роль религиозно-символического контекста, языка, с помощью которого формулируется и репрезентируется история народа²⁴.

Воплощение идеи воинского долга как национального дела калмыков происходит через инкорпорирование в постсоветское символическое пространство советских и несоветских символов и знаков. Все военное прошлое калмыцкого народа становится важным ресурсом формирования новой национальной идентичности. Принципиальным оказывается то, что с самого начала пребывания калмыков на Волге и Северном Кавказе они рассматривались российскими властями как союзники и вассалы на стратегически важном для молодой империи кавказском направлении. С точки зрения геополитических интересов России пребывание калмыков-буддистов на юге страны, в мусульманском окружении было выгодным для империи. Единоверцам всегда проще вступить в союзнические отношения, а речь шла об отношениях кавказских народов с Османской империей, Ираном, Крымским ханством. Калмыки же нарушали это религиозное единство.

Важным является и то, что добровольное вхождение калмыков в состав Российской империи четыреста лет назад воспринимается сегодня как добровольный *акт вхождения* в буквальном смысле слова: в качестве наследников Монгольской империи западные монголы-ойраты вернулись на бывшие земли Золотой Орды, но уже на правах подданных Российской империи.

Как этнос калмыки оформились в результате категоризации, применявшейся имперской администрацией в отношении родоплеменных групп торгутов, дербетов и хошутов. В XVII веке торгуты двинулась в сторону России с территории Джунгарии. Поводом было отсутствие доступа к рынкам Китая и Средней

ЛЮБОВЬ ЧЕТЫРОВА

МО(НУ)МЕНТЫ ПРОШЛОГО:
НЕЛИНЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
В КАЛМЫКИИ

²³ Следует сказать, что Илюмжинов нигде не формулировал такой стратегии, но ключевые идеи легко выделяются при анализе тех приоритетов, которые он выбирал в своей президентской деятельности.

²⁴ Далай-лама, чиновник и свобода вероисповедания (www.kirsan.org/2010/religion/#more-1089).

ЛЮБОВЬ ЧЕТЫРОВА

МО(НУ)МЕНТЫ ПРОШЛОГО:
НЕЛИНЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
В КАЛМЫКИИ

Илл. 4. Памятник хану
Аюке. Скульптор Влади-
мир Васькин.

Азии, сокращение пастбищ и междоусобица²⁵. Россия, напротив, двигалась в сторону Сибири, создавая *азиатскую Россию* как часть империи²⁶. Интересы кочевников и имперской администрации совпали: калмыкам были нужны пастбища и рынки, России – воины для защиты ее стремительно расширяющихся границ. Калмыкам удалось создать собственную государственность – Калмыцкое ханство, – которое хотя и было вассальным по отношению к Российской империи все же оказало формирующее влияние на этнические группы ойратов. В 1650–1660-е годы калмыцкие князья Дайчин и Мончак положили начало ханству и самому оформлению ханской власти. Богдо-геген (глава монгольского буддизма) даже посылал Дайчину грамоту и ханскую печать, от которых, правда, тот отказался. Окончательное становление ханства и легитимация ханской власти произошли в 1670–1680-е годы при хане Аюке, получившем от Далай-ламы грамоту и ханскую печать²⁷. Избранный способ легитимации ханской власти должен был подчерк-

25 Цюрюмов А.В. *Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений*. Элиста: Джангар, 2007. С. 40–41.

26 Миненко Н. *Хождение за «Камень»* // Родина. 2000. № 5 (www.istrodina.com/find.php).

27 *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 т.* Элиста: Герел, 2009. Т. 1. С. 350–352.

ЛЮБОВЬ ЧЕТЫРОВА

МО(НУ)МЕНТЫ ПРОШЛОГО:
НЕЛИНЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
В КАЛМЫКИИ

Илл. 6. Золотой всадник. Скульптор Николай Можяев.

щих памятников. Например, сегодня два въезда в город симметрично обрамляют две монументальные фигуры: советский памятник герою гражданской войны, командарму 2-й Конной армии Оке Городовикову, и появившийся недавно монумент «Золотой всадник» (Даячн-тенгри – Бог войны). Оба монумента воспринимаются в контексте исполнения воинского долга. При этом совершенно неважно, что командарму Городовикову и его армии вменяют в вину уничтожение казаков, сражавшихся против красных в гражданскую войну, а Золотой всадник – мифологический покровитель воинов. Осознание войны как основного дела калмыков позволяет установить связь разнородных объектов, которые стали восприниматься как символически однотипные.

Создавая новое символическое пространство, Илюмжинов подвергает существующее пространство определенной кор-

рекции: там, где сегодня располагается Золотой всадник²⁹, раньше стоял памятник хану Аюке. Видимо, с точки зрения архитекторов нового символического пространства памятник был излишне скромным. В итоге его ссылают в районный центр Цаган Аман (Счастливый берег), где, по преданию, произошёл переход калмыков на правую сторону Волги, а на новом месте возводят величественную скульптуру Золотого всадника. В результате успешной реализации Илюмжиновым стратегии преобразования города памятники героям советской эпохи и монументы мифологических героев были интегрированы в семантически единый комплекс³⁰.

Кирсан Илюмжинов является российским политиком, который одним из первых не только понял власть символов в современной культуре, но и использовал их, блестяще создавая всевозможные гиперреальности. В основе идеи о том, что «шахматы – национальная игра калмыков», одновременно лежит и символизация, и симуляция. Надо заметить, что в реализации своего шахматного проекта Илюмжинов проявил себя как человек, склонный к самоиронии и провокации³¹. Иронические высказывания в СМИ о степной Элисте, посягнувшей на славу Нью-Васюков, побудили его использовать бессмертный образ великого комбинатора в реализации проекта: неподалёку от шахматного городка Сити-Чесс, построенного на окраине Элисты, стоит памятник Остапу Бендеру³². Если в городе Козьмодемьянске, где есть музей сатиры и юмора, посвящённый великому комбинатору, Бендер предстает в своей истинной роли авантюриста, то в Элисте памятник представляет его в роли гроссмейстера.

В медийном пространстве шахматный проект Илюмжинова воспринимался как часть политического проекта, не имеющего отношения к действительности. Однако возник он не на пустом

ЛЮБОВЬ ЧЕТЫРОВА

МО(НУ)МЕНТЫ ПРОШЛОГО:
НЕЛИНЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
В КАЛМЫКИИ

29 Памятник в буквальном смысле слова является золотым, так как покрыт сусальным золотом весом 600 граммов.

30 Как я уже отмечала, опасения, связанные с перспективой утраты калмыками идентичности, заставляют использовать самые разные этнические маркеры. В этом отношении любопытной деталью новых монументов является настойчивая ссылка на иконографию места происхождения. Для калмыков – выходцев из гористой Джунгарии – символом родного ландшафта являются горы. Памятники в Элисте, как правило, располагаются на насыпных холмах. Монумент Богу войны установлен не только на насыпном холме, но и на постаменте, имитирующем гору. Помимо архитектурной задачи – сделать его обозримым, – холм выполняет функцию этнического маркера. О значимости гор для калмыков можно судить, обращаясь к калмыцкому фольклору: БАКАЕВА Э.П. *Торгуты Монголии: этнический состав и этнические маркеры // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Сб. научн. трудов. Вып. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 80–81*).

31 Вот мнение журналиста Валерии Бондаренко об Илюмжинове: «Общаясь с ним, не всегда понимаешь, говорит он серьезно или шутит. Он настолько многогранен, нестандартен и красноречив, что после пятиминутного захватывающего монолога уже не важно, новая это смысловая грань разговора или просто ее отблеск» (www.kirsan.org/2010/result-kalmykia). Люди, близко знающие Илюмжинова, также отмечают эту черту его характера.

32 *Нью-Васюки построены в Калмыкии* (www.kirsan.org/1998/chess-city-in-kalmykiya).

ЛЮБОВЬ ЧЕТЫРОВА

МО(НУ)МЕНТЫ ПРОШЛОГО:
НЕЛИНЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
В КАЛМЫКИИ

Илл. 7. Гроссмейстер и
12 стульев. Скульптор
Александр Хачатурян.

месте. Свидетельства тому, что шахматы в самом деле были народной игрой калмыков-буддистов, можно найти в этнографической и исторической литературе³³. Игрой в шахматы развлекались не только знать и духовенство, но и простолюдины. Этнограф Иродион Житецкий, описывавший быт астраханских калмыков в XIX веке, отмечал, что «редкий хотон³⁴ не имеет шахмат, и мало калмыков мужчин, не играющих в них»³⁵. Шахматным фигурам калмыки давали калмыцкие имена. Настоящая шахматная доска и фигуры были недешевы, поэтому купить их могли лишь богатые и знатные люди. Простолюдины придумали простой способ изготовления шахмат: маленькие деревянные кругляшки, в которые вбивалось разное число гвоздиков

33 Задолго до появления и реализации шахматного проекта Илюмжинова, в 1965 году, в журнале «Шахматы в СССР» появилась статья о роли шахмат в культуре калмыков. В ней говорится о встрече первого русского гроссмейстера Петрова с калмыцким князем, который восхитил его своей игрой (см.: НАРКЕВИЧ А. *Кто играл с Петровым?* // Шахматы в СССР. 1965. № 2 (<http://content.mail.ru/arch/17070/1910623.html>)).

34 Хотон состоял из нескольких кибиток, в которых проживали семьи родственников.

35 Житецкий И.А. *Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг.* М., 1893. С. 38.

или делались надрезы³⁶. Игра в шахматы была коллективным событием. Житецкий пишет, что обычно за игрой наблюдали зрители, принимающие в ней живое участие.

Во время президентства Илюмжинова занятия по игре в шахматы были включены в школьную программу. Нельзя отрицать, что шахматная программа Илюмжинова преследовала и конкретные личные цели: строительство Нью-Васюков помогло ему стать президентом международной шахматной ассоциации ФИДЕ. Однако, реализуя свой шахматный проект, Илюмжинов одновременно менял и сложившийся в советском межнациональном дискурсе образ калмыка, представителя отсталого в социальном развитии народа, невежественного и малокультурного.

ЛЮБОВЬ ЧЕТЫРОВА

МО(НУ)МЕНТЫ ПРОШЛОГО:
НЕЛИНЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
В КАЛМЫКИИ

Переплетение времен, символов и героев прошлого, пожалуй, наиболее очевидно на главной площади калмыцкой столицы. Настоящее, прошлое и будущее здесь связаны воедино. Площадь по-прежнему носит имя Ленина. Но расположенные здесь же шахматная доска, буддийский барабан-кюрге и памятник Ленину предстают как знаки повторения и различия в восприятии прошлого-настоящего-будущего. У шахматной доски, вмонтированной в асфальт, с утра и до вечера собира-

Илл. 8. Шахматный дворец³⁷.

36 Так, король именовался «ханом», королева – «бирсын», офицер – «темен» (верблюд), слон – «терген» (арба), пешка – «кебюн» (мальчик) (Там же. С. 38).

37 Шахматный дворец – Сити-Чесс-холл (архитекторы Сергей Курнеев, Ахмет Босчаев) – был задуман и построен в виде традиционного калмыцкого жилища – гера (кибитки), встроенной в современное стеклянное здание (см.: *История Калмыкии...* Т. 1. С. 568–569).

ЛЮБОВЬ ЧЕТЫРОВА

МО(НУ)МЕНТЫ ПРОШЛОГО:
НЕЛИНЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
В КАЛМЫКИИ

ются взрослые и дети, старики и молодежь. Рядом возвышается выполненная в китайском стиле ротонда Пагоды семи дней, в которой располагается гигантский молитвенный барабан – подарок тибетских лам. Ротонду построили там, где раньше находился памятник Ленину³⁸.

Памятника с площади, однако, не убрали, но сместили к краю. Но и это было не первым его перемещением. В 1995 году в связи с появлением ротонды со скульптурой Будды Шакьямуни значительным образом изменилась иерархия в символическом пространстве площади. Хотя сама ротонда располагается вне пределов площади, памятник, стоящий в ее центре, оказался стоящим спиной к Будде. С точки зрения буддистов это было знаком явного неуважения и Ленина развернули на 180 градусов. А с 2005 года, после реконструкции памятника и установки его на краю площади, вождь революции смотрит уже на пагоду.

Илл. 9. Площадь Ленина
в Элисте.

Привязанность к советскому памятнику, разумеется, имеет мало общего с советским культом вождя. В новом символическом пространстве города памятник приобретает иной смысл – особое отношение к Ленину связано с его происхождением. В советское время существовал негласный запрет на указание калмыцких корней Ленина. В 1938 году вышло постановле-

38 В 2004 году памятник Ленину, авторами которого были скульпторы Матвей Манизер и Отто Манизер, был отправлен на реконструкцию, так как мраморный постамент был поврежден взрывом световозвращающей бомбы во время митинга оппозиции. Через полгода восстановленный памятник вернули на площадь. По словам мэра Радия Бурулова, реконструированная площадь перестанет быть ареной политических битв и станет местом отдыха горожан (см.: *В Калмыкии торжественно открыли памятник Ленину* (www.bumbinorn.ru/2005/04/25/v_kalmykii_torzhestvenno_otkryli_pamjatnik_leninu.html)).

ние ЦК ВКП(б) относительно романа Мариэтты Шагинян «Билет по истории» («Семья Ульяновых»), в котором она, основываясь на документах из астраханского архива, написала о его калмыцком происхождении. Роман вызвал раздражение Сталина, считавшего, что вождь мог иметь только русские корни. Отсталое *нацменьшинство* не могло претендовать на столь *высокое* родство. Постановление ЦК ВКП(б) осудило претензию автора написать биографический роман о жизни семьи Ульяновых, о детстве и юности Ленина и расценило публикацию подобных сведений как политически вредный акт³⁹.

Надо сказать, что особой популярностью сведения о калмыцком происхождении Ленина среди калмыков не пользовались ни в советское время, ни позже. В постперестроечном дискурсе вождь из гения революция был превращен скорее в злого гения, поэтому у калмыков не возникало желания ассоциировать себя с ним. Тем не менее, в республике никогда не выдвигались требования демонтировать памятники вождю мирового пролетариата. Фильм «Миражи» показывает народное отношение к Ленину, выраженное на языке буддийской культуры⁴⁰. Фильм начинается с кадров, на которых рано утром пожилой всадник-калмык приезжает на площадь и начинает шваброй мыть монумент Ленину. Этот ежеутренний ритуал установлен самим героем. Очищая монумент, старик сетует на людей, на бездумность их существования. Он говорит о том, что в монотонности повседневного существования люди забывают о причинах своих несчастий или удач. Он упрекает людей в том, что они забыли о том, что все взаимосвязано и их настоящее определено их прошлым. Старик призывает людей содержать свой ум в чистоте и порядке, не сквернословить, не гневаться, не лгать – следовать буддийским нормам нравственного поведения. Для него забота о монументе является способом сохранения миропорядка: «В прежние времена к памятнику возлагали цветы, а теперь забыли, память утратили». Утрата памяти в его глазах равносильна забвению принципа взаимозависимости всего сущего, забвения, которое может привести к разрушению миропорядка.

Таким образом, многообразные практики историзации советского опыта, возникающие сегодня в российском мультикультурном пространстве, свидетельствуют о том, что каждая культура имеет свои средства и способы осмысления прошлого. В буддийской культуре калмыков (бурят, тувинцев) понимание времени и связи времен совсем иные, чем в христианской

ЛЮБОВЬ ЧЕТЫРОВА

МО(НУ)МЕНТЫ ПРОШЛОГО:
НЕЛИНЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
В КАЛМЫКИИ

39 Текст постановления опубликован в сборнике: «Литературный фронт». История политической цензуры. 1932–1946 // Сборник документов. М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. С. 34.

40 Фильм создан на ГТРК «Калмыкия» в 1998 году к шахматной олимпиаде, проведенной в Элисте. Режиссер Борис Манджиев.

ЛЮБОВЬ ЧЕТЫРОВА

МО(НУ)МЕНТЫ ПРОШЛОГО:
НЕЛИНЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
В КАЛМЫКИИ

культуре. Поэтому парадигма культуры с линейным временем (христианская в своей основе) не может быть универсальной при исследовании таких типологически разных культур, как христианская, исламская или буддийская.

Историзация опыта прошлого в парадигме буддийской культуры осуществляется иначе, чем в парадигме культуры с линейным временем. Нахождение «точки историзации», отталкиваясь от которой калмык-буддист смог бы «отпустить» прошлое, в буддийской парадигме с нелинейным пониманием времени осуществить невозможно. Такой подход к истории позволил архитекторам символического пространства в Калмыкии успешно соединить буддийские и советские символы, не отказываясь от советского прошлого и визуализируя при этом современные знаки нации.

«Мужчина и женщина, защитник и мать»: советское прошлое и несоветское настоящее *Матери Грузии*¹

Мадлен
Пильц

Символы не столько выражают смысл, сколько дают нам возможность сформулировать его.

Энтони П. Коген²

Появление национальных государств в Европе XIX века положило начало традиции визуальных репрезентаций нации, которая со временем лишь усилилась: монументальные скульптуры Родины-матери стали символическими фигурами, значение которых могло радикально меняться в ходе исторического развития. Например, аллегорическое изображение Германии в 1848 году было символом либеральных сил, а в 1870-е превратилось в символ имперского величия. Известна также история Статуи Свободы в Нью-Йорке, подаренной французским народом американскому к столетию обретения независимости. На территории Советского Союза монументальные скульптуры Родины-матери стали появляться во второй половине XX века в связи со стремлением увековечить память о Великой Отечественной войне.

Статуя *Мать Грузии* (*Kartlis Deda*, *Мать Картли*, *Грузия-мать*) была установлена в Тбилиси в 1958 году и стала первым советским памятником Родине-матери. *Мать Грузии* оказалась типичным примером советского монументального стиля, который, однако, имел национальную окраску. Изначально этот монумент высотой 22 метра скульптора Элгуджа Амашукели (1928–2002) был изготовлен как временная деревянная статуя. В 1963 году было принято решение оставить его в качестве постоянного, и *Мать Грузии* была покрыта алюминиевыми пластинами.

В алюминиевом облачении одежда и головной убор *Матери Грузии* стали более национальными. Современная версия статуи была сделана в 1990-е годы – во время правления Эдуарда Шеварднадзе. Новая *Мать Грузии* сменила платье с удлиненными рукавами на более современное, а также полу-

Мадлен Пильц (р. 1971) – этнолог, научный сотрудник Института европейской этнологии Университета имени Гумбольдта (Берлин).

¹ Хочу выразить признательность Сергею Ушакину за критические замечания и предложения.

² СОГЕН А.Р. *The Symbolic Construction of Community*. Routledge, 2007. Р. 15.

МАДЛЕН ПИЛЬЦ

«МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА,
ЗАЩИТНИК И МАТЬ»...

Илл. 1. Мать Грузии,
1981 год. Фото из
«Путеводителя по
Тбилиси».

чила новый головной убор – менее традиционную косынку и лавровые листья.

Мои беседы и интервью, проведенные в 2011 году с жителями и гостями Тбилиси о значении этого монумента, показали непреходящую актуальность статуи. Несмотря на то, что все единогласно характеризовали монумент как «типично социалистический», многие видели в нем один из важнейших символов города, считая его *грузинским*, а не *советским* культурным наследием. Для большинства моих собеседников статуя была олицетворением Грузии. Ее главные атрибуты – чаша с вином в левой руке (для друзей) и меч в правой (для врагов) – были и остаются символами грузинского гостеприимства и готовности к защите родины. Оба символа – чаша и меч – и сегодня являются эмблемами грузинской культуры и обладают

МАДЛЕН ПИЛЬЦ

«МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА,
ЗАЩИТНИК И МАТЬ»...

Илл. 2. Мать Грузии,
2011 год. Фото Мадлен
Пильц.

универсальной идентификационной силой. Эти общие культурные смыслы, связываемые со статуей, дополняются многочисленными локальными интерпретациями, репертуар которых варьируется от толкования статуи в рамках грузинской национально-романтической литературы XIX века до прото-феминистских рассуждений о положении женщины в постсоциалистической Грузии.

В данной статье я попытаюсь объяснить, почему «типично социалистический» символ – связанный с историческим периодом, который на официальном уровне воспринимается как колониальное ярмо, – по-прежнему связывается местными жителями с грузинской родиной. Какие формы коллективной идентичности делают возможным такое восприятие *Матери Грузии* сегодня?

Основываясь на материалах проведенных интервью, я предлагаю видеть в этой скульптуре свидетельство важной символической трансформации, в ходе которой *Мать Грузии* превратилась из национальной эмблемы социалистического города в символическое пространство для артикуляции разногласий о кризисном состоянии нации. На мой взгляд, в основе нынешней культурной актуальности статуи лежит не столько чувство ностальгии, сколько гибридный характер этого социалистического символа, смешивающего в себе различные стратегии символизации. Постсоциалистические перемены подвергли этот символ радикальной десакрализации, что в свою очередь сделало его доступным для разнообразных практик присвоения и интерпретации на уровне обычных людей³.

Меня интересуют три основных контекста, в которых переосмысливается *Мать Грузии*. Первый связан с изменением роли статуи в репрезентации города при переходе от советской Грузии к Грузии независимой. Второй касается общей тенденции к инструментализации аллегорических образов матери, возникших в Советском Союзе в 1940-е годы. В данном случае принципиальным является происхождение гибридного характера статуи как реакция на исторические события 1950-х годов в Тбилиси. Наконец, третий контекст отражает локальные интерпретации и способы символизации статуи, складывающиеся на фоне постсоциалистической трансформации Грузии.

Постсоветская жизнь *Матери Грузии* – это интересное свидетельство сложных процессов адаптации социалистических символов к реалиям постсоциалистической жизни. В отличие от большинства монументов советского периода, *Мать Грузия* подверглась не демонтажу, но активному переосмыслению ее исторического значения и символической функции для сегодняшней Грузии. И тот факт, что подобная реинтерпретация происходит на уровне не столько правящей элиты, сколько обычных горожан, лишь подчеркивает культурную значимость этой скульптуры.

МАТЬ ГРУЗИИ В ТБИЛИСИ

В советский период *Мать Грузии* активно использовалась в туристическом образе Тбилиси. В путеводителях она была представлена посредницей между историей и современностью, которые, накладываясь друг на друга, удачно отражали ход прогресса

3 Следуя Мишелю де Серто, под практиками присвоения я понимаю *тактические* практики, с помощью которых становится возможным сменить изначальный смысл, цель или понимание объекта или пространства, не меняя при этом их формы. Подробнее см.: CERTAU M. DE. *Die Kunst des Handelns*. Berlin: Merve Verlag, 1988. P. 23.

са. Мать Грузии помещалась как рядом со скульптурой мифического создателя города, грузинского царя Вахтанга Горгасалы, на фоне архитектурного памятника – церкви Метехи, так и рядом со зданием гостиницы «Иверия», которая являлась символом современной грузинской архитектуры, и скульптурой Прометея на тбилисской ВДНХ, напоминающей летящий самолет.

МАДЛЕН ПИЛЬЦ

«МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА,
ЗАЩИТНИК И МАТЬ»...

Иными словами, советская интерпретация скульптуры позволяла вписывать ее как в нарративные рамки сугубо грузинской истории, так и в рамки нарратива о неуклонном техническом прогрессе и приближении социализма. *Мать Грузии* таким образом выступала в виде вневременного – *вечного* – символа. Наряду с этими интерпретациями существовали и более локальные – промежуточные – версии, в которых *чаша* и *меч* ассоциировались с грузинскими традициями виноделия и кузнечного ремесла. Акцент на символике этих деталей во многом сходен с многочисленными сюжетами социалистических барельефов и мозаик, прославляющих разнообразные формы советского производства в целом (промышленность, сельское хозяйство, строительство) и рабочий класс как строителя нового общества, в частности.

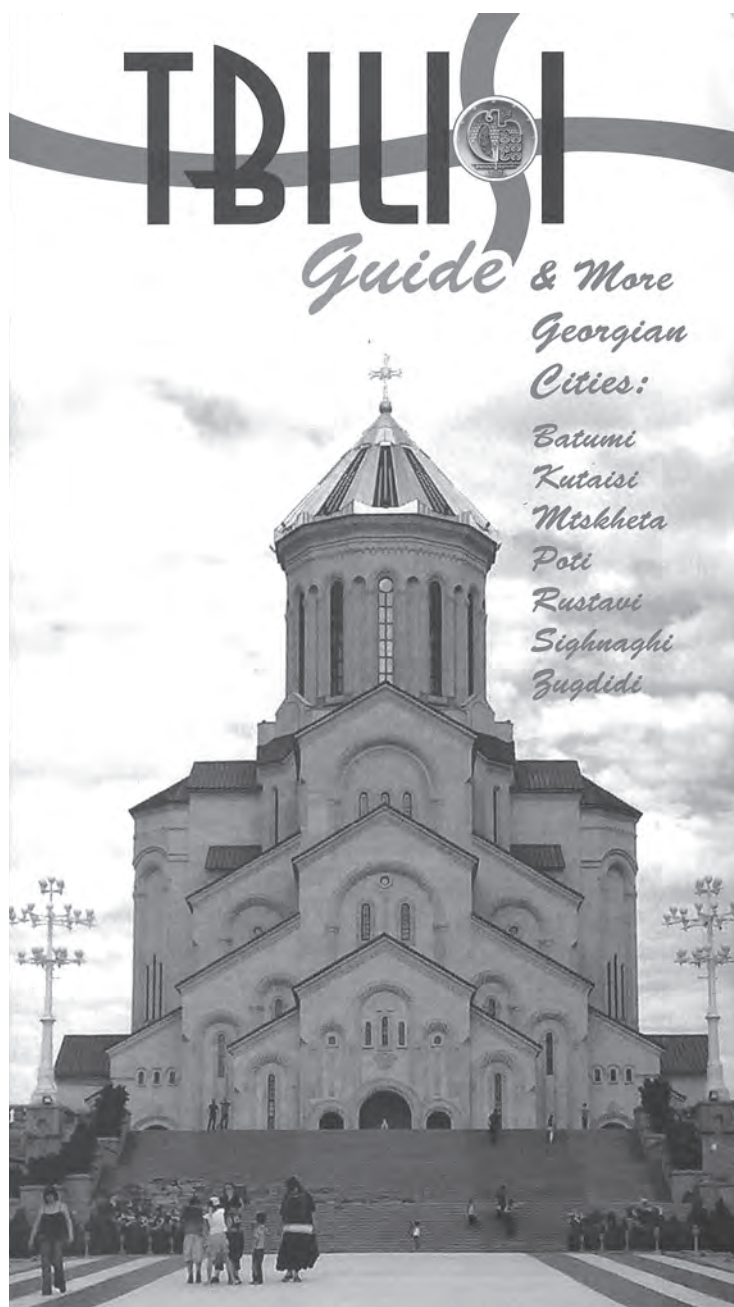
Илл. 3. Посредница истории: *Мать Грузии* в коллаже из «Путеводителя по Тбилиси» (1981).

Как это ни удивительно, но ни распад Советского Союза, ни переход от социалистического планового хозяйства к капиталистическому рынку, ни смена политической системы не повлияли в сколько-нибудь значительной степени на официальные толкования атрибутов статуи. Эта ситуация выглядит особенно примечательно на фоне общей политики независимой Грузии по отношению к советскому монументальному наследию: за годы независимости в Тбилиси были демонтированы все памятники социалистическим руководителям (Ленину, Орджоникидзе и другим). Из Пантеона были убраны могилы отдельных деятелей – проводников социалистического строя; со здания бывшего Института марксизма-ленинизма были сбиты барельефы, связанные с героями советского периода. В дополнение к этому были переименованы все городские районы и около трети названий всех улиц города. Открытие в 2006 году Музея советской оккупации и принятие в 2011 году Хартии свободы, запрещающей употребление советской и фашистской символики в стране, стали своеобразной кульминацией процесса ликвидации символических следов советской Грузии.

Несмотря на эту политику репрезентации, *Мать Грузии* сохранилась, однако формы ее использования в туристической литературе изменились. Во многом эти перемены были связаны с возросшей конкуренцией: на обложках путеводителей и открытках все чаще начали фигурировать *новые* символы, не существовавшие ранее. Это статуя святого Георгия (Зураб Церетели, 2006), здание нового кафедрального собора Святой Троицы – Самеба (Арчил Миндиашвили, 1995–2006), новый мост Мира через реку Мтквари (Микеле де Луччи, 2010) или виды отреставрированного Старого города.

По сравнению с советским периодом роль статуи в современных путеводителях сводится к ее исторической компоненте. Вечный символ превратился в символ времени – точнее, в символ прошлого, перейдя в разряд образов, связанных прежде всего с тематикой истории и традиционализма. Это смена статуса сопровождалась и еще одним следствием: *аллегорический* смысл статуи все чаще оказывается в тени ее понимания как символа грузинской *повседневной* жизни. На фотомонтажах *Мать Грузии* часто выступает как гостеприимная хозяйка, вместе с хозяином – Горгасалом – приветствующая гостей города, приглашая их в свой дом – старинную грузинскую культуру, символизируемую старыми домами, церквями и знаменитыми банями.

Коллективные символы, в том числе и символы наций, представляют собой идеализированные нарративы, для которых характерны определенные общие черты. Идентификационная

МАДЛЕН ПИЛЬЦ

«МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА,
ЗАЩИТНИК И МАТЬ»...

Илл. 4. Кафедральный
собор Святой Троицы
из путеводителя по
Тбилиси, 2009 год.

сила этих нарративов базируется на том, что они являются символическими маркерами определенного коллектива, обозначают присущие ему качества. Иными словами, идеализированные нарративы способствуют процессу символической дифференциации «своего» и «чужого» при помощи абсолютизации воображаемых отличий. Коллективные символы, таким образом,

являются репрезентацией границы, которая отделяет внешнее от внутреннего, отграничивая коллектив от внешней среды⁴.

Работы Аны Марии Алонсо добавляют к этому выводу еще один важный нюанс: убедительность национальных символов во многом определяется их способностью превратить безличное *пространство* (*space*) в культурно окрашенное *родное место* (*hometown*). Связывая вместе индивидуальных и коллективных субъектов – при помощи родственных связей, половых отношений и половых идентичностей, – национальные символы тем самым сводят вместе противоположные значения⁵. В этом контексте можно говорить о следующих различиях интерпретаций и функций *Матери Грузии*. Во времена социализма *грузинское как свое* репрезентировалось в первую очередь рабочим народом – гостеприимным, отважным, участвующим в социалистическом движении. *Мать Грузии* в одеянии, сшитом на грузинский манер – сделанном из дешевого алюминиевого материала, применявшегося на Первом тбилисском авиационном заводе, – совмещала ремесленное умение народа с техническим прогрессом. Соединяя местные традиции с социалистическим контекстом, грузинское с советским, она приобщала Грузию к воображаемой семье братских народов.

Этот семейный мотив можно проследить и сегодня. Однако в нем радикально изменился масштаб: призма семейных отношений (Горгасал – отец, Грузия – мать) стала господствующей в репрезентации традиционной культуры, которая смогла выжить, несмотря на многочисленные набеги и иностранное господство. Эта традиционалистская интерпретация подкрепляется с помощью набирающего все большую силу историзма, благодаря которому на первом плане в репрезентациях Тбилиси оказывается Старый город и события, акцентирующие ренессанс традиций и религии. Время социализма – с его навязчивыми метафорами и образами технического и социального прогресса – полностью исчезло из сегодняшних нарративов о *Матери Грузии*. Идеи прогресса уступили место другим темам. В итоге, интерпретационный акцент сдвинулся от смысла статуи в целом к смыслу ее атрибутов (чаша и меч).

Грузинское гостеприимство традиционно является «визитной карточкой» национальной культуры, тесно переплетаясь с традициями еще одного важного ритуала – грузинского застолья⁶. Важную роль в символическом словаре нации играют символы и нарративы, подчеркивающие мужество грузинских мужчин (вынужденных противостоять мусульманским набегам

4 COHEN A.P. *Op. cit.* P. 11–21.

5 ALONSO A.M. *The Politics of Space, Time and Substance: State Formation, Nationalism, and Ethnicity* // Annual Review of Anthropology. 1994. Vol. 23. P. 386.

6 MÜHLFRIED F. *Postsowjetisches Feiern: Das georgische Bankett im Wandel*. Stuttgart: Ibidem, 2006. S. 31.

в прошлые столетия). Сочетание этих тем порождало неканонические интерпретации *Матери Грузии* и раньше. В советский период, например, появилась бурлескная интерпретация послания статуи: «Не выпьешь, зарежу!» Сегодня эта же идея приобрела новую ироническую тональность: «Вино для Польши и Украины, а меч для России». Эти риторические снижения официальных толкований монумента важны, впрочем, тем, что они демонстрируют возможность иронической дистанции по отношению к *Матери Грузии*, которая продолжает оставаться в поле активного производства культурных смыслов.

МАДЛЕН ПИЛЬЦ
«МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА,
ЗАЩИТНИК И МАТЬ»...

СОВЕТСКАЯ ПО ФОРМЕ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ПО СОДЕРЖАНИЮ

С точки зрения формального анализа иконография *Матери Грузии* относится к репертуару скульптурных памятников Родины-матери, которые возникли в СССР как часть мемориальных комплексов, посвященных Великой Отечественной войне. Однако исторически статуя *Мать Грузии* выходит за пределы этого ряда, несмотря на редкие утверждения о том, что монумент был установлен в память о заслугах тех грузинских женщин, которые поддерживали жизнь в городе в годы войны и были готовы встать на его защиту. Скорее, *Мать Грузии* является предшественницей этой серии военных монументов советского периода⁷.

Социалистическое происхождение *Матери Грузии* и образов, которые за ней последовали, однако, не отменяет наличия религиозных (христианских) и архаических элементов иконографии⁸. Меч – архаический символ победы – размещен горизонтально по отношению к фигуре женщины, что придает статуе форму креста. Эта формальная комбинация в сочетании со скульптурными памятниками мемориальных комплексов, посвященных Великой Отечественной войне, в искусствоведческой литературе нередко объясняется как иконографическая попытка уравнивать советскую армию с войсками рыцарей-крестоносцев⁹. Эта интерпретация меча и содержащаяся в ней аллюзия переносима и на грузинскую историю – как историю христианской страны, расположенной на границе с мусуль-

7 «Преемницы» *Матери Грузии* – Родина-мать на Мамаевом кургане (1959–1967), созданная по образу с плаката Ираклия Тоидзе 1941 года, Родина-мать на Пискаревском кладбище (1960), Мать Армении (1967) и Родина-мать в Киеве (1981).

8 Использование религиозной символики началось в Советском Союзе во время Великой Отечественной войны и характерно для советских мемориальных комплексов, сооруженных в память о войне. См.: SCHERER J. *Sowjetunion/Rußland. Siegesmythos versus Vergangenheitsaufarbeitung* // FLACKE M. (Hrsg.). *Mythen der Nationen*. Mainz: Philipp von Zabern Verlag, 2004. S. 644.

9 MICHALSKI S. *Public Monuments*. London: Reaktion Books Ltd., 1998. P. 129; SCHERER J. *Op. cit.* S. 644.

манскими ханствами, или как историю социалистической республики на границе «железного занавеса». Однако этот тезис не способен прояснить, почему только в Тбилиси Родина-мать, являясь произведением социалистического искусства, была создана *вне* сопровождающего ее мемориального комплекса.

Для прояснения этой уникальности *Матери Грузии* я бы хотела обратить внимание на два мотива. Первый относится к аллегорическому использованию женских фигур в годы Великой Отечественной войны, а второй – к исторической ситуации в Тбилиси 1950-х, когда, собственно, и появилась статуя.

В своей книге о национальных монументах Марина Уорнер показала, что использование аллегорических образов женщин, как правило, преследует двойную цель: они служат воплощением абстрактных и универсальных идей, не теряя при этом своей женственности и чувственности, которые способны привлечь внимание аудитории¹⁰. В свою очередь Ана Мария Алонсо, исследуя взаимосвязь между пространством и национализмом, продемонстрировала, что совмещение индивидуальных и коллективных моделей идентичности позволяет устанавливать и поддерживать социальные иерархии. Например, благодаря образу индивидуальной семьи (отец–сын–мать) не только происходит сакрализация нации (через отсылки к Святому семейству), но и предписание вполне определенных ролей мужского и женского поведения. Благодаря индивидуализации коллективные модели приобретают эмоциональный заряд, придающий социокультурным формам осязаемость, способствуют их натурализации и объективизации¹¹.

Фигуры матерей появляются в советской пропаганде в годы Великой Отечественной войны, тесно связывая нападение Германии на Советский Союз с угрозой семейной жизни и обязанностью защиты родины (как это и изображено на плакате грузинского художника Тоидзе «Родина-мать зовет», 1941 год).

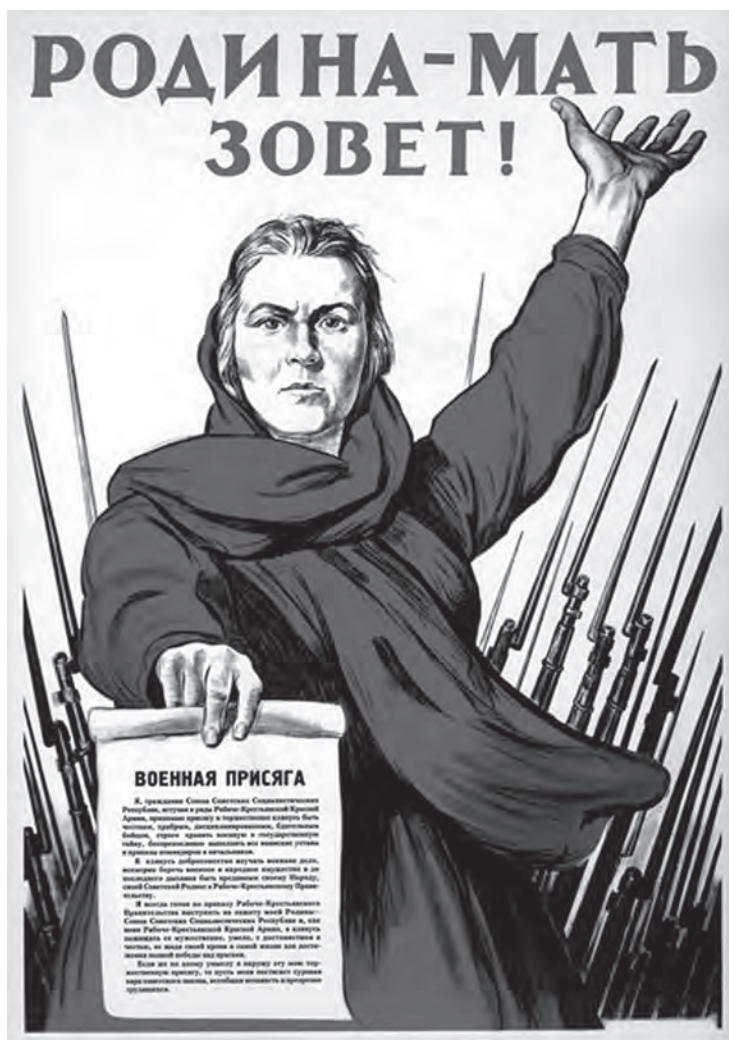
Женские образы в данном случае использовались для репрезентации формы патриотизма, которая подчеркивала любовь женщин, их преданность мужчинам – тем, кто ушел на фронт, – и показывала их самоотверженность в тылу. Составной частью этой пропаганды были частые публикации писем на фронт. Женщина была призвана стать соединительным звеном между государством и семьей, обозначив тем самым стремление режима укрепить единство нации в годы войны¹².

В какой степени этот «соединительный» механизм проявлялся в советской послевоенной пропаганде в Грузии 1950-х, мож-

10 WARNER M. *Monuments and Maidens*. Berkeley: University of California Press, 2000. P. 14, 35.

11 ALONSO A.M. *Op. cit.* P. 385.

12 См. подробнее: KIRSCHENBAUM L.A. *Our City, Our Hearths, Our Families: Local Loyalties and Private Life in Soviet World War II Propaganda* // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. № 4. P. 82, 846.

МАДЛЕН ПИЛЬЦ

«МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА,
ЗАЩИТНИК И МАТЬ»...

Илл. 5. Ираклий Тоидзе.
«Родина-мать зовет»
(1941).

но увидеть на примере контекстуализации значения статуи *Матери Грузии*. Как пишет историк Владимир Козлов, процесс десталинизации, начатый в 1956 году знаменитой речью Никиты Хрущева на XX съезде партии, глубоко оскорбил национальные чувства грузин и их традицию поминания усопших. Недовольство приняло форму широкой волны протестов на улицах Тбилиси, в которых в марте 1956-го приняли участие почти 70 000 жителей города. Массовые демонстрации фактически превратились в противостояние между населением Грузии, грузинским правительством и центральной властью в Москве¹³. На фоне этих событий установка статуи *Матери Грузии* в 1958-м приобретает особый смысл. Воздвигнутая, по официаль-

¹³ Kozlov V.A. *Mass Uprisings in the USSR*. Armonk; London: M.E. Sharpe, 2002. P. 112–135.

ной версии, в честь 1500-летнего юбилея города, *Мать Грузии* стала советским вариантом использования аллегии матери, призванной «стабилизировать» народ во время кризиса.

Эта стабилизирующая функция образа *Матери Грузии* проявляется и в том, что она стала одной из первых монументальных скульптур, выполненных в грузинском национальном стиле (ее предшественниками были скульптуры советских вождей – вслед за ней создавались памятники историческим личностям Грузии). Место для установки было выбрано на горе над Старым городом, что превратило *Мать Грузии* в самую высокую точку городского ландшафта.

Приняв на себя роль покровительницы города, статуя обозначила новую конфигурацию в городском ландшафте и придала новую значимость символической городской текстуре. Специфические связи этого нового городского ансамбля проявляются в осях направления взгляда (от будничного к возвышенному/сакральному): глаза *Матери Грузии* обращены вниз, на город, а устремленные вверх взоры горожан – на *Мать Грузии*. Первое олицетворяет оберегающее и любовное отношение матери, второе – трансцендентную устремленность, обращенность к небу.

Учитывая бурные события в Тбилиси того периода, можно предположить, что в символической трансформации городского ландшафта *Мать Грузии* была призвана сыграть роль символического посредника, материализующего связь между грузинским народом и советской властью. Связь, которая заменила воображаемым чувством единства чувство утраты национальной гордости после смерти отца советского народа. Несмотря на все сходство облика *Матери Грузии* с иконографией советской военной пропаганды, нельзя не видеть принципиального отличия ее функции. Не в пример *Матери Армении*, которую в Ереване установили на постамент, опустевший после демонтажа памятника Сталину, *Мать Грузии* создала *новый* городской символ, новый идентификационный маркер – советский по форме, но национальный по содержанию. Наложение двух стратегий символизации – языка советского искусства и пропаганды, с одной стороны, и конкретной локальной проблематики кризисного Тбилиси, с другой, – придала этой скульптуре гибридный, полифонический характер¹⁴, объединяющий разные идеологические контексты¹⁵.

14 Гибридность здесь понимается в первую очередь как механизм наложения различных и очевидно несочетаемых значений (см.: BRONFEN E., MARTUS B., STEFFEN T. (Hrsg.). *Hybride Kulturen*. Stauffenburg, 1997. S. 1–31).

15 Этот вывод соответствует идее Хоми Бабы о гибридном статусе колониального дискурса, в котором акт (негативного) описания «Другого» включает и акт его (позитивного) утверждения. В этом плане колониальный дискурс не достигает бесспорной стабильности, а является результатом процесса противостояния и сделки между колонизатором и колонизованным (см. также: MARSHART O. *Der koloniale Signifikant* // KRÖNCKE M., MEY K., SPIELMANN Y. (Hrsg.). *Kultureller Umbau: Räume, Identitäten und Re/Präsentationen*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2007. S. 77–98).

НИНО, ТАМАР И КЕТЕВАН: КАК ЭТО БЫЛО ВОЗМОЖНО?

МАДЛЕН ПИЛЬЦ

«МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА,
ЗАЩИТНИК И МАТЬ»...

Начальный период независимости Грузии сопровождался многочисленными дискуссиями о демонтаже *Матери Грузии*. В целом дебаты произвели десакрализирующее воздействие: в центре обсуждения 1990-х были монументальная эстетика статуи, а также сексуализация ее атрибутов (чаша и меч)¹⁶. В 1994 году статуя была заменена, причем произошло это, судя по всему, ночью: некоторые очевидцы смущенно уверяли, что якобы видели на горе две *Матери Грузии*. Внешность новой *Матери Грузии* была модернизирована, ее голову приподняли, увенчав лавровым венком в знак грузинской независимости.

Сравнительно немногочисленные тбилисцы, заметившие постсоциалистическую трансформацию статуи, как правило, делятся на тех, кто видит в статуе олицетворение грузинского национализма, и тех, кто видит в ней олицетворение советского социализма, как это можно наблюдать, например, по приводимой ниже беседе:

Алла (50 лет): Для меня она выражает национализм, эта параллель, которая в 1958-м году не была актуальна, но актуальна сегодня. У предыдущих статуй голова была чуть наклонена, мне это нравилось, а почему эта теперь приподняла голову гордо, я не понимаю. Чем можно гордиться сегодня?

Виктор (55 лет): Нет, это социалистический оптимизм!

Авто (54 года): Все советское, а это грузинское. Ведь как говорится в грузинских тостах: «Все хорошо, и все станет еще лучше». Сталин ввел эту мысль в социалистическую культуру.

Собственно эти две темы и оформляют полюса тех локальных интерпретаций *Матери Грузии*, которые мне удалось собрать во время полевого исследования в Тбилиси в августе 2011 года. Первый полюс – это широко распространенное неприятие эстетики статуи, которая воспринимается как чужой, навязанный культурный «текст». Этому мнения придерживались в основном мужчины того поколения, школьная и профессиональная социализация которого пришлась на советское время. Второй, якобы противоположный, полюс увязывает значение *Матери Грузии* с репертуаром грузинской национальной культуры второй половины XIX века. Эта интерпретационная рамка была характерна для тех людей, чье профессиональное становление проходило во времена перестройки.

Для первой позиции характерен эмоциональный, поляризующий взгляд и категоричное неприятие монументальности,

16 SHATIRISHVILI Z. *National Narratives, Realms of Memory and Tbilisi Culture* // ASCHE K.V., SALUKVADZE J., SHAVISHVILI N. (Eds.). *City Culture and City Planning in Tbilisi*. 2009. P. 63.

МАДЛЕН ПИЛЬЦ

«МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА,
ЗАЩИТНИК И МАТЬ»...

статичного, неподвижного выражения статуи и ее мужеподобного облика:

Георги (60 лет): Тбилисцы не любят, когда им что-то навязывают. В наших убани [кварталах] честь и честность очень ценились, ошибки не забывались, никто не прощал предательства. Такой был наш закон, и никто не мог изменить его. А *Мать Грузии* – она не грузинская. Она холодная и безликая. Скульптура в Марнеули [«Еще вырастут», памятник Мераба Бердзенишвили в честь 30-летия окончания Великой Отечественной войны] – она грузинская, оба мальчика и мать [...] Эта статуя мне греет сердце, а *Мать Грузии* – она холодная.

Илл. 6. Мераб Бердзенишвили. Памятник героям Великой Отечественной войны в Марнеули (1975)¹⁷.

¹⁷ Источник: Квирквелия Т.Р., Мгалоблишвили Н.М. *Архитектура Советской Грузии*. М., 1986. С. 276.

Нино (35 лет): Она искусственная, пафосная, придуманная – негрузинская. По концепции она грузинская, но по форме она выражает социалистическую манию величия. Но место, на котором она стоит, очень грузинское. [...] То есть в ней грузинское и социалистическое совмещено, она уже часть нашей истории, часть Тбилиси [...] Но без социализма она бы не существовала. Для меня *Мать Грузии* – это картина Какабадзе «Имеретия – мать моя». Она простая, без пафоса, которая может и не все понимает, и ошибки делает...

МАДЛЕН ПИЛЬЦ

«МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА,
ЗАЩИТНИК И МАТЬ»...

Оба интервью акцентируют одну и ту же проблему: сложности идентификации с *Матерью Грузии* вызваны ее обликом, ее формой. Внешность статуи не совпадает с грузинскими представлениями о женщине и матери. Показательно, что причины неприятия выводятся из противопоставления «своего грузинского» и «чужого социалистического». При этом статус советского не остается постоянным: социалистический порядок может выступать иногда как часть грузинского прошлого, а иногда – как чуждый и навязанный социальный порядок, вступающий в конфликт с «грузинским характером». Важно то, что советское и социалистическое в любом случае противопоставляется *своему*, действительно грузинскому, с которым *Мать Грузии* никак не связывается.

Контекстуализация *Матери Грузии* у второй группы строится на принципиально иных основах: здесь монумент локализуется в рамках традиций национально-романтической грузинской литературы конца XIX века, главным представителем которой считается Илья Чавчавадзе (1837–1907). Персонажей его стихотворения «Грузинке-матери» и повести «Отарова вдова» часто называли прообразами для скульптурного воплощения матери. Оба этих литературных источника сочетают в образе матери семейное с общественным, утверждая в качестве общественной обязанности матери задачу воспитания сыновей защитниками родины:

Котэ (30 лет): Существуют идея о Картлис Деда [...] стихотворение [Ильи Чавчавадзе], посвященное женщинам Картли [...] матери-вдовы, они растят сыновей для родины. Одна строчка звучит примерно так: «Мы смотрим на вас, матери Картли, и ожидаем новых героев». В этом персонаже мужской и женский образ совмещены. Она в первую очередь мать, а не женщина. Кроме того, Чавчавадзе написал повесть «Вдова из рода Отара», которая представляет классический образ грузинской матери. Здесь мать – часть общества и несет ответственность, но она не романтическая женщина, так как живет не для любви. Она говорит в одном месте, что похоронила мужа и с ним часть себя и что теперь ждет смерти, чтобы опять быть вместе с ним. Это значит, она похоронила свою женскую половину. Я думаю, что если женщины после смерти мужа надевают черные платья и отдают себя детям и обществу, то они «правильные» женщины. Никто это так не скажет, но это то, что имеется в виду.

087

ВМЕСТО ПАМЯТИ:
СОВЕТСКОЕ СЕГОДНЯ

Сандро (45 лет): Она [*Мать Грузии*] – мать, а не женщина. Она вооружена и защищает. Она как вдова из рода Отара в повести Ильи Чавчавадзе или как мать на плакате Тоидзе «Родина-мать зовет». Она гермафродит, мужчина и женщина, защитник и мать. В Советском Союзе мы [грузины] были колонизированы, а в колониальной системе мужчина теряет свою мужественность, поэтому женщины принимают на себя их задачи и общественную роль.

Эти цитаты демонстрируют возможность привязки социалистической статуи к женским персонажам грузинской литературы XIX века на основе их *внутренней* близости. Более того, как показывает вторая цитата, неприятие внешнего облика статуи не становится препятствием для ее восприятия в качестве национального символа. Неприятие социалистического не сводится к неприятию формальных особенностей статуи. Форма здесь подвергается социально-исторической контекстуализации, становясь означаящим зависимого положения нации.

Как отмечает литературовед Заал Андроникашвили в своем исследовании о репрезентации нации в грузинской культуре, литературные прообразы XIX века являлись следствием одновременного стремления грузин к утверждению и неприятию русской колониальной власти. Эти образы возникли в рамках колониального мифа о символическом отсутствии мужчин и замещении женщинами их социальной роли¹⁸. На уровне гендерных ролей использование аллегорических женских фигур в грузинском искусстве XIX века во многом совпадает с использованием женских образов в советской пропаганде во время Великой Отечественной войны, а затем кризиса, пережитого грузинским обществом после разоблачения культа личности Сталина.

Таким образом, индивидуальные интерпретации *Матери Грузии* во многом следуют логике, о которой шла речь выше: женский образ используется прежде всего как соединительное звено между государством и семьей. Однако в данном случае есть и принципиальное отличие: во время наших бесед жители Тбилиси пытались увязать обсуждение *Матери Грузии* с обсуждением роли женщины в грузинском обществе. Наиболее часто такой подход демонстрировали молодые люди, которые получили профессиональное образование в период перехода к независимости и были уже достаточно зрелыми, чтобы осознанно воспринимать постсоциалистический военный беспорядок в стране. Они были первым поколением, которое смогло приобрести культурный капитал во время путешествий, учебы и поисков работы на Западе.

18 Я благодарна автору за предоставление неопубликованной рукописи: ANDRONIKASHVILI Z. *Genealogie der nationalen Repräsentation. Denkmalkultur in Georgien*. [2011]. S. 4.

В приведенных выше интервью гендерная тематика в основном была сведена к традиционному восприятию роли женщины. Роль женщины в Грузии либо связывается с привычной смысловой цепочкой, отражающей образы XIX века (женщина-мать – сыновья-герои – защита нации-матери-родины), либо приобретает «советские» характеристики, когда к традиционным ролям хранительницы и продолжательницы рода (нации) добавляются и задачи по организации непростых будней в советской колониальной Грузии. В интервью, цитаты из которых следуют ниже, этот традиционный образ женщины приобретает дополнительные черты.

МАДЛЕН ПИЛЬЦ

«МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА,
ЗАЩИТНИК И МАТЬ»...

Мая (35 лет): У нас была святая Нино, потом была царица Тамар, [...] и вот все время эти параллели, что у грузинских женщин есть совсем другие функции, чем у женщин на Востоке [...] нас даже в школе этому учили, все время это было подчеркнуто. [...] Мне кажется, оттуда и идет *Картлис Деда*, [...] что женщина была царицей Грузии. До сих пор удивляюсь, что это было возможно. [...] У нас всегда существовал этот культ матери, но я об этом слышала в то время, когда многие мужчины жили в двоеженстве, одна женщина в Грузии, а другая в России. [...] В Грузии закон девственности был очень важным, поэтому мужчины старались все попасть в Россию, чтобы там обрести мужские качества, [...] а грузинская женщина была мать их детей. Это меня всегда смущало – [...] все эти разговоры о Нино, Тамар и Кетеван, [...] и все это о роли женщины, а все, что я видела, было по-другому. Я, и правда, не понимаю, какую роль играют женщины в Грузии.

Ия (33 года): *Картлис Деда* уже не является символом Тбилиси. Раньше в соцвремена, [...] тогда она признавалась, но теперь тоже, наверное, потому что ее старались деконструировать после независимости, наверно, это реакция на это. [...] Она огромная, мать, очень мужественная, она защищает честь семьи, она трудолюбивая, [...] она держит чашу с вином в руке, а кто делает вино, тот трудолюбивый, что не является чертой грузинских мужчин. Женщины работают, едут работать в другие страны, чтобы прокормить семьи. А мужчины сидят, пьют, играют в нарды или в карты. Она олицетворяет производство нации, но не в сексуальном плане. Для меня *Мать Грузии* – символ трудолюбивых женщин сегодняшнего времени.

В первой выдержке героическое представление о женщинах Грузии подвергается критике и в итоге радикально отрицается. Во второй цитате распространенная интерпретация статуи трансформируется в репрезентацию женщины, работающей на благо семьи. Ни в одном из этих примеров *Мать Грузии* не воспринимается в роли защитницы родины и воспитательницы доблестных сыновей (хотя подобную интерпретацию легко представить – на фоне грузино-российской войны 2008 года и более давней грузино-абхазской войны 1992–1993 годов).

Смысловая цепочка, порожденная *Матерью Грузии*, в данном случае ограничивается рамками *работа–быт–выживание*.

Эти высказывания, свойственные молодым женщинам первого несоветского поколения, выдвигают на передний план понимание *Матери Грузии*, в котором статуя полностью теряет свой *аллегорический* характер, превращаясь в прямое отражение положения женщин в постсоветской Грузии. Если в комментариях современников-мужчин все еще преобладает представление о женщине как соединительном звене между индивидом и нацией, то для молодых женщин *Мать Грузии* является не коллективным символом грузинской нации, но символом одной определенной группы, которая возложила на свои плечи проблемы, связанные с трансформацией экономической системы, но чья новая роль до сих пор остается за рамками общественной дискуссии.

Следует подчеркнуть и еще один момент. Какими бы ни являлись причины той или иной интерпретации статуи в индивидуальных нарративах, они редко используют этот монумент в качестве отправной точки для нарративного отрицания социалистического прошлого (как это происходит в сегодняшней эксплуатации монумента туристической литературой, где памятник стал материальным подтверждением грузинских традиций). Вместо превращения в знак ушедшего прошлого, монумент становится поводом для споров о недавней истории: апеллируя к разным элементам и аспектам статуи, индивидуальные (ре)интерпретации вырабатывают символические инструменты, с помощью которых становится возможной дальнейшее противопоставление «чужого советского» и «своего грузинского».

Комментарии моих собеседников демонстрируют одну из форм практики присвоения/толкования городского символа путем индивидуального приложения значений. Нередко этот процесс толкования включает и операцию десакрализации, сопровождающуюся, как показывают выдержки из интервью, поляризацией точек зрения и смыслов. Постсоциалистическая трансформация часто описывается как ускоренный процесс коренных изменений, сопровождающийся фрагментацией общества¹⁹. На примере интерпретации *Матери Грузии* можно увидеть этот процесс социальной и символической фрагментации в действии: судя по всему, мужчины ощущают его менее сильно, чем женщины.

Безусловно, особенности восприятия зависят и от общественного признания новых гендерных ролей: проблема высокой безработицы среди мужчин является предметом общественной

19 См.: ALEXANDER C. Almaty. *Rethinking the Public Sector* // ALEXANDER C., BUCHLI V., HUMPGREY C. (Eds.). *Urban Life in Post-Soviet Asia*. London: UCL Press, 2007. P. 71.

дискуссии, в то время, как повышенная трудовая нагрузка на женщин остается за рамками общественных дебатов. Тематизация гендерных ролей в интервью молодого поколения обозначила и еще один пласт вопросов. В определенной степени эти интерпретации можно воспринимать как антинарратив по отношению к официальному дискурсу, пытающемуся вписать Грузию в европейский, западный, современный культурный контекст²⁰. На примере положения женщин этот антинарратив молодежи привлекает внимание к кризисной ситуации в стране.

МАДЛЕН ПИЛЬЦ

«МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА,
ЗАЩИТНИК И МАТЬ»...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, почему символ советского, так называемого колониального, времени продолжает порождать идентификационные процессы в независимой Грузии? Это можно было бы объяснить спецификой колониального сознания: усвоение эффектов колониальной власти проявляется зачастую в том, что язык колонизаторов продолжает действовать и после их ухода²¹. Важно, однако, иметь в виду, что на фоне событий 1950-х годов *Мать Грузии* – при всей советскости ее стиля – стала компромиссным решением в непрекращающейся конкуренции между центральными и местными, республиканскими, властями. Локальные формы социализма, как убедительно показала в своем исследовании советской Армении историк Майке Леманн, зачастую становились результатом *местных* интерпретаций директив, изданных центром²². Сходная динамика была характерна и для Грузии – особенно в отношении толкования различных национальных вопросов²³. *Мать Грузии* в значительной степени стала символом процесса национального противостояния, придавшего ей специфическую – гибридную – форму и содержание. Эта гибридность и объясняет двойственный характер Матери Грузии, способной выступать и в качестве символа советского социализма, и в качестве символа грузинской национальной культуры.

Различия в интенсивности переосмысления монумента, которые демонстрируют и население в целом, и новая элита во многом связаны с доступностью символических пространств.

20 Воплощением этого официального дискурса являются такие примеры новой архитектуры (из стекла и бетона), как резиденция президента, новое оформление бывшей гостиницы «Иверия» (ныне «Рэдиссон Блю») и вывешивание флага Евросоюза рядом с флагом Грузии.

21 Подробную теоретическую критику этой позиции см.: ВНАВНА Н. *Die Frage der Identität* // BRONFEN E., MARIUS B. (Hrsg.). *Hybride Kulturen*. Tübingen, 1997. S. 99–101.

22 LENMANN M. *Eine sowjetische Nation. Nationale Sozialismus, Repräsentation und Hybridität in Armenien seit 1945*. [Дис., фак. философии Университета имени Гумбольдта.] 2011. S. 12, 195–219.

23 GERBER J. *Georgien: Nationale Opposition und kommunistische Herrschaft seit 1956*. Baden-Baden: Nomos-Verlagsgesellschaft, 1997. S. 33–40 ; см. также: KOZLOV V.A. *Op. cit.* S. 112–135.

В отличие от новой элиты, *создающей* новые образы собственной идентичности (собор Самеба, статуя святого Георгия и новый мост), биография и воспоминания основной части населения связаны с материальным наследием прошлого. На протяжении многих лет *Мать Грузии* была не только частью города, но и частью жизни этих людей – их биографическим ориентиром и неизменной, привычной точкой в стремительно меняющемся городском ландшафте. Эту привязанность к памятнику прошлого не стоит отождествлять с ностальгией: в собранных интервью нет места ни культу социалистического дизайна, ни меланхолии по утраченному прошлому, ни попыток синтезировать историю советской страны с индивидуальными воспоминаниями, ни стремления отрицать настоящее или прославлять прошлое²⁴. Как я пыталась показать в этой статье, на фоне усиливающегося стремления грузинского общества преодолеть свое недавнее прошлое²⁵ в интерпретациях ключевого монумента грузинской нации *Мать Грузии* выступает как отправная точка для попыток критически описать советское прошлое и нес советское настоящее в качестве элементов собственного опыта и собственной биографии.

24 См.: BETTS P. *The Twilight of the Idols: East German Memory and Material Culture* // Journal of Modern History. 2000. Vol. 72. № 3. P. 731–765; CROWLEY D. *A Strange Nostalgia* // The Art Book. 2001. Vol. 8. № 2. P. 9–10; OUSNAKINE S.A. *We're Nostalgic but We're not Crazy: Retrofitting the Past in Russia* // The Russian Review. 2007. Vol. 66. P. 451–482.

25 Среди недавних примеров такого стремления можно выделить активное внедрение под лозунгом «лингвистической революции» английского языка как первого иностранного, позиционирование китайского языка как второго по своей важности языка. В этой классификации региональной значимости языков третье место делят между собой турецкий, арабский и русский (см.: www.civil.ge/eng/article.php?id=22601). Такое положение воспринимается грузинским населением как «девальвация» русского языка на рынке труда; это мнение особенно распространено среди людей старше 35 лет. Сюда же можно отнести и юридическое уравнивание в принятой недавно Хартии свободы советских символов с символами нацизма.

На заборе истории: атланты и кариатиды непарадной Киргизии

НИНА
БАГДАСАРОВА,
МАРИНА
ГЛУШКОВА

22 октября 2010 года площадь Ала-Тоо – центральная площадь киргизской столицы – была оцеплена милицией. С соседних улиц было видно, что на площади толпятся люди. Подобная картина из жизни Бишкека уже перестала вызывать интерес и эмоции.

Люди на площади, милиция, перекрывшая центральные улицы, пробки вокруг Белого дома¹ – все это стало такой естественной частью повседневной жизни города, что мало кто пытался узнать, из-за чего, собственно, площадь оцепили на этот раз...

Весь 2010 год был ознаменован серьезным политическим кризисом, вызванным насильственной сменой власти, которая сопровождалась массовыми беспорядками и многочисленными жертвами. К октябрю митинги на площади оказались одним из самых распространенных и будничных способов политического участия. Но 22 октября 2010 года причина для скопления людей оказалась нетривиальной. Внутри оцепления оживленные журналисты щелкали фотоаппаратами, а сотрудники Первого канала расспрашивали президента страны Розу Отунбаеву об ее отношении к современному искусству. Поводом для интервью стал художественный проект, осуществленный под эгидой президента Киргизии и профинансированный на средства из президентского фонда. Собственно, этот проект и превратил Ала-Тоо в выставочный зал под открытым небом.

Когда оцепление сняли, прохожие и пассажиры в проезжающем транспорте смогли увидеть длинный строительный забор, с развешенными на нем фотографиями. При ближайшем рассмотрении фотографии выглядели необычно, хотя ничего неожиданного в них не было. В странной цветовой гамме (не цветные, но и не черно-белые), в странном формате (то ли портреты, то ли панорамы) бледные изображения как будто проступали сквозь бетон. На следующий день, когда мокрый снег прекратился и выглянуло солнце, площадь заполнили прохожие, и можно было увидеть, как некоторые трогают за-

Нина Ароновна Багдасарова – доцент кафедры психологии Американского университета в Центральной Азии (Бишкек, Кыргызстан).

Марина Юрьевна Глушкова – директор программ Центра социальной интеграции (Бишкек, Кыргызстан).

¹ Здание, в котором располагаются правительство и президентская администрация, а с осени 2010 года – и парламент Кыргызской Республики.

бор руками, пытаюсь понять странную технику фотопечати на бетоне. Только подойдя вплотную или дотронувшись до поверхности рукой, можно было понять, что изображение напечатано на пластике и забор не настоящий.

Этот забор с фотографиями простоял на площади почти два месяца в рамках проекта «Непарадная история». Может показаться неожиданным, что предметом рефлексии в условиях политического кризиса, густо замешенного на крови, становится фотовыставка, пусть даже и не вполне обычная. Однако именно «изнутри» кризиса вопрос о связи политики с современным искусством кажется отнюдь не праздным. Эту связь мы и постараемся проанализировать в данной статье.

* * *

В начале апреля 2010 года в Киргизии произошла смена власти. Это событие, получившее впоследствии имя «апрельской революции», было не первой сменой власти, совершенной подобным образом. В 2005 году страна уже пережила революцию – «мартовскую». На волне народного возмущения политикой, породившей высокий уровень коррупции и авторитаризма, к власти пришел Курманбек Бакиев, сместив с поста президента Киргизской Республики Аскара Акаева, руководившего страной с 1990 года. Ровно пять лет спустя Бакиев повторил судьбу своего предшественника². Причинами всеобщего недовольства по-прежнему были авторитаризм и беспрецедентный уровень коррупции.

Киргизия оказалась, пожалуй, единственной страной на постсоветском пространстве Центральной Азии, которая отнеслась к идее «построения демократии» всерьез. Было похоже, что правила игры, согласно которым «демократические процессы» являлись только фасадом для более или менее выраженного авторитарного правления, не воспринимались и не принимались не только элитами, но и всем населением республики в целом. В то же время революционный пафос традиционно был окрашен оттенками народного бунта, «бессмысленного и беспощадного». Мартовская революция 2005 года была отмечена разгромленными магазинами в центре Бишкека и волнениями в регионах, где люди настаивали на смене руководителей об-

2 Традиция нелегитимного прихода к власти каждого следующего президента страны (Акаев был первым, Бакиев – вторым) была, наконец, нарушена во время президентских выборов 2011-го. В ноябре 2011 года на площади перед Белым домом была осуществлена публичная акция «Розы для Розы»: под окнами президентского кабинета участники акции выложили цветами слово «Спасибо». Благодарность была адресована Розе Отунбаевой, главе государства, которая путем демократических выборов осуществила мирную передачу власти следующему президенту (впервые за 20 лет истории независимого Кыргызстана).

ластей и районов, которые воспринимались в тот момент как «ставленники акаевского режима».

В 2010-м изгнание Курманбека Бакиева и штурм Белого дома в столице повлекли за собой человеческие жертвы, на фоне которых разгромленные по всему городу магазины и офисы уже не выглядели так трагично, как в 2005-м (тогда погибших не было). В регионах митинги и «революции» локального масштаба происходили почти повсеместно вплоть до конца апреля. Временное правительство, принявшее на себя ответственность за управление страной до следующих выборов, с трудом справлялось с наведением порядка и осуществлением новых назначений. Несколько недель Бакиев, покинувший Белый дом, находился в своем родном селе, на юге страны, создавая реальную угрозу дальнейшего распространения беспорядков и даже гражданской войны. Только после его выезда из страны и подписания документа об отставке стало казаться, что ситуация может стабилизироваться.

Общественное внимание сосредоточилось на создании новой Конституции и обсуждении преимуществ парламентского правления по сравнению с президентским. Спустя 20 лет после обретения независимости модель государственного устройства снова оказалась в центре дискуссий, так как было очевидно, что предыдущие варианты, мягко говоря, не слишком эффективны. Казалось, что все общество было втянуто в дебаты о радикальных политических изменениях; а это давало надежды на то, что повседневная жизнь скоро войдет в свое русло.

Надежды на стабильность тем не менее оказались ошибочными. Через несколько месяцев привычный уклад жизни в республике будет нарушен. Беспомощность власти становилась все очевиднее. Население перестало «отзываться» на ее оклик. Кульминацией этих процессов стала вспышка массового этнического насилия 10–14 июня 2010 года на юге страны в Оше и Джалал-Абаде. Чтобы установить хрупкий баланс между вступившими в город военными, милицеейскими подразделениями и толпой понадобились три дня³.

События на юге страны оказали огромное влияние на текущие социальные процессы, в первую очередь на социальную мобилизацию. Июнь разделил восприятие времени в стране на «до» и «после» так же, как он разделил всех ее граждан на тех, кто «с нами», и тех, кто «с ними». После июньских событий началось более осознанное и осторожное движение к «восстановлению порядка» и возвращению жизни в «обычное» русло.

3 В Киргизии эта проблема, как правило, обсуждается в контексте дискуссии о «легитимности» новой власти. После свержения президента Бакиева власть в стране перешла к временному правительству, которое публично отказалось от формальных процедур собственной легитимации, а основой своей легитимности объявило «доверие народа».

**НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА**

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

Для описания момента, в который происходила выставка «Непарадная история», важно указать время: октябрь–ноябрь 2010 года, то есть сразу после завершения парламентских выборов, установления «нормальных» процедур государственного управления и завершения «острой фазы» кризиса власти. Подготовка выставки началась еще летом, и вся работа проходила в состоянии ожидания новых беспорядков и столкновений, спровоцированных предвыборной активностью или бестолковым поведением кого-нибудь из политиков.

Одной из важнейших характеристик этого периода стало массовое насилие, масштабы которого оказались чрезвычайными для «маленькой» страны, в которой «все друг друга знают». Время с начала апреля (революция) до начала октября (парламентские выборы) было отмечено признаками глубокой травмы, сопровождаемой вполне понятной в этой ситуации «невозможностью» рационализировать немотивированную и демонстративную жестокость со стороны самых обыкновенных людей, живущих «за соседней дверью», как это метко обозначается в английском языке.

Особенно страшными оказались июньские события на юге, когда за несколько дней погромы и пожары уничтожили несколько узбекских кварталов в городе Ош, а затем столкновения перекинулись и на Джалал-Абад. Агрессия была взаимной, что привело к значительному числу жертв с обеих сторон⁴. В отличие от апреля и мая, когда противостояние касалось «власти» и «народа», в июне люди убивали друг друга, и поводом для насилия были не политические предпочтения, а этническая принадлежность.

Публичная репрезентация этнического насилия как внутри республики, так и за ее пределами создала, как это часто бывает, явный водораздел между публичными и частными версиями событий, циркулировавшими параллельно. «Рассказы очевидцев», которые передавались от знакомого к знакомому, обсуждения в блогах и на Интернет-форумах, диски с «хроникой», продающиеся на уличных лотках, стали зоной альтернативного обсуждения и эмоциональной проработки случившегося. Эта зона явно противостояла официальным интерпретациям происходящего, которые продвигались через СМИ, так или иначе находящиеся под государственным контролем и собственной профессиональной «самоцензурой».

⁴ По данным доклада Международной независимой комиссии (*Kyrgyzstan Inquiry Commission – KIC*): около 470 человек были убиты, 1900 раненых получили помощь в медучреждениях, более 111 000 покинули свои дома.

Эти два пространства «проработки» травмы характеризовались принципиальными отличиями в подаче и характере материала. СМИ и выступления официальных лиц в большей степени были сосредоточены на рационализации, предъявляя аналитику и пытаясь дать *объяснение* произошедшим и текущим событиям. Акцент в данном случае делался на репрезентации «смысла». При этом подразумевалось, что «за поверхностью» событий находится некий «механизм», который приводит их в движение. Этот тип репрезентации внушал: «Смотрите, на самом деле все было не так. То, что вы видите, – это только видимость, истина события находится “по ту сторону экрана”, у происходящего есть скрытые пружины, и только они-то и заслуживают вашего внимания». Логика этого обращения по сути своей *вербальна*, она позволяет дистанцироваться и абстрагироваться от того аффекта, который вызывает визуализация происходящего. Эта логика создает иллюзию того, что с этим травматическим, непредставимым, непереносимым аффектом можно справиться, если случившемуся будет дано «правильное» объяснение.

НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

**Публичная репрезентация этнического насилия
как внутри республики, так и за ее пределами
создала, как это часто бывает, явный водораздел
между публичными и частными версиями событий,
циркулировавшими параллельно.**

В свою очередь Интернет и пространство частного общения были перенасыщены эмоциями и визуальными образами, подкрепляющими или вызывающими эти эмоции: «хроника», зафиксированная в фотографиях и видео, тексты блогеров, «передающих» происходящее с места событий. Логика этого типа репрезентации, наоборот, была *визуальной*, документальной, поверхностно-экранной. Такой тип репрезентации обращался к зрителям напрямую, непосредственно: «Смотрите, как это было на самом деле!»⁵.

- 5** Травма, связанная с «жертвами революции», которые погибли на площади 7 апреля 2010 года, получила несколько иную официальную репрезентацию. Противостояние «народа» и «Бакиева» не оставляло большого пространства для интерпретаций, так как виновный в гибели молодых ребят, штурмовавших Белый дом, был «очевиден». Их похороны происходили на мемориальном кладбище, в месте, где происходили массовые расстрелы в 1937 году. Таким образом, практически немедленно была установлена параллель между «антинародным бакиевским» и «сталинским» режимами. Во многом процесс легитимизации временного правительства был связан с его отношением к погибшим и раненым на площади. Эта часть массового насилия оказалась признана и «достойна» скорби, что сделало официальную реакцию на апрельские события более эмоциональной и человеческой по сравнению с той, которая была продемонстрирована по отношению к жертвам июньских погромов.

Создавалось впечатление, что дискурс о событиях июня 2010 года отражал своеобразное соревнование двух типов репрезентации. Вербально организованное и рационально ориентированное публичное пространство вытесняло за свои границы аффективную составляющую. *Внутри* публичного дискурса массовое насилие превращалось в фигуру умолчания в то время как за его пределами действовали совсем другие принципы восприятия и переживания.

Ясно, что граница между этими двумя типами репрезентации почти непроницаема. В то же время она не только разделяла, но и объединяла пространство «логики» и «аффекта» в неразрывную целостность⁶. Однако проницаемость этой границы, как правило, настолько избирательна, что преодолеть ее могут только очень простые логические конструкции, которые не столько *прорабатывают*, сколько *обслуживают* травматический аффект, сводя суть происшедшего к выявлению скрытого и коварного врага.

Проницаемость этой границы хорошо прослеживается, в репортажах, в которых «картина» с места событий не только вербализовывалась, но и подвергалась определенной интерпретации. Небрежность и категоричность, с которой даже «спокойные» и «нейтральные» печатные СМИ использовали данные, собранные на месте событий, создавали эффект очень сильного вовлечения аудитории в происходящее.

Издание «Деловой Кыргызстан», например, сообщало в июне 2010 года:

«Резне в Оше, быстро перекинувшейся на Джала-Абадскую область Киргизии, предшествовали несколько драк между киргизами и узбеками, которые 10 июня почти одновременно произошли в нескольких местах города. [...] В беспорядках в Оше активно участвовала съехавшая сюда из разных регионов страны молодежь. Из Бишкека и его окрестностей на воспламенившийся юг на маршрутках и автобусах добирались молодые воинственно настроенные киргизы, которых здесь называют *черными*, то есть связанными с преступными группировками»⁷.

При этом авторские интерпретации становились навязчивыми.

«...Вражда между киргизами и узбеками скреплена кровью, обильно пролившейся ровно 20 лет назад здесь же, в Оше. Киргизы до сих пор не забыли и не простили узбекам прозвучавшего тогда требования о создании на юге страны узбекской автономии. [...] Ошские события еще не конец противостояния, и вскоре следует

6 Примеры «визуальной» хроники легко найти в Интернете как на узбекских и киргизских, так и на российских сайтах, адреса которых, по мнению авторов, распространять некорректно. Аналитика представлена на всех электронных ресурсах, посвященных Центральной Азии.

7 Соловьев В., Карабеков К. *Резня по заказу* // Деловой Кыргызстан. 2010. № 11. 28 июня – 10 июля.

ожидать беспорядков на севере: в самом Бишкеке и Чуйской области. [...] На улицах киргизской столицы в минувший четверг появились угрожающие надписи в адрес еще одного здешнего нацменьшинства – уйгуров: “Убирайтесь – вы следующие”. К вероятной вспышке насилия стали готовиться и в городе Токмак, неподалеку от Бишкека, где проживают несколько крупных этнических групп, в том числе узбеки. Если эти угрозы окажутся воплощенными, временное правительство может ждать участь Курманбека Бакиева. А сама Киргизия, претендовавшая до сих пор на звание единственной центральноазиатской демократии, окажется втянутой в гражданскую войну»⁸.

НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

Особенно популярными в репортажах были свидетельства очевидцев, которые вызывали сильную эмоциональную реакцию и использовались авторами в том числе и для рациональных интерпретаций, как, например, в этой выдержке, где свидетельство очевидца вплетается – причем без комментариев – в журналистский текст:

«И вообще, узбеки заранее к этой войне подготовились, первыми начали бойню. [...] 10 июня днем узбеки забрали детей из садиков, женщин с работы – все это видели. [...] В 11 часов вечера в районе, где я живу, появилась толпа из нескольких сотен человек, среди них было много мужчин с такими, знаете, характерными бородами. Я еще подумала: «хизбуттчики», что ли? В окно за ними наблюдала. Они стали кричать «Аллах Акбар!» – и поджигать машины на обочине. Я была в морге, там такие трупы – смотреть страшно!» [...] Если здесь и можно говорить о каких-то третьих силах, то только о религиозных. По словам Суваналиева, часть осужденных по нашумевшему Ноокатскому делу и недавно с помпой амнистированных “хизбутчиков” была замечена в активной религиозной агитации на юге. Если увязать между собой показания людей относительно “бородаков” и “акбаровских” выкриков со словами одного из южных милицеевских начальников о том, что у многих трупов “горло перерезано особым способом” (так перерезают его ортодоксальные исламисты, которые, ассоциируя человека с ягненок, считают, что приносят жертву Аллаху), а также со слухами о старейшинах некоторых махаллей, давших узбекам “бата” (благословение) на “военные действия”, то версия, в принципе, имеет право на существование»⁹.

Этот механизм так называемой «манипуляции массовым сознанием» широко известен и в рамках политического анализа не может привести ни к какому выводу, кроме банальной кон-

⁸ Там же

⁹ АГЕЕВА Е. *Война в этностиле* // МК Кыргызстан. 2010. № 23. 23–29 июня. В данном тексте не обсуждается предвзятость и политическая ангажированность всех опубликованных тогда репортажей и аналитики, цитаты здесь – иллюстрации «политики образа» – процесса, с помощью которого образ встраивается в рациональные объяснения событий или даже подменяет собой эти объяснения.

статации того, что различные акторы пользуются им в своих целях (далее следует набор гипотез об акторах и их целях). В общем и целом такая интерпретация обслуживает популярный нарратив о «плохих» политиках, которые превращают «хороший» народ в объект манипуляции и используют в своих грязных интересах. Выход из ситуации видится, как правило, в разоблачении этих манипуляций и воспитании у «народа» определенной критической позиции по отношению к «политическим играм».

Этот нарратив дает серьезные сбои, когда события выходят за рамки «текущих» политических игр, создавая непреодолимый разрыв в социальной ткани, разрыв, заполненный кровью и сотнями мертвых тел. Зачастую в таких случаях категория «народа» разделяется на две неравные части, и участниками насилия оказывается «маргинализованная часть населения», «радикальные исламисты», «молодежь, которая легко поддается на провокации», или просто «толпа». Попытка отделить от «хорошего» народа его «плохую» часть создает параллельную иллюзию того, что в случае массового столкновения будет возможно отделить «участников» от «неучастников» – как если бы твой сосед, которого ты видел среди погромщиков, перестал быть твоим соседом от того, что ты отнес его к группе «маргинализованной молодежи». Более того, в таком отделении «толпы» от «нетолпы» скрыто довольно очевидное желание не только объяснить, но и оправдать тех, кто в этом насилии принимал непосредственное участие. Загадочная «психология толпы» делает возможными любые зверства и позволяет уйти от их осуждения. В конце концов, чего еще можно ожидать от «молодежи», которая собралась в таком количестве и у которой, в принципе, есть все основания выражать свое недовольство и несогласие.

Интересно, что смена власти в 2005 году – которая не была сопряжена со смертью штурмовавших Белый дом, а погромы тогда ассоциировались с грабежами, а не с убийствами, – хотя и трактовалась в СМИ как шоковая, но сам факт погромов обсуждался повсюду открыто и активно. Травма тогда стала всеобщей: происшедшее обсуждалось в терминах коллективного мы: «Как мы могли сделать такое?» Тон и тип обсуждения событий в СМИ, Интернете и на кухнях в 2005 году практически не различался.

Захват Белого дома и смещение президента 7 апреля 2010 года в Бишкеке так же сопровождался разграблением магазинов и офисов. Однако этот аспект революционных событий никогда не обсуждался публично. СМИ почти не показывали пострадавший от погромов бизнес. На этот раз были другие потерпевшие: в центре внимания оказались больницы и мор-

ги. Обсуждения погромов в Интернете и частном пространстве имели выраженный характер деления на «своих» и «чужих». В дискурсивном пространстве возникли «они» – «те, которые...». Это «они» способны сбиваться в толпы, громить и, как вскоре выяснилось, резать и жечь. В течение лета эта риторическая фигура стала приобретать все более четкие очертания, демонстрируя в том числе этнические характеристики.

**НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА**

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

Илл. 1. Настоящий пред-
выборный забор. Биш-
кек, сентябрь 2010 года.
Фото Н. Андриановой.

Илл. 2. Уличный плакат.
Ош, август 2010 года.
Фото Д. Андриященко.

В течение лета и осени 2010-го нарастающие тенденции раскола общества по-прежнему оставались актуальными. Начиная с сентября парламентская предвыборная кампания – беспрецедентная по масштабам затрат – захватила практически все публичное пространство. В своей предвыборной риторике политические партии подчеркивали необходимость сплочения и объединения («единство» было, наверное, самым частым словом на рекламных щитах). Но, несмотря на все попытки разнообразить на плакатах лица и языки, на которых были написаны

предвыборные лозунги, в своих стратегиях кандидаты беззастенчиво эксплуатировали все доступные – региональные, этнические, возрастные и культурные – разделительные категории, фактически грозя стране развалом и дезинтеграцией.

* * *

Сразу после завершения выборов, в начале ноября, власть (а точнее администрация президента Кыргызстана Розы Отунбаевой) продемонстрировала нетривиальный ответ на сложившуюся ситуацию. Им стала фотовыставка «Непарадная история». Нетривиальность заключалась и в том, что ответ был дан не в традиционном «вербальном», а в «визуальном» пространстве. И в том, что местом для ответа стала площадь Ала-Тоо, которая до этого в течение полугода служила местом скорби и была почти целиком заполнена траурной символикой. Эффект неожиданности от того, что власть выбрала публичное визуальное пространство для своего обращения к обществу, многократно усиливался и абсолютно нетрадиционной формой этого обращения¹⁰. Выставка в формате *contemporary art*, сопровождавшаяся аннотацией куратора, плохо вписывалась в привычные представления о действиях официальных властей в сфере культуры, а уж тем более – в сфере пиара или «аффективного менеджмента»¹¹.

Экспозиция состояла из фотоколлажей, созданных на базе как архивных фото, так и фотографий современных художников¹². Коллажи в натуральную величину размещались на фоне имитации бетонного забора, которым обычно окружают стройки. «На заборе» были развешены фото людей, «которые не попали в школьные учебники, но создали то, что стало узнаваемыми символами страны, ее знаками», как сообщала аннотация к выставке, висевшая на одном из заборов. Все коллажи были стилизованы под кадры советской хроники – на сегодня, пожалуй, единственного стиля, по которому на территории СНГ

10 Власть, конечно, является довольно условным субъектом организации выставки. Экспозиция состоялась исключительно благодаря усилиям нескольких человек (в первую очередь Чолпон Ногойбаевой), которые в тот момент оказались сотрудниками администрации президента и смогли добиться соответствующего решения. В то же время нельзя отрицать и роли самой Розы Отунбаевой, проявившей заинтересованность в проекте, – без этого никакие действия подобного рода на центральной площади столицы не были бы возможны. В этом смысле выставка прочитывалась зрителями как акция власти, и власть в известной степени присвоила эту акцию, «освятила» ее своим сакральным авторитетом.

11 Об аффективном менеджменте см.: Ушакин С. *Память переживания: воспоминания о непржитой войне. Доклад на международном симпозиуме «Пути России. Историзация социального опыта»*. Москва, 4 февраля 2011 года (www.msses.ru/science/conferences/ways_of_Russia/).

12 В экспозиции использовались фотографии из Центрального государственного архива Кыргызстана, архива UNICEF, а также работы Александра Федорова, Алимжана Жоробаева, Сагына Аильчиева, Владимира Пирогова, Эркина Болжурова, Владислава Ушакова, Евгения Петрийчука, Тамилы Зейналовой.

можно опознать хронику как особый жанр. И, хотя собственно советскими были только несколько выставочных сюжетов, сам стиль безошибочно считывался за счет невнятного, почти черно-белого цветового решения и «стертого», нарочито анонимного обозначения индивидуального присутствия персонажей в каждом кадре.

Аннотация кураторов выставки была короткой и включала следующий текст.

Выставка

«НЕПАРАДНАЯ ИСТОРИЯ»

Под эгидой президента Кыргызской Республики

Выставка «Непарадная история» – это попытка заново пережить историю строительства Кыргызстана и заглянуть в его будущее. Это попытка напомнить: будущее создается сегодня.

«Непарадная история» – это история каждого из нас. Нам довелось пережить смену эпох и формаций, идеологий и властителей, и сегодня остались в цене не вымышленные лозунги и придуманные герои, а обыкновенные человеческие судьбы. Все, что сегодня называют современным Кыргызстаном, было и остается плодом труда многих поколений граждан нашей страны.

На фоне знакомого всем бетонного забора собраны воедино архивные фотографии и снимки современных фотохудожников. Люди, представленные на фотографиях, не попали в школьные учебники, но создали то, что стало узнаваемыми символами нашей страны, ее знаками.

Экспозиция охватывает почти 140-летний период развития нашей страны. Она состоит из «бетонных» страниц-заборов, обычно окружающих современные стройки или огораживающих участки ремонтных работ. До поры до времени мы не знаем, что скрывается за забором: строящееся здание или отреставрированный фасад? Пространство для новой жизни или глухой тупик? Созидательный труд или разрушительное действие?

За «забором» история превращается в наше будущее. Что появится на этих бетонных страницах завтра? Об этом и хотели задуматься авторы и организаторы выставки вместе с ее зрителями – теми, кто проходит сегодня по центральной площади страны.

Кураторами выставки были Чолпон Ногойбаева (советник президента Киргизии, в тот момент заведующая отделом администрации) и Улан Джапаров, известный архитектор, один из ведущих кураторов современного искусства в Центральной Азии. За Чолпон и Уланом, которые мужественно взяли на себя ответственность за выставку, стояли и другие участники. Улан собрал вокруг себя дизайнеров, работавших непосредственно с визуальным материалом. Чолпон работала с коллективом единомышленников, в который вошли сотрудники отдела, в том числе и Марина Глушкова – один из авторов данной статьи.

НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

Илл. 3. Стиральная
машина «Киргизия».
Дизайн А. Кивачицкой,
фото А. Кивачицкой
и А. Федорова.

Концепция и организация выставки явились плодом коллективных усилий, обсуждений, постоянного пересмотра списка сюжетов и переделки их визуального решения.

В рамках выработанной концепции выставки были сформированы тематические сюжеты. Одним из рабочих названий будущей выставки было «Новая ВДНХ», и оно, очевидно, отсылало к определенным достижениям. Список сюжетов содержал в первую очередь набор исторических знаков, по которым можно было догадаться, что речь идет не о любой республике, а именно о Киргизии. Часть сюжетов относилась к периоду независимости. Другая – табак, хлопок, овцеводство – к советскому прошлому. Эти знаки прошлого не то чтобы исчезли из жизни и экономики, но они явно перестали определять «лицо» страны, ее образ. Коллажи с этими сюжетами непосредственно обращались к памяти зрителя, иногда в ироничной манере. Например, сюжет, посвященный стиральной машине «Киргизия-1», отражает широко распространенную в советское время практику ее использования для приготовления консервированного томатного сока. Надпись¹³ на коллаже гласит:

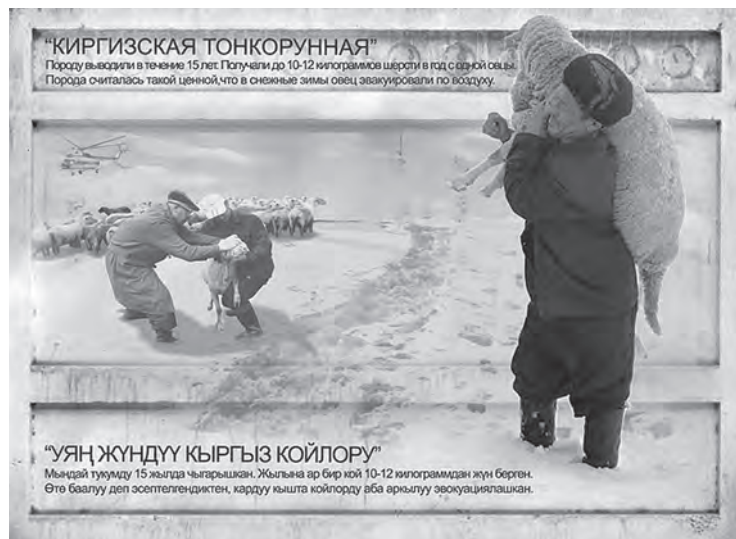
«Первый кухонный комбайн эпохи социализма. Стиральная машина и миксер одновременно. Гарантийное использование 40 лет».

13 Все коллажи содержали надписи, сделанные на киргизском (государственном) и русском (официальном) языках. Надписи могли просто повторять название сюжета, а могли содержать какие-то сведения или отсылать к определенным повседневным практикам из настоящего или прошлого.

Сюжет под названием «Киргизская тонкорунная» был, напротив, отмечен особым почтением и сопровождается пояснением наличия в кадре вертолета:

«Породу выводили в течение 15 лет. Получали до 10–12 килограммов шерсти в год с одной овцы. Порода считалась такой ценной, что в снежные зимы овец эвакуировали по воздуху».

НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

Илл. 4. Киргизская тонкорунная. Дизайн М. Машкова, фото А. Федорова.

Другая часть коллажей рассказывала о современных «достижениях», которые создавали преемственность между вчерашним и сегодняшним днем: киргизский кинематограф, добывающая промышленность, энергетика, строительство. Они были «тогда», но не утратили своего значения и сегодня.

Илл. 5. Золото страны. Дизайн А. Кивачицкой, фото В. Ушакова и Л. Вильчинского.

**НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА**

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

*Илл. 6. Дороги, которые
мы создаем. Дизайн и
фото Н. Тен.*

Отдельная часть сюжетов относилась к явлениям, которые можно считать знаками нынешней повседневности: водители такси, ремесленники, мигранты, торговцы-челночники. Эти «непарадные» стороны жизни постоянно у всех на виду. С одной стороны, они знак рыночной экономики. С другой, – эта новая экономика так же, как и «старая», существует исключительно за счет ежедневного труда людей, не считающих себя героями.

*Илл. 7. Кыргызинформ-
бюро. Дизайн М. Ахметова,
фото Н. Тен
и М. Ахметова.*

Особое отношение было к коллажу, показывающему женщин, которые занимались в 1990-е годы челночной торговлей. Сюжет назывался «Кариатиды»:

«Смелые женщины, ставшие надежной опорой Кыргызстана. Они насытили рынки товарами, стимулировали отечественное производство, создали рабочие места для себя и других. Открыли дорогу новым инвестиционным проектам».

**НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА**

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

«Атланты и кариатиды» очень долго были еще одним рабочим названием выставки. Авторам казалось, что оно максимально точно отражает суть проекта. Название было отклонено потому, что было сложно найти адекватный перевод этой фразы на киргизский язык.

Илл. 8. 30% ВВП. Дизайн
и фото Д. Токочева.

Стилизованные под архивные снимки и хронику фотографии «новых героев труда» были наполнены несколько нарочитым позитивным настроением, характерным для советской эстетики «хроники трудовых будней». Это настроение было рассчитано на то, чтобы перебить уже сложившийся дискурс о «проблемах переходной экономики», в рамках которого о жизни трудовых мигрантов, челночников или мелких предпринимателей принято рассказывать с надрывом, подчеркивая тяжелые условия их работы, разнообразные лишения и ничтожное вознаграждение, не оправдывающее трудовых затрат.

Идея «истории на заборе» родилась не сразу. Но, став основным организационным принципом, она повлекла за собой многие другие эстетические решения: композиции-коллажи, ироничные названия и подписи к ним, серийность и кинематографичность их расположения без прямого указания на раскадровку, но с намеком именно на кинохронику за счет стилизации.

Появление «забора» было только первым шагом на пути к окончательному эстетическому решению. Для команд дизайнеров, принимавших участие в работе, с забора поиск только

начался. В интервью куратор выставки Джапаров постоянно подчеркивал многофакторность процесса, в который были втянуты все участники:

«...Это проект такой полусоциальный... если его оценивать просто с художественной точки зрения, то в этом проекте ничего особенного вроде и не было, но, если иметь в виду контекст, напряг какой-то в обществе. [...] На самом деле это минное поле было – с переводом, со знаком заборным, с этой политкорректностью... Такой танец на минном поле... Вот у нас был какой-то длинный список тем. Потом были какие-то фотографии, архивы, [...] коллекции, сами там делали кое-что... Проблема в том, что когда с визуальным материалом начинаешь работать, то уже какой-то другой критерий появляется: интересно – неинтересно, смотрится – не смотрится... Иногда что-то начинаешь, а у этого явления своя логика появляется внутренняя, и ты потом просто начинаешь в ней двигаться... Форма за счет этого появилась».

Образ «танцев на минном поле» кажется очень точным. Сама идея организации выставки состояла в необходимости противостоять разрушительному образному ряду или хотя бы приостановить влияние разрушительных образов в публичном пространстве. При этом впервые с начала кризиса возникла попытка вернуть в это пространство банальные и традиционные, но в то же время абсолютно необходимые для выживания культурные нормы и ценности. Образы, которые смотрели на прохожих с «забора на площади», создавали ощущение общности у тех, кто находился вокруг. С одной стороны, «Непарадная история» была «асимметричным» ответом на лицемерные политические призывы к единству, с другой, – она же стала достаточно «симметричным» ответом тому визуальному ряду, который доминировал на улицах и на экранах компьютеров.

* * *

Среди тем, проявившихся в ходе выставки, нам бы хотелось выделить три важных составляющих: «город», «фотография» и «советское».

Безусловно, главная площадь столицы – это символический центр государства. Ясно, что, если большой город является столичным, его влияние приобретает дополнительную символическую нагрузку. Послание, отправленное из «сердца» столицы, считается именно как «послание», как нечто, на что следует обратить внимание, к чему необходимо как-то отнестись¹⁴. Как уже говорилось, начиная с 2005 года – первого

14 Например, превращение Красной площади в Москве в каток или площадку для рок-концерта, как правило, отсылает россиян к поиску тех или иных смыслов в поведении властей.

«штурма» Белого дома – площадь Ала-Тоо была местом всех действительно значимых для страны событий. После митингов оппозиции в 2006–2007-м пространство площади было «украшено» фонтанами, клумбами и скамейками. Официально это объяснялось необходимостью создать в центре города место для прогулок и отдыха горожан. Однако все догадывались, что бакиевская администрация лучше, чем кто бы то ни было, понимает всю опасность наличия неподалеку от Белого дома пространства, открытого для сбора большого количества людей. Впрочем, наличие фонтанов не спасло Белый дом в апреле 2010-го от очередного штурма.

НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

Символическая значимость площади усиливалась и еще одной группой факторов. На площади находится Исторический музей (бывший Музей Ленина), здесь выставлен Пост № 1 – караул возле флагштока с «главным» флагом республики. На площади много лет находилась и своеобразная «статуя свободы» Киргизии, сменившая стоявшего здесь ранее Ленина и взявшая на себя основную эстетическую и символическую нагрузку по организации пространства перед музеем¹⁵. В 2010 году, после апрельских событий, предельным выражением и концентрацией символики площади стало соседство двух обрамляющих ее зданий: Белого дома, с выбитыми во время штурма окнами, и Генеральной прокуратуры, со стенами, почерневшими от пожара.

Илл. 9. Белый дом 8 апреля 2010 года.

15 В день 20-летия независимости эту женскую фигуру сменила статуя всадника-воина. Теперь площадь организована вокруг Манаса, героя киргизского эпоса.

НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

Наличие «заборов» с фотографиями существенно изменило облик площади. Улан Джапаров объяснял, что несколько раз приходил на площадь, чтобы наблюдать за реакцией людей:

«...Компания, помню, шла ребят – туристы, что ли, из России или бригада какая-то, вроде бы уже мимо прошли, вдруг раз – увидели Красную площадь, и сразу видно, что-то шибануло... И один из четырех ребят, видно, какой-то любознательный... Те вроде его зовут: “Пойдем!” – а он: “Нет, чуваки, стойте!” [...] Но каждый за- падал сначала не на весь ряд, а где-то была какая-то заноза, она цепляла, а потом уже шли вдоль всего забора... Бежали к началу, могли даже прочитать аннотацию».

Илл. 10. Сгоревшее
здание Генеральной
прокуратуры.

По замыслу авторов выставки, площадь должна была стать местом «собирания», а не «разбрасывания». В то же время сам тип «собирания» должен был стать принципиально иным. В этом отношении место проведения выставки (значимая часть городского ландшафта) и выбор материала для нее (фотографии) стали пересечением двух важных факторов создания новой «коллективности», которая и была основным содержанием «послания с площади».

* * *

И городская среда, и фотография обладают определенным эффектом «медийности». Этот эффект не просто обеспечивает возможность коммуникации – он задает некоторое простран-

ство, в котором становится возможно заполнение разрыва между индивидуальной и коллективной памятью, поскольку фотообраз (как и образ города) не принадлежит ни «порядку индивидуальной ментальной жизни, ни режиму существования внешних объектов, доступных зрению»¹⁶. Эти образы существуют как раз где-то «между»: между тем, на что мы смотрим, и тем, что мы видим.

НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

К моменту завершения парламентских выборов образы насилия прочно вошли в ткань городского пространства Бишкека и Оша. Насилие выражалось не только в виде остовов сгоревших зданий, но и в развешенных на центральных площадях огромных фотографиях погибших и пострадавших, как в апреле – на севере страны, так и в июне – на юге. Фотографии стали одним из важных способов социальной мобилизации и ярким примером очень простого и непосредственного варианта «аффективного менеджмента» со стороны разного рода политических предпринимателей¹⁷.

Илл. 11. Заборы на площади. Фото
Н. Андриановой.

16 Сосна Н. *Фотография и образ: визуальное, непрозрачное, призрачное*. М., 2011. С. 24. О соотношении индивидуальной и коллективной памяти см. также: Петровская Е. *Город и память* // Неприкосновенный запас. 2002. № 5(25).

17 В Оше в течение всего лета и осени фотографии погибших с киргизской стороны, напечатанные на растяжках большого формата, постоянно сопровождали различные публичные события: митинги с требованиями помощи пострадавшим и родственникам погибших, а также митинги в поддержку мэра города Мелиса Мырзакматова, выступавшего тогда, с точки зрения многих ошан, гарантом безопасности и мира на юге страны. Развешенные в сквере напротив здания городской администрации Оша фото стали предметом одной из работ на другой важной выставке, которая происходила в Бишкеке в сентябре 2010-го – «Кыргызстан 2010». Эта выставка была организована известным в Центральной Азии куратором Гамалом Боконбаевым и посвящалась событиям весны–лета 2010-го. Она проходила в одной из галерей города и сыграла важ-

Для интерпретации выставки как определенного события важно понять, как был сконструирован этот ответ «разрушающей тенденции» не только содержательно, но и эстетически. Безусловной находкой авторов стала стилизация коллажей в духе советской кинохроники. Этот ход позволил им вести успешную борьбу «на чужом поле», как бы противопоставляя две «хроники», но используя радикально иную «политику образа».

Олег Аронсон, который разрабатывает на материале кинематографа понятие «коммуникативного образа», сопоставляет два типа образов, формирующих наше восприятие. Первый тип – традиционный образ-представление – это всегда «образ чего-то», образ-изображение или репрезентация объекта. Второй тип образа, сформированный и описанный уже в эпоху современности, является образом, который «воздействует, не изображая»¹⁸. Аронсон называет этот тип образа коммуникативным, «так как в нем доминирует не индивидуальное переживание, а многочисленные аффективные связи, образующие пространство коллективного опыта». Иначе говоря, коммуникативные образы находятся «по ту сторону изображения (репрезентации) и языка»¹⁹. Коммуникативные образы возникают в эпоху, когда искусство соединяется с технологией, это образы неустойчивые, подвижные, текучие. Если образы первого типа приковывают наше внимание, то образы второго типа заставляют наше восприятие скользить по ним, не захватывая и не диктуя заранее заданных смыслов.

«Непарадная история» оказалась не просто визуализацией альтернативных – позитивных – образов в ответ на образы насилия и разрушения. Альтернативным был и способ воздействия на аудиторию. Если фотографии-изображения изуродованных тел и сожженных домов были рассчитаны на совершенно определенную эмоциональную реакцию боли и гнева, с запрограммированным итогом разделения, исключения и поиска врага, то фотоколлажи «Непарадной истории» вступали во взаимодействие со зрителем на уровне совершенно иных аффективных реакций.

И сама техника коллажа, подразумевающая монтаж, и размещение «кадров хроники» вдоль длинной вереницы заборов, заставляющих зрителя двигаться вдоль «киноленты» и воспринимать образы в движении, создавали эффект кинемато-

ную роль в осмыслении травматических событий года. Сопоставление двух выставок («Кыргызстан 2010» и «Непарадная история») заслуживает отдельного разговора. Осенью текущего года Боконбаевым была организована выставка плаката «Кыргызстан 2011», работы с которой были уже размещены не только в выставочном, но и в публичном пространстве (на рекламных щитах), что имело довольно неожиданный общественный резонанс, вплоть до срывания с билборда и сожжения одного из плакатов в Оше.

18 Аронсон О. *Коммуникативный образ. (Кино. Литература. Философия)*. М., 2007. С. 7.

19 Там же. С. 12.

графичности, который превращал зрительные образы в образы коммуникативные. Коммуникативный образ, вовлекая каждого в пространство *коллективного* опыта, делает невозможным деление аудитории на «мы» и «они». Он адресован одновременно всем и никому, он позволяет включиться в некое общее переживание или просто пройти мимо, не обращая внимания на выставочный экспонат, как мы не обращаем внимания на реальный забор, торопясь или задумчиво глядя себе под ноги.

НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

* * *

Несколько ностальгическая и явно ироническая стилизация коллажей под советскую хронику, повествующую о трудовых достижениях народа, создавала у зрителя очень точное настроение: всем этим можно гордиться и при этом не чувствовать себя лояльным к власти идиотом или подлецом. «Непарадная история» включила в себя феномен «советского», поместив его в сегодняшний контекст. Сергей Ушакин справедливо отмечает, что обращение к «советскому» сегодня не является простым симптомом ностальгии или желанием «вернуть прошлое». По его мнению, огромное количество образов советского времени, циркулирующих, например, в российской массовой культуре и масс-медиа, свидетельствует о том, что они несут определенную структурную нагрузку, помогая справляться как с опытом прошлого, так и с пониманием текущей ситуации²⁰. Сам характер функционирования этих образов говорит о том, что они вовлечены в работу по преодолению травмы, которая имеет сложную природу. Это и травма утраты прошлого социального порядка, и одновременная невозможность расстаться с ним, это и попытка найти идентичность в рамках «общества утраты»²¹. Но самое главное, образы советского прошлого становятся особым «языком»: они заполняют пустоту, которая возникла из-за отсутствия символических средств, с помощью которых можно было бы понимать, выражать и анализировать окружающую социально-политическую реальность и свое место внутри нее.

Несмотря на то, что Киргизия 2010 года представляла собой образцовое тяжело травмированное «общество утраты», визуализация советского прошлого в «Непарадной истории» имела несколько иной характер, чем те российские репрезентации, о которых идет речь в работах Ушакина.

20 Ушакин С. *Бывшее в употреблении. Постсоветское состояние как форма афазии* // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 760–793.

21 Он же. *«Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах* // Травма: пункты / Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М., 2009. С. 11.

В советском коммуникативном образе присутствует та универсальность, которая в известном смысле была в центре анализа Зла, проделанного Аленом Бадью. Если – вслед за Ханной Арендт – определять политику как сцену «бытия-вместе», то немедленно возникает вопрос: «Кто входит в отвечающую этому “вместе” совокупность?». Бадью пишет следующее:

«Нацистская категория “еврей” служила для того, чтобы дать имя внутренне немецкому месту бытия-вместе посредством возведения (безосновательного, но принудительного) внешнего ему, которое можно было бы травить внутри, – точно так же несомненность того, что ты находишься “среди французов”, предполагает, что прямо тут же преследуются те, кто попадает в категорию незаконных иммигрантов»²².

Собственно, по сходному принципу строилась и политика репрезентации в Киргизии 2010 года: опираясь на образы-представления, всегда подразумевая, что ты находишься среди киргизов (потому что рядом существуют узбеки), среди северян (потому что есть южане), среди революционеров (потому что существуют сторонники бакиевского режима), и так далее. Для Бадью образ первого типа как универсального обращения становится основой Зла, поскольку не просто отделяет одну общность от другой, но и делает ее тотальной, доминирующей, претендующей на «истинность» за счет указания на *Другого* и за счет его исключения.

Образ коммуникативного типа, предложенный «Непарадной историей», ни на чем не настаивал, ничего не «именовал», никуда не звал. Коммуникативный образ формировал общность, не деля и не исключая. Современное искусство, использующее прежде всего образы коммуникативные, оказалось, возможно, единственным адекватным способом обращения к некоему коллективному *мы*, включающему в себя «хороший» народ и погромщиков, радикалов и консерваторов, националистов и интернационалистов.

То, что автором обращения в данном случае выступала официальная власть, имело огромное значение. Власть молчала о состоянии дел в стране (или отделялась формальными отговорками) в течение многих месяцев, избегая предъявления внятной позиции. «Непарадная история» стала предъявлением позиции – позиции, безусловно, невнятной, – но эта нечеткость сообщения отчасти являлась намеренной. Только «слабые связи» в ситуации выраженного раскола являются безопасными, только они позволяют избежать риска обратиться с адресным заявлением к кому-то в отдельности и сыграть

22 Бадью А. *Этика: очерк о сознании Зла*. СПб., 2006. С. 94–95.

на руку активно действующему Злу. «Сильная связь» привлекает индивида к определенному сообществу – этническому или политическому – не только ощущением идентичности, но и целым набором обязательств. «Слабые связи» ни к чему не обязывают, но их много, и пусть это едва уловимые аффекты, но они пронизывают практически все аспекты человеческого «Я», и в какой-то момент «сильные» различия оказываются неважными на фоне почти универсального чувства общности.

Конечно, атрибуты «советскости» присутствовали в выставке наряду с другими характеристиками современной и «исторической» Киргизии. Важно, однако, то, что выставка использовала знак, или точнее, не вполне определенную, чувственную окраску «советского» как проводник вполне определенных эмоций, связанных с тем типом повседневности, которая для многих все еще наполнена чувствами солидарности, товарищества и гордости за свой будничный труд. Это намерение авторов держать фокус на значимой повседневности хорошо выразила дизайнер Наталия Андрианова, один из авторов выставки:

«У нас вот случилась такая ситуация, когда все хорошее, доброе, светлое почему-то присвоено сволочами. Я имею в виду идеалы, например, какие-то добрые мифы... Вот они почему-то присвоены и эксплуатируются исключительно сволочью. Хотелось же просто, без патетики сказать, что существуют нормальные люди, которые могут делать нормальные вещи. Эту мысль, конечно, прежде всего проводил и удерживал Джапаров. [...] Вот эта мысль им была сказана, но для меня это понимание выстраивалось так, что на сегодня все достижения начиная от культуры, до перекрытия Нарына у нас становятся ресурсом – идеологическим ресурсом сволочи. [...] Вот этот проект с заборами – это был для меня такой ход сказать людям: “Посмотрите, это все наше, общее! И бейте в морду каждого, кто скажет, что это принадлежит кому-то конкретно”. И поэтому советское так и сыграло. Советское, взятое в исключительно позитивном залоге: единение во время войны, приезд Интергельпо²³... Это ж уникально – 2000 чехов приехали в Киргизию людям помогать! Этот пример – вообще одиозно прекрасный пример интернационализма: вот люди все бросили и рванули в Среднюю Азию. И, между прочим, им удалось! До сих пор ведь все пользуются больницей, которую они построили, банком, клубом, парк остался чудесный, Рабочий городок. [...] А теперь приходится жить в ситуации, когда будущего нет вообще... Светлого, по крайней мере, точно... И вот то, что Улан в противовес этому

НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

23 «Эпопея чехословацкого промыслового кооператива “Интергельпо” (в переводе с международного языка эсперанто “идо” – “взаимопомощь”) началась с того, что 24 апреля 1925 года на станцию Пишпек прибыл эшелон с первой группой чехословацких кооператоров – 14 вагонов с оборудованием и 13 – с людьми. Это был государственный проект по предоставлению интернациональной помощи по внедрению новых производственных технологий в Киргизии» (цит. по: *В Кыргызстане пройдет конференция, посвященная 85-летию кооператива «Интергельпо»* // Общественный рейтинг. 2010. 8 декабря (www.pr.kg/news/kg/2010/12/08/18342/)). – Примеч. ред.

НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

проводил, – это то, что были обычные люди, которые делали свое дело и делали его хорошо: растили детей, сажали сад, обустраивали землю, ну, и так далее – что, вот, они, эти люди, делали историю. [...] Я не знаю, как это облечь в слова, но, в общем: делают историю не те, кто ее потом присваивает... Для меня это “украденное светлое будущее”. [...] Мне эта фраза очень нравится... И тут советское негативное – нарушение прав человека, монополия на правду – это все, понятно, было вне темы. Мне кажется, для Улана это было важно: что власть со своими делами, она довольно автономна, а обыкновенная жизнь – она течет сама по себе и сама себя как-то обустраивает».

Будничность и «непарадность» составили ключевые характеристики того визуального ряда, который использовался авторами выставки. И это обращение к советскому не связано ни с ностальгией, ни с противопоставлением «доброе» прошлого «жестокому» настоящему. Большинство сюжетов вообще не связано с советским прошлым, а отражает сегодняшнюю жизнь страны. Но «советским» оказывается *образный ряд*, уничтожающий границы между людьми. Использование стиля стало в данном случае изобразительным инструментом, работающим на решение поставленной задачи. А задача создателей выставки состояла именно в том, чтобы свести политичность воздействия образов к минимуму.

Современное искусство оказалось, возможно, единственным адекватным способом обращения к некоему коллективному *мы*, включающему в себя «хороший» народ и погромщиков, радикалов и консерваторов, националистов и интернационалистов.

Интересно, что авторы-дизайнеры выставки, которые в большинстве своем были моложе 30 лет, советскую стилистику воспринимали несколько иначе. Медер Ахметов, работавший над коллажами и предложивший несколько важнейших решений по их «естественному» вписыванию в бетонную фактуру забора, признался авторам статьи, что он, в принципе, «не заметил, что в выставке было что-то советское». Для него вызов участия в работе состоял в поиске точного технического и эстетического решения. Тем не менее, «советское качество» образов, их коммуникативность были выдержаны в его работах безупречно, задав в определенном смысле направление работы для всех остальных. Улан Джапаров, принадлежащий к более старшему поколению, отметил еще одну специфику отношения к «советскому» стилю:

«Вначале отношение [молодых коллег] было как бы нигилистическое, такое с ехидцей, с приколами какими-то... Но когда ты начинаешь погружаться в материал, то через эстетическую форму начинаешь другие штуки какие-то вытаскивать... И вот, если просто долбить кому-то, что, мол, до вас тут люди работали, старались, это ведь только отторжение вызывает. Но, когда они видят все это через форму эстетическую – необычный персонаж, интересное лицо, смешная фигура, – вот через это, через какие-то такие вещи связь устанавливается... новая, другая... И это было маленькое путешествие для каждого, кто работал. Несколько тем – это значит несколько раз он совершал это путешествие... Вот девочка, которая стиральную машину “Киргизия” делала, она маму свою снимала, потом только тень ее [...] на коллаже осталась – никто ведь из молодежи уже не застал эту машину, но все равно что-то такое в памяти осталось... И во время работы вот эта связь времен [...] действительно произошла».

НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

Возможно, именно возраст основного состава авторов позволил достичь нового качества в работе с советской стилистикой, поскольку дистанция по отношению к материалу создавалась сразу же за счет молодости дизайнеров, для которых «чистая» эстетика и динамика образа оказались в каком-то смысле важнее, чем его содержание. Впрочем, вряд ли стоит сводить источники свободы в отношении советской стилистики исключительно к отсутствию собственно советского опыта. Для того же Джапарова опыт *постсоветской* жизни оказывается достаточным для формирования критической дистанции:

«Для меня советский язык – он как пароль, он начало разговора... потому что, вот когда попадаешь в Таджикистане куда-то или в Узбекистан, на самом деле формат уже изменился, все изменилось уже, да и язык... но для начала какие-то общие ссылки, анекдоты важны... а потом разговор совершенно другой становится... Фишка в том, что от работы с изданием, с какими-то проектами современного искусства – от этого появляется некий другой взгляд, [...] появляется желание играть с мыслями, со смыслами... некая дистанция, да... ирония! Во всем этом проекте есть такая доброжелательная ирония... Не сатира, не охаивание чего-то, не вознесение чего-то, а некая такая легкая ирония, самоирония даже... О времени, там, о себе... И вот это как раз помогло этот проект сделать таким решительным по формату, но таким тонким по содержательной части. За счет этого у него есть какая-то глубина [...] тут цитата была не в содержательном [смысле], а скорее в стилистическом».

«Непарадная история» наглядно показала, как осваивается советское наследие сегодня. Во многом это освоение связано с отделением «формы» от «содержания». Создание такой дистанции позволяет по-другому выразить и свое отношение к

НИНА БАГДАСАРОВА,
МАРИНА ГЛУШКОВА

НА ЗАБОРЕ ИСТОРИИ:
АТЛАНТЫ И КАРИАТИДЫ
НЕПАРАДНОЙ КИРГИЗИИ

прошлому – не отрицая, но и не принимая его тотально, понимая, что оно было разным и что эти различия могут быть очень тонко дифференцированы.

Обращение к «советскому» как к средству создания «коммуникативного образа» выявляет новые аспекты взаимодействия автора и зрителя в публичном пространстве. Это взаимодействие порождает коллективность, которая отмечена солидарностью зрителей, существующей поверх политического выбора и идентичности. И такое *со-бытие* для людей в общем городском пространстве действительно имеет значение, даже если оно проявляется лишь в том, что несколько человек, идущих по площади, одновременно замедляют шаг, рассматривая фотографии, развешенные на заборах. Потому что именно в этот момент «слабые» связи между ними оказываются важнее «сильных» и общность становится существеннее разделения.

Стерилизуя публичное пространство? Бакинская набережная как променад истории

ЦЫПЫЛМА
ДАРИЕВА

...Раньше у города была душа, сейчас только лоск и красота непонятная, а где-то даже пугающая. И еще достаточно выехать из зоны там, где не проезжает президент, лоск и красота кончаются, полнейший хаос и разруха. И ее закрывают заборами, которые, наверное, обходятся государству не в один миллион и не в два.

ВЯЧЕСЛАВ САПУНОВ¹

Осенью 2008 года в Азербайджане активно обсуждалось интервью известного сценариста и режиссера Рустама Ибрагимбекова российской газете «Правда». В интервью Ибрагимбеков – бакинец, который последние тридцать лет прожил в Москве, – сокрушался по поводу утраты Баку самобытной городской идентичности. Город, по его мнению, необратимо изменился после того, как в начале 1990-х его покинула половина жителей, на место которых прибыли сельские мигранты, «не подготовленные к городской жизни»².

Во время полевых исследований в Баку в 2008–2009 годах я часто сталкивалась с похожими высказываниями об утраченной харизме столичного города и размывании такого понятия, как «бакинцы». В повседневных разговорах, интервью и публикациях местной прессы послекусие бывшего «порядка» перемешивалось с ностальгическими воспоминаниями о прежнем советском Баку, отличавшемся особым рода урбанизмом. Этот тип социального устройства объединял представления о космополитичной (русскоязычной) культуре, наличии «цивилизованного порядка» в публичном пространстве и ощущение безопасности.

Дискурс городских страхов, связанных с быстрым исчезновением в 1990-е годы особого «бакинского» городского стиля жизни, который озвучил Ибрагимбеков, совпал с масштабной урбанизацией постсоветского Азербайджана. Прежний бакинский социальный порядок рассыпался по мере того, как в город

Цыпылма Дариева (р. 1967) – антрополог, профессор факультета гуманитарных и социальных исследований Цукубского университета (Япония), ассоциированный член исследовательского центра «Репрезентации социальных порядков» Университета имени Гумбольдта (Берлин).

1 Сапунув В. *Баку, которого нет* (www.youtube.com/watch?v=9mCjffc3SYk&feature=related).

2 SAYFUTDINOVA L. *Baku and Azerbaijan. An Uneasy Relationship* // *Stadt/Bauwelt*. 2009. Vol. 183. S. 38–41.

хлынули тысячи беженцев из Нагорного Карабаха. С 2000 года советские ограничения на свободный приток деревенских мигрантов были частично упразднены, и в город стали перебираться молодые семьи из деревень, сегодня составляющие значительную долю столичного населения и, таким образом, придающие ему особый колорит.

Опираясь на полевые исследования, проведенные мной в октябре и ноябре 2009 года, я хочу обратить внимание на динамичные процессы социальной диверсификации публичного пространства, характерные для постсоциалистического урбанизма³. Исследователи неоднократно подчеркивали, что физическое пространство «пронизывается социальными отношениями»⁴ и потому изучение трансформации городского пространства, исследование процессов формирования пространственной идентичности и культурной логики городской среды требует не только анализа физической структуры (архитектуры, городского планирования и так далее), но и пристального внимания к процессам социального производства пространства. В этой статье я попытаюсь проследить историческую трансформацию и формы социального конструирования лишь одного места в Баку – Приморской набережной. Это место является важным архитектурным комплексом столицы. За годы существования оно обросло мифами и воспоминаниями. Сегодня набережная стала отражением бурных процессов развития и преобразования социальных ценностей в постсоветском Азербайджане.

Нарратив утраты привычного городского устройства Баку во многом проявляется в виде жалоб русскоговорящей интеллигенции на сокращение публичного пространства: привычные места перестали быть «своими», стали восприниматься как недоступные из-за появления «новых горожан» с их стилем поведения и повседневными привычками. Символическая и реальная доступность публичного пространства оказалась ключевой темой городского дискурса в постсоциалистическом Баку. В свою очередь Приморская набережная города стала своеобразным олицетворением этой тенденции. Именно эти изменения городской среды с точки зрения доступности пространства для различных групп городского населения и будут меня интересовать.

3 Хочу поблагодарить Севиль Гусейнову и Сергея Румянцева за помощь в сборе полевого материала и обсуждении черновика первоначальной версии этой статьи, вышедшей на английском языке. Я также признательна Сергею Ушакину за критические замечания, которые помогли мне улучшить данный вариант работы. Существенная часть текста основывается на моей статье: DARIEVA T. *A Remarkable Gift in a Postcolonial City. Past and Present of the Baku Promenade* // DARIEVA T., KASCHUBA W., KREBS M. (Eds.). *Urban Spaces after Socialism. Ethnographies of Public Places in Eurasian Cities*. Frankfurt: Campus, 2011. P. 153–178.

4 LEFEBVRE H. *The Production of Space*. Oxford: Blackwell, 1991. P. 286; Low S.M. *Towards an Anthropological Theory of Space and Place* // *Semiotica*. 2009. Vol. 175. P. 21–37.

ИСТОРИЯ БАКИНСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

Илл. 1. Приморская набережная на карте Баку.

Городская набережная Баку, с ее зелеными публичными пространствами, повседневно называемая просто «Бульваром», является одним из главных знаковых мест города.

Путеводители, романы, городские журналы и телевизионные программы обычно относят Бульвар к разряду «визитных карточек» столицы. Благодаря близости к известным достопримечательностям – дворцу Ширваншахов со знаменитой Девичьей башней и старым кварталам внутреннего города-крепости – она занимает важное положение в городском ландшафте. Этот растянувшийся на три с половиной километра и воздвигнутый на искусственном основании приморский променад был сконструирован колониальными властями в конце XIX века. Названная местными русскоязычными интеллектуалами «удивительным даром» советского прошлого⁵, бакинская набережная

⁵ Фуад Ахундов, бакинский краевед, в своих передачах неоднократно называет бакинскую набережную «удивительным даром» (см.: AKHUNDOV F., EFENDIEVA N. *Baku's Secret Stories. A Walk along Baku's Waterfront*. Баку: Общественное объединение «Internews», 2006). Такое положительное отношение к истории

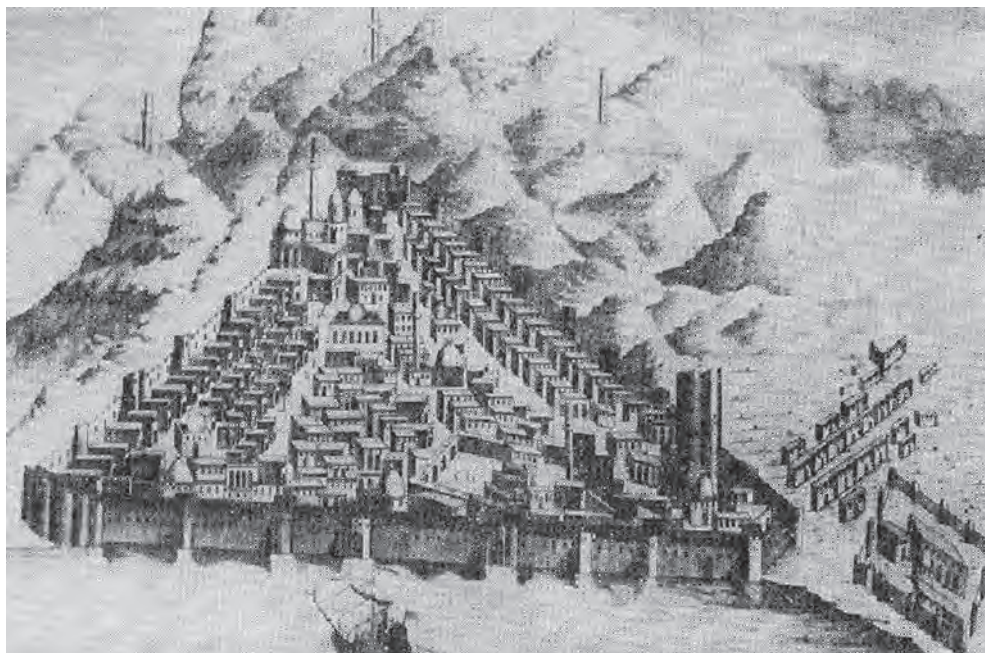
ЦЫПЫЛМА ДАРИЕВА

СТЕРИЛИЗУЯ ПУБЛИЧНОЕ
ПРОСТРАНСТВО?..

Илл. 2. Бакинская
крепость, 1769[72?] *год.* Рисунок Самуила
Гмелина, воспроизво-
дится по: Бретаницкий
Л. Баку. Л.: Искусство,
1970. С. 79.

традиционно рассматривалась как пространство для «культурного отдыха» и прогулок в социалистическом городе.

До второй половины XIX века Баку – «уездный город Шемахинской губернии» – был малонаселенным провинциальным городом на окраине Российской империи. Его архитектура и социальный порядок отражали традиционную концепцию городской структуры, характерную для мусульманских сообществ: линия городского ландшафта у прибрежной части Каспийского моря определялась природным амфитеатром залива и центральным архитектурным комплексом – дворцом-крепостью Ширваншахов, окруженным мечетями, городскими банями и традиционными жилыми кварталами махалля, не имевшими открытого доступа к водному пространству. Городская часть Баку была четко отделена от береговой линии толстыми крепостными стенами Ичери Шехера.

После перехода Баку под административную власть Российской империи в начале XIX века, бурного экономического подъема и городского строительства в период первого нефтяного бума в середине и конце XIX века Баку существенно изменился. С середины XIX века в официальных документах Баку

променада в среде русскоязычных жителей Азербайджана совпадает с общей тенденцией рассматривать советское прошлое как «дар», переданный в наследство. В этом отношении термин «дар» перекликается с проблематикой, рассматриваемой Брюсом Грантом в связи с неясностью и противоречивой спецификой определения советского прошлого в Закавказье как колониального (GRANT B. *The Captive and the Gift. Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. P. 60).

уже числился как губернский город и промышленный центр Российской империи⁶. Колониальное прошлое оставило глубокий след в планировке городского центра и его магистралей: городские застройки «восточного» типа были отчасти разрушены, на их месте были возведены широкие, прямые улицы европейского типа. В 1860-е годы был разработан генеральный план развития города, которым и руководствовались плановые комиссии раннего советского периода. Для того чтобы не отставать от запросов нефтяного бума, подстегиваемого индустриализацией, и требований урбанизации древнего города, в середине XIX столетия мощные стены средневековой крепости Ичери Шехер были снесены ради расчистки места для портовых сооружений и транспортных путей. Историк архитектуры Шамиль Фатуллаев отмечает:

«Ломалось привычное представление населения о замкнутости города внутри крепостных стен, разрушались старые традиции домостроения, глухие монотонные улицы и переулки крепости уступали место просторным улицам форштадта»⁷.

Бакинская набережная – как место публичного доступа к морю – стала складываться в начале XX века. Первоначальный ее проект принадлежал гражданскому инженеру Казимиру Скуревичу; впрочем, в постсоветском Баку, в контексте политики национализации топонимики, вспоминают только, что «за благоустройство бульвара в 1909 году энергично взялся руководитель строительного отдела управы, инженер и талантливый организатор Мамед-Гасан Гаджинский»⁸. В истории набережной можно выделить несколько периодов. В досоциалистическую эпоху (1870–1909) это пространство служило экономическим нуждам порта, примыкавшего к Губернаторскому (или Михайловскому) саду. При социализме (1920–1991) набережная сделалась местом массового «культурного отдыха» и организованного досуга. В первое десятилетие нового века она пережила период национального переустройства и постсоветской джентрификации, стимулируемой государством.

Во второй половине XIX столетия узкая прибрежная полоса использовалась в основном в экономических целях: здесь располагались склады и причалы. К тому времени небольшой парк в три с половиной гектара к западу от крепости, называвшийся Губернаторским садом и находившийся поблизости от русских административных зданий, был единственным зеленым участком посреди промышленного города. Для того чтобы подвести сюда транспортные коммуникации, набережную расширили:

6 ФАТУЛЛАЕВ Ш. *Градостроительство Баку. 19 – начало 20-го веков*. Л.: Стройиздат, 1978.

7 Там же. С. 16.

8 Там же. С. 164.

ЦЫПЫЛМА ДАРИЕВА
СТЕРИЛИЗУЯ ПУБЛИЧНОЕ
ПРОСТРАНСТВО?..

«Набережная заменила бесполезные стены Старого города, отсекавшие его от побережья. Бессмысленность этих оборонительных сооружений усугублялась тем, что они мешали свободной циркуляции воздуха на городских улицах. В 1865 году стены средневековой крепости разрушили, а камень продали за 44 тысячи рублей»⁹.

Илл. 3. Вид на бакинскую набережную, конец XIX века. Источник: Фотофонд Музея истории Азербайджана. Папка «Сахиль». № 4314.

В ходе искусственного расширения прибрежного пространства дворцовый комплекс Ширваншахов и старые жилые кварталы Ичери Шехера «отодвинулись» вглубь города, а образовавшаяся на побережье территория использовалась колониальной администрацией и частными предпринимателями для возведения разного типа построек. В 1880–1909 годах в этой части города в основном занимались паромным транспортом, погрузкой нефти и рыболовным промыслом; неблагополучную восточную часть побережья населяли представители многонационального рабочего класса.

Парк, открытый в 1909 году на насыпном грунте, был оформлен по проекту инженера Мамед-Гасана Гаджинского и архитектора Адольфа Эйхлера как место для прогулок. Когда освожденное пространство замостили и обустроили, городское побережье постепенно стало превращаться в эстетический объект. Был снесен очередной кусок крепостной стены Старого города, а гавань начали очищать от складов, доков и прочих хозяйственных построек; теперь город смотрел на Каспий с широкого и открытого бульвара. Новое пространство обслуживало новые потребности оформившейся местной и европейской буржуазии. Это приобщило городской ландшафт Баку к европейским стандартам с присущей им доминантой эстетической ценности морского пейзажа.

Принято считать, что дух европейской урбанистической открытости в идеальном виде не имеет ничего общего с тради-

9 Там же. С. 29.

цией пространственной организации города мусульманского Востока¹⁰. Причем во многих бывших колониальных городах упомянутая открытость подчеркивается возведением широких и прямых улиц, зданий в европейском стиле, огражденных от локальных жилых кварталов и обращенных, где это возможно, к морю. Что касается рукотворного пространства и его социального контекста (особенно в жилых районах), характерных для мусульманской традиции, то оно опирается на центральное положение внутреннего двора, пространственную сегрегацию мужчин и женщин, а также на замкнутость кварталов. Пространственная организация городской жизни в старом Баку была четко отделена от воды, а морской ландшафт ассоциировался с природной опасностью и холодным пронизывающим ветром. Открытые площади (кроме рыночных и при соборных мечетях), набережные, бульвары не входили в планы архитекторов исламских городов. Вопреки этому зона бакинской набережной планировалась таким образом, чтобы создать модернизированное пространство для транспорта и отдыха, устремленное к морю. Однако вплоть до 1920 года бакинская набережная, называвшаяся в царскую эпоху Николаевской, местом массовых гуляний и отдыха не была, являясь зоной ограниченного доступа и отдыха для определенного круга людей. Местом общественного досуга она становится только в советское время, когда экономический потенциал прибрежной зоны оказался полностью исчерпан и на первый план вышли идеологические возможности этого места.

ЦЫПЫЛМА ДАРИЕВА
СТЕРИЛИЗУЯ ПУБЛИЧНОЕ
ПРОСТРАНСТВО?..

БАКИНСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ КАК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

В плане использования публичного пространства преобразование города из «колониального» в «социалистический» предполагало как новации, так и преемственность. В советский период особенность развития бакинской набережной заключалась в стремлении сделать ее более открытой, доступной и репрезентативной. Набережная на всем своем протяжении была открыта для массового доступа. Зона обустроенного публичного пространства заканчивалась в районе морского вокзала, воздвигнутого в 1970 году. Советская реконструкция «удивительного дара» была ориентирована на стандартные «европейские» образцы городского пространства. Она

10 ABU-LUGHOD J. L. *The Islamic City – Historic Myth, Islamic Essence, and Contemporary Relevance* // International Journal of Middle East Studies. 1987. Vol. 19. № 2. P. 155–176; GILSENAN M. *Recognizing Islam. Religion and Society in the Modern Middle East*. London: Tauris Publishers, 2000. P. 201; EICKELMAN D. *The Middle East and Central Asia. An Anthropological Approach*. Upper Saddle River: Prentice Hall, 2002.

по-прежнему резко отличалась от соседнего жилого квартала махалля с его кривыми и узкими улицами, населенными в основном азербайджанцами, и долгое время рассматривавшегося как «отсталый» район города.

Утверждение социализма в закавказских городах предполагало развитие новой гражданской культуры, конструирующейся по принципу социалистического эгалитаризма, интернационализма и европейской «культурности». Не стоит забывать, что в Закавказье социализм в основном ассоциировался с европейской модернизацией и техническим прогрессом, противопоставлявшимися «отсталости» и «беспросветности» азиатской жизни. Власти промышленного Баку, объявленного «форпостом социализма на Востоке», превращали побережье в зримое место перемен, в пространство контролируемого отдыха и развлечений многонационального пролетариата, рассматривая променады в качестве важного символа социального обновления.

Планировка и в особенности физическая структура города должны были играть видную роль в социальном преображении, обеспечивая освобождение от привычных гендерных стереотипов, выступая одновременно очагом адресованной новому поколению пропаганды и местом организованного «культурного отдыха». Природный амфитеатр бакинской бухты предоставил прекрасную сцену для расставляемых социалистическим государством декораций, изображавших общество, преодолевшее классовое неравенство. Территория набережной стала витриной нового политического режима в Закавказье, когда в 1939 году со стороны Нагорного парка была воздвигнута гигантская фигура Сергея Кирова. Открытое пространство регулярно использовалось для демонстраций политической власти – именно здесь отмечались советские праздники, в особенности День международной солидарности трудящихся и День Победы. В 1950–1960-х годах бакинскую набережную стали обрамлять монументальные формы сталинских дворцов, таких, как помпезные здания бывшего Музея Ленина и Дома правительства, являвшиеся отчетливыми выражениями ценностей сталинской эпохи.

Расширение и переустройство бакинской набережной в эпоху социализма было призвано демонстрировать государственную мощь, социалистические достижения, торжество новых технологий. И до войны, и после нее «дух социализма», витавший над променадом, напоминал о военных победах СССР. В 1930–1960-е годы главным аттракционом, располагавшимся на набережной, являлась башня для прыжков с парашютом. Почти стометровое сооружение, стоявшее в самой середине променада, было символом возрождения Азербайджана, вошедшего в социалистическую семью народов. В 1960-е после нескольких несчастных случаев башня утратила свое первона-

чальное назначение, превратившись в эстетический объект, который экскурсоводы зачастую называли «нашей Эйфелевой башней». Сегодня ее использование ограничивается огромным циферблатом, показывающим местное время, температуру воздуха и скорость каспийского ветра.

ЦЫПЫЛМА ДАРИЕВА
СТЕРИЛИЗУЯ ПУБЛИЧНОЕ
ПРОСТРАНСТВО?..

Илл. 4. Памятник Сергею Кирову в Нагорном парке. Источник: Renz A. *Kaukasus. Georgien, Aserbaidschan, Armenien*. München: Prestel, 1985. S. 53.

Примечательно, что в 1960-х годах променады стали своеобразной лабораторией, в которой испытывались новые урбанистические подходы к городскому отдыху. Доступность набережной подчеркивалась открытием на прилегающей территории различных «демократических» мест, предназначенных для семейного досуга: кукольного театра, летнего кинотеатра, шахматного клуба, многочисленных летних чайхан.

Новую страницу в строительстве Баку знаменовал отказ от сталинского «триумфального» элитарного стиля, инициированный Хрущевым. Вместо камня и мрамора, советские архитекторы начали использовать такие строительные материалы, как бетон и металл. Летний кинотеатр и кафе «Жемчужина»,

построенные в 1960-х русскими архитекторами Вадимом Шульгиным и Николаем Никоновым, отличались легкостью, доступностью, явной ориентированностью на «потребителя». Прозрачные стены, огромные окна и близость к природе позволяли этим объектам, как и их посетителям, с легкостью вписываться в окружающий ландшафт. Полюбившееся бакинцам кафе «Жемчужина» – элегантное конструктивистское здание, – а также кафе-ресторан «Сахиль» – с открытой террасой – были популярны не только благодаря своей легкой и открытой архитектуре, интегрированной в приморский пейзаж, но и из-за проходивших здесь концертов джазовой музыки. Примечательно, что во многих интервью мои собеседники подчеркивали значение «надлежащего поведения» как главного регулятора общественной жизни на бакинской набережной. Одна из моих собеседниц так описывала контраст между советским прошлым и постсоветским настоящим:

«Допустим, 9 мая обязательно на Бульваре был салют, и вся набережная была забита людьми, все ждали салюта. А когда он проходил, каждый залп криками и аплодисментами встречали. Но все это как-то было без хамства. Никто не старался как-то особенно громко орать, перебивать друг друга. Как-то мешать другим смотреть. Все – семьями. У отцов маленькие дети на плечах сидят, чтобы лучше видеть. Остальные рядом стоят. Все спокойно радуются. Потом уходишь с Бульвара уже под вечер, темно, и вся улица и впереди тебя и позади, все тянутся с Бульвара. Усталые, но довольные. А сейчас я бывал на наших салютах... Сам салют делают хорошо, но публика какая собирается! Одни пацаны, лет по 16 или 18, и все наглые, все орут, все шумят, галдеж стоит просто жуткий. Ведут себя по-хамски»¹¹.

«Советская» поведенческая модель регламентировала многочисленные повседневные практики. Важно, впрочем, что, помимо своей парадной и дидактической функций, приморский бульвар вписывался также в городскую рутину, представляя место встречи самым разным категориям жителей. Тенистые деревья и удобные скамейки предлагали миниатюрные пространства для приватного общения:

«Для меня Бульвар – это всегда особое место. Мы еще из школы сбегали, я училась в 134-ой школе на Баксовете, – и сразу на Бульвар. Особенно, когда уже весна, тепло, купишь мороженого и на скамейке посидишь. И потом, раньше всегда была традиция у тех, кто учился в школах в центре города. Обязательно выпускной вечер отмечали на Бульваре. Справляли, конечно, в школе, с танцами и все прочее. Но к утру шли встречать на Бульвар рассвет. Это была обязательная традиция!»¹²

11 Беседа с 63-летним бакинцем, 28 ноября 2009 года, Баку, набережная.

12 Беседа с 55-летней бакинкой, 27 ноября 2009 года, Баку, набережная.

БАКИНСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ – МЕЖДУ «ПЕРИФЕРИЕЙ» И «ЦЕНТРОМ»

ЦЫПЫЛМА ДАРИЕВА
СТЕРИЛИЗУЯ ПУБЛИЧНОЕ
ПРОСТРАНСТВО?..

В начале 1990-х годов из-за поднятия уровня Каспийского моря береговая часть набережной была повреждена, а часть зеленых насаждений и деревьев (чинар и олив) существенно пострадала от отсутствия регулярного орошения. Во время холодных зим начала 1990-х беженцы и обедневшие слои населения внесли свой вклад в дальнейшее сокращение зеленого пояса: деревья использовались как топливо. Одновременно с этим набережная стала превращаться в место неформальной индивидуальной торговли предметами повседневного спроса, продуктами питания и напитками. Многими «коренными» горожанами променад стал восприниматься как символ городского упадка и хаоса, ассоциирующегося с последствием наплыва сельских мигрантов и некорректностью поведения новых поселенцев. «Удивительный дар» приобрел новое значение в социальной географии города и превратился в «нежелательное пространство» (*undesired place*) с сомнительной репутацией. Этот переход от «визитной карточки» к своеобразному «гетто» одна моя информантка выразила так:

«Я познакомилась с одним парнем на дне рождения. С виду – так, симпатичный, довольно приятный в общении. Мы обменялись телефонами, и он мне на следующий день позвонил. И как ты думаешь, куда он меня пригласил на первое свидание? [Возмущенно смеется.] На Бульвар, представляешь! Там же ведь одни чушки гуляют. На этом наше знакомство закончилось. Для меня это было точкой. Я с ним больше не общалась»¹³.

К концу 1990-х ситуация начинает меняться: в 1998 году приморский променад был включен в приоритетный список объектов реконструкции, подписанный «отцом» азербайджанской нации, президентом Гейдаром Алиевым. В государственном плане развития прибрежной зоны территория стала называться «национальным парком». В последнее десятилетие, с 2001-го по 2011 год, бакинская набережная пережила масштабное переустройство, главной особенностью которого стала постколониальная национализация пространства и поддерживаемая государством неолиберальная джентрификация. Меняющаяся структура и смещение символов советского прошлого наиболее ярко выразились в смене декораций, обрамляющих бакинскую бухту. В 1994 году был демонтирован памят-

13 Интервью с бакинкой, 10 октября 2009 года. Подобные наблюдения городских трансформаций были отмечены и в других городах постсоциалистической Евразии (ср.: Космарская Н. *Городские исследования* // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 74–85).

ник Сергею Кирову, возвышавшийся над Каспийским заливом. А в 1995-м практически на том же месте было построено здание турецкой суннитской мечети с высокими и стройными минаретами в легко узнаваемом стиле стамбульской архитектуры. Несмотря на относительно скромные размеры, Шехид-месчит – единственная мечеть, хорошо просматривающаяся с разных точек городского ландшафта. Однако религиозным местом бакинская набережная не стала.

Илл. 5. Изображение суннитской мечети *Shahidler Jamesi* и вида на бухту в офисе управляющего мечети. Фото автора, октябрь 2009 года.

Проект национального парка, грандиозный по своим масштабам, сравним с возведением и застройкой новой набережной на реке Ишим в Астане или с переустройством океанской набережной в Бостоне¹⁴. Капитальная реконструкция бульвара заключается в том, что его сегодняшняя протяженность (3,5 км) должна увеличиться в семь раз (до 25 км) – от промышленного района Баилова до пригородного поселка Зых¹⁵. Амбициозный план реновации предполагает не только удлинение набережной, но и полный снос грузового порта, судоремонтного завода и промышленной зоны. Бульвар, находящийся на балансе у государства, сегодня напрямую управляется кабинетом министров, а не городским муниципалитетом. Как сообщала местная газета, «на бакинской набережной уже возводятся современные отели и деловые центры. Самой оптимистичной новостью стало то, что с реконструируемой тер-

¹⁴ BUCHLI V. *The Materiality. Astana* // ALEXANDER C., BUCHLI V., HUMPREY C. (Eds.). *The Urban Life in Post-Soviet Asia*. London: Routledge, 2006. P. 24–41; SIEBER T. *Public Access on the Urban Waterfront: A Question of Vision* // ROTENBERG R., McDONOGH G. (Eds.). *The Cultural Meaning of Urban Space*. Westport: Bergin and Garvey, 1993. P. 173–194.

¹⁵ Замысел комплексной реконструкции и удлинения бакинской набережной до отдаленного от центра микрорайона Ахмедлы был отражен уже в генеральном плане Баку 1984 года, который был рассчитан на 1984–2005 годы (Гасанова А. *Сады и парки Азербайджана*. Баку: Ишик, 1996. С. 176).

ритории уберут все промышленные объекты. Это, безусловно, улучшит экологическую ситуацию и состояние окружающей среды в бакинской бухте»¹⁶.

Подобная деятельность хорошо вписывается в глобальный тренд реорганизации и реанимации городского побережья, который затрагивает сегодня многие портовые города Америки и Европы, переживающие постиндустриальное возрождение. Происходящие там масштабные сдвиги обусловлены переходом от промышленной городской экономики к экономике услуг. В экономических системах такого типа производство и обслуживающая его портовая деятельность переживают упадок, в то время как сервисный и технологический сектор расширяются. Местные споры по поводу попыток сделать набережную более привлекательной для туристов и международных инвесторов оборачиваются активным стремлением «центрировать» это пространство, еще больше усиливающее социальные и культурные размежевания между его пользователями.

Первым шагом по превращению набережной в представительскую часть государственного инновационного плана стала очистка территории от «одичавших» зеленых насаждений и высадка закупленных за рубежом деревьев и декоративных растений. Летом 2009 года западная часть променада была украшена пятью десятками пальм и другими растениями, импортированными из Южной Африки, Голландии, Саудовской Аравии и с Канарских островов. Весной 2011 года в центральной части бульвара были разбиты гигантские клумбы в стиле японского сада камней, с экзотическими кактусами и дорожками подсвечивающими устройствами. Все эти насаждения выполняют в первую очередь декоративную функцию, поскольку в условиях жаркого бакинского лета пальмы и кактусы почти не дают тени. Выступая элементом новой «глобальной» эстетики городского пространства, деревья также символизируют роль политической власти в реконструкции променада. По мнению многих бакинцев, пальмы появились на бульваре из-за того, что нынешний мэр Баку предпочитает их более традиционным местным породам, таким, например, как сикоморы (чинары) и оливковые деревья.

Приморский парк целенаправленно переустраивается в качестве центра новой, «цивилизованной», формы международного бизнеса. Этот новаторский акцент в репрезентации бакинской набережной подчеркивался в «проекте очищения», который выдвинул в 2001 году мэр столицы Хаджибала Абуталыбов. Начатая им кампания по сносу в центральной части города ларьков и ветхих построек беженцев и мигрантов проводилась под лозунгом

ЦЫПЫЛМА ДАРИЕВА

СТЕРИЛИЗУЯ ПУБЛИЧНОЕ
ПРОСТРАНСТВО?..

16 ДЖЕВАНШИР Л. *Новый стиль Бакинского бульвара* // Бакинский рабочий. 2009. 14 августа. С. 4.

возвращения Баку облика, отличавшего город в 1970–1980-х годах. Подписанные властями документы призывали избавить территорию от незаконных построек и прочих объектов, появившихся на набережной в разное время и не вписывающихся в ее новый имидж. Еще одним шагом в проекте очищения стало оснащение набережной современными общественными туалетами, а также десятками урн для мусора, за чистоту которых теперь отвечает многочисленный персонал. Признаки радикальной трансформации советской набережной заметны не только в необычном дизайне появляющихся или переустраиваемых объектов, но и в новизне самой материальной субстанции, на которой возводится постколониальная стабильность. Ее визуальным проявлением стало использование дорогостоящих материалов: тяжелого гранита, булыжника или керамической плитки, вместо дешевого «советского» асфальта. В высказываниях моих собеседников, которые не всегда отзывались о советском прошлом с чувством ностальгии, показательна «чуждость» этого «пугающего» лоска для обычных посетителей парка. В приведенном ниже отрывке из беседы с 35-летней бакинкой хорошо видна эта позиция:

«Меня давно в Баку не было. Бульвара я не узнала. Вы видели яхт-клуб? Посмотрите, какие крутые яхты. Такие я только в Стамбуле видела. Но в Стамбуле – там бульвар для отдыха, люди приходят, причем как женщины, так и мужчины, рыбу ловят, ходят без обуви, а у нас что! Девушки как на парад одеты, накрашены. И расслабиться не дадут с этой охраной. К моему сыну только что подошел охранник, говорит на бордюре нельзя сидеть. Я хотела было поругаться, где это написано, потом решила лучше не связываться. На велосипедах кататься нельзя, на бордюре сидеть нельзя, а что вообще можно на бульваре?!»¹⁷

Именно здесь людям предстоит на себе ощутить, что такое новый Азербайджан и новый Баку. Рукотворная среда бульвара и сама его атмосфера должны «центрировать» городской ландшафт и отражать рождение сильного национального государства. Символическим актом утверждения нового порядка в публичном пространстве явилось возведение в 2010 году гигантского флагштока с национальным флагом Азербайджана на площади Национального флага, в районе Баилово.

При всей идеологизированности «воинствующего» духа социалистического «культурного отдыха» многие посетители парка отмечали характерный для него уют и неспешность проведения досуга. Один из информантов, 55-летний бакинец, охотно вспоминал нехитрый дизайн индивидуального отдыха в советском Баку:

17 Из беседы с 35-летней женщиной на набережной, 27 ноября 2009 года.

«Здесь раньше очень много всяких пенсионеров собиралось и в домино обязательно играли. Или в шашки. Сейчас тоже, наверное, собираются. Но раньше как-то, мне кажется, что все это было спокойнее, размереннее. Сейчас ритм жизни другой. Даже по Бульвару все бегает, а не ходят»¹⁸.

Процесс совершенствования публичного пространства подчеркивается еще в акцентировании «национальной традиции» и возведении парадных дворцов, подобных Международному центру мугама¹⁹ или Бакинскому бизнес-центру. Применение современных материалов и технологий позволяет проектировщикам вписывать свои детища в глобализированные архитектурные тренды, не отказываясь от экзотического имиджа нового Азербайджана.

ЦЫПЫЛМА ДАРИЕВА
СТЕРИЛИЗУЯ ПУБЛИЧНОЕ
ПРОСТРАНСТВО?..

Модернистский по форме и национальный по содержанию Центр мугама задуман как церемониальная площадка, культурный символ суверенитета постколониального Азербайджана. Сам этот объект символически намечает новую геополитическую ориентацию Азербайджана. Бакинский бизнес-центр как новое обрамление «удивительного дара» представляет

Илл. 6. Бакинский бизнес-центр. Источник: www.skyscrapercity.com.

18 Из беседы с 38-летним мужчиной, 7 декабря 2009 года.

19 Мугам – музыкальный жанр азербайджанского традиционного устного творчества, известный в Передней Азии, на Ближнем Востоке и в Закавказье. В 2008 году ЮНЕСКО включило мугам в список шедевров нематериальной культуры наследия человечества.

собой прозрачную конструкцию из бетона и стекла. Примечательно использование метафоры «Дубай на Каспии» в одном из туристических путеводителей.

Государственный план развития прибрежной зоны, как и запросы рынка недвижимости, предполагают появление на территории набережной частного жилья. Концепция элитной застройки набережной опирается прежде всего на дистанцированность нового жилого пространства от остальной части города – именно эти мотивы доминируют в рекламных проспектах. Триумфальные названия жилых небоскребов – «Порт Баку тауэр», «Crescent Tower» или «Флэймс Тауэр» – явно намекают на то, что жить на бакинской набережной и престижно, и удобно благодаря близости к центру города и уникальному виду на море. Несмотря на ухудшающуюся экологическую обстановку, с точки зрения новых элит жить в центральной части города считается престижно.

КРЕСТЬЯНЕ В ГОРОДЕ

В октябре 2009 года контраст между западной и восточной частями набережной был разителен. Западная часть выглядела обновленной, огороженной, демонстративно стерильной. Здесь разместились дорогие фитнес-клубы, современный яхт-клуб, гранитный фонтан и пальмы. Прогуливаясь по этому участку набережной в октябре 2009 года, я на протяжении всего полутора километров насчитала тридцать пять женщин-уборщиц, одетых в специальную униформу Приморского парка и вооруженных современными щетками, четыре мусороуборочных машины, около десятка мужчин и женщин, совершающих оздоровительную пробежку (в основном иностранцев) и, что наиболее поразительно, большое количество сотрудников охранных предприятий.

Усиленные меры безопасности на бакинской набережной напоминали о себе повсюду, особенно в западной ее части. Некоторые гости сетовали на то, что их гнетет неусыпное наблюдение. Как отмечал один из них в октябре 2009 года: «Гуляю как будто бы не в парке, а по территории военного объекта». Еще один информант – 48-летний мужчина-бакинец, регулярно посещающий бульвар, – так описывал свои впечатления от новой набережной:

«Слишком много контроля, похоже на царское время: тогда, как я читал, были открыты только одни парковые ворота Губернаторского садика, а на входе обязательно стоял городской. Если кто-то ему не нравился, такого человека в парк не допускали. Вот и сейчас такое иногда чувство, что как-то очень уж присматривают

за тобой. В советское время почему-то все гуляли, ни за кем особо никто не присматривал, но все вели себя так, как полагается. Городская культура была. А сейчас, наверное, так и нужно, как в царские времена, со злыми городскими, чтобы хоть какой-то порядок был»²⁰.

ЦЫПЫЛМА ДАРИЕВА
СТЕРИЛИЗУЯ ПУБЛИЧНОЕ
ПРОСТРАНСТВО?..

Гулять на всем протяжении набережной с собаками строго запрещено; то же самое касается и катания на велосипедах. Более того, здесь запрещено лузгать семечки (любимое развлечение на всем Кавказе). Любая съемка без специального разрешения на набережной не допускается.

В отличие от западной части, восточный сегмент бульвара характеризовался большей доступностью и публичностью. За кафе «Жемчужина», обозначавшим символическую границу между «роскошным западом» и «убогим востоком», располагались аттракционы, игровые площадки и чайханы. Ароматы попкорна и ванильного мороженого сочетались с призывными криками уличных фотографов, приглашавших прогуливающих сфотографироваться на берегу. Главной достопримечательностью восточной части был длинный широкий пирс, уходящий в море на четыреста метров. Именно это сооружение наиболее активно использовалось для всевозможных целей. По утрам на нем обычно царствовали рыбаки. А в обычный октябрьский день 2009 года, по моим наблюдениям, не менее ста двадцати

*Илл. 7. Приезжие на пирсе
набережной. Фото автора,
октябрь 2009 года.*

20 Интервью с 38-летним мужчиной на бакинской набережной, 28 ноября 2009 года.

человек, собравшись на пирсе, стояли, сидели, ходили, занимались гимнастикой, дремали, целовались и фотографировались.

Восточная часть променада отличалась и еще в одном отношении: здесь почти не было зелени. В дальнем конце пирса стояло закрытое и обветшалое кафе «Садко», ставшее обиталищем одного бездомного. За оставленным зданием частенько занимались гимнастикой старики. Иными словами, эта часть набережной использовалась по-разному: здесь не только гуляли и любовались видами, но и жили, а также занимались неформальной экономической деятельностью. Например, осенью женщины-уборщицы собирали оливки, падающие с деревьев, для последующей продажи на улице.

Именно этот отрезок бульвара облюбовали люди, «не подготовленные к городской жизни», – сельские мигранты, прозванные исконными бакинцами «чушками»²¹. По наблюдениям старых бакинцев, «чушки» всегда одеты в черное и не стрижены, «у них шерсть до плеч». В подобных выражениях мои собеседники сообщали мне, что эти юноши – «другие», что они недостаточно цивилизованны для городских прогулок по Бульвару. Их дресс-код обычно предполагал белые пиджаки и черные брюки, подделки под «Puma», «Nike» или «Adidas», темные очки, «как у итальянских мафиози», золотые шейные цепи и черные остроносые туфли из искусственной кожи. Обувь подобного стиля резко отличала их от бакинцев, обычно предпочитающих светлые и легкие теннисные туфли или кроссовки. Одной из особенностей «некорректного» поведения мигрантов было постоянное использование ими мобильных телефонов для прослушивания турецкой поп-музыки. Зачастую эти устройства носили на цепочке, надетой на руку владельца. Жалобы на утрату былой доступности и безопасности публичного пространства часто связаны с идеализацией советского Баку, исчезнувшего под лоском дорогого гранита и остроносых туфель бывших сельчан. Непринужденность семейного отдыха сливается с идиллическими воспоминаниями о молодости и детстве.

«Раньше все же было отношение к отдыху другое. Выйти всей семьей гулять по Бульвару. Мороженого взять, если лето. Или, там, в “Сахиль” зайти зимой, взять табака, посидеть. Был какой-то настрой. Сейчас его уже нет. Люди совсем не те. Нет удовольствия гулять здесь и смотреть на всех этих деревенских, которые здесь табунами ходят. Я поэтому стараюсь всегда пораньше утром приходить. Когда никого не бывает на Бульваре»²².

21 Этот термин по своему звучанию очень близок к русскому слову «чурка», уничижительному определению мигрантов из Средней Азии и с Кавказа в российских городах. Симптоматично и то, что бакинский термин «чушка», несущий в себе в высшей степени уничижительный смысл, широко применяется «бакинцами» по отношению к прибывающим в город селянам. К концу 1990-х годов Бульвар был прозван бакинцами «Чушкарстаном» (см.: *Альманах. Баку и окрестности* / Сост. Н. Кочарли. Баку: Издательство Али и Нино, 2009).

22 Интервью с 48-летним бакинцем, Баку, 28 октября 2009 года.

С точки зрения «бакинцев», новой элиты и городских властей, эта приезжая молодежь принесла с собой особые разновидности «загрязнения» городской среды и изменения облика публичного пространства: эстетическое, причиняемое самим их внешним видом; материальное, состоящее в разбросанной повсюду шелухе от семечек; акустическое, возникающее от громкого прослушивания поп-музыки. «Это не отдых, а мучение одно», – говорила моя собеседница, сетуя на привычку «чушек» задира́ть на бульваре молодых девушек.

Социальное восприятие «новых горожан» – отражение процесса бурного роста Баку. На сегодняшний день население столицы составляет три миллиона человек. Баку является самым густонаселенным и динамично развивающимся городским пространством постсоциалистического Закавказья. Такая динамика во многом связана с так называемой «второй эпохой нефтяного бума»²³, которая началась в 1994 году, после того, как президент Азербайджана Гейдар Алиев подписал «контракт века» с ведущими мировыми нефтяными компаниями по развитию нефтедобычи на Каспии.

По неофициальным подсчетам, с 1995 года в Баку из сельской местности переехали около двух миллионов человек²⁴. Не удивительно, что за короткое время сложились жесткие разграничительные линии, обособляющие старых горожан «бакинцев» от недавно прибывших мигрантов. Они находят отражение в углубляющейся дифференциации между «настоящими бакинцами» как цивилизованными «европейцами», которые способны вести себя в общественных местах «по-городскому», и бывшими селянами, ассоциирующимися с «азиатской» отсталостью и чуть ли не пасущими скот в городских парках²⁵. Нетерпимое отношение к «негородским» элементам и возложение на мигрантов ответственности за ограничение доступа в публичное пространство для русскоязычной интеллигенции отчасти связано с мифологизацией представления о «бакинской нации», которое появилось в 1970-е годы и приобрело популярность после распада советской системы. Было принято считать, что «бакинцы» отличаются от сельских жителей городскими привычками, многонациональными корнями, космополитизмом и свободным владением русским языком. Но прошлое не всегда было так гармонично, как полагают многие из информантов. «Космополитичность» населения Баку регу-

ЦЫПЫЛМА ДАРИЕВА

СТЕРИЛИЗУЯ ПУБЛИЧНОЕ
ПРОСТРАНСТВО?..

23 Первая эпоха нефтяной горячки в Азербайджане пришлась на середину XIX века и начало XX. В советское время освоение новых нефтяных месторождений было приостановлено в 1960-х годах в связи с открытием новых крупных залежей в Западной Сибири.

24 SAYGUTDINOVA L. *Op. cit.*; Юнусов А. *Миграционные процессы в Азербайджане*. Баку: Адильоглу, 2009.

25 Румянцев С. *Нефть и овцы: из истории трансформации города из столицы в столицу* // P.S. Ландшафты: опти́ки городских исследований / Под ред. Н. Милериуса. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2008. С. 228–266.

лировалась таким ограничителем миграции из сельских районов, как прописка, отдававшего приоритет высококвалифицированным рабочим из городских центров России и Украины перед селянами из азербайджанской глубинки. Как отмечает Брюс Грант, «в то время, как элиты принадлежали к “русскому сектору”, маркируемому тем языком, на котором они получали образование, подавляющее большинство сельского населения республики училось по-азербайджански»²⁶.

Бакинский «удивительный дар» столкнулся с вызовом со стороны маргинальной периферии и тактики стихийного использования места. Променады переживает процесс неолиберальной джентрификации, в рамках которого публичное пространство предстает как монолитный объект, «очищение» и «огораживание» которого благоприятствует прежде всего высшему и среднему классу, бизнесу и западным туристам. Именно «стерилизация» публичного пространства ведет к утрате бакинской набережной ее образа открытого публичного места, доступного каждому.

«Старые бакинцы» до сих пор живут советскими образами набережной, постоянно воспроизводя романтические ассоциации и отрицая тем самым внутреннюю связь Баку с деревенским окружением и социальное многообразие городской жизни. Пересечение в одной точке различных типов социальной реальности неизбежно сказывается не только на дизайне и социальных конфигурациях объекта, но и на формировании новой символической географии постсоветского города.

Приморский променады в Баку может быть описан как символический променады истории азербайджанской городской культуры. Реорганизация набережной как витрины национальной столицы идет, как и в начале XX века, под контролем элитных групп, власти и бизнеса. При этом преобладание государственной власти оборачивается сменой ее масок – с колониальной на социалистическую, с социалистической на неолиберальную. Эти радикальные изменения физической структуры пронизаны различными социальными отношениями. Бульвар приобретает значимость в процессах взаимодействия различных социальных групп, в нарративах памяти и жизненных практиках, выстраиваемых простыми обитателями города. Бакинская набережная – не просто эстетический объект городской архитектуры, но также и место, в котором отражаются прошлое и будущее урбанистической культуры городов Кавказа, переживающей сегодня очередную трансформацию.

Авторизованный перевод Андрея Захарова

Смена эпох как смена столиц: Астана как глобальный центр

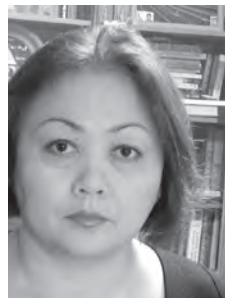
НЕЛЛИ БЕКУС,
КУЛЬШАТ
МЕДЕУОВА

Распад советского государства и крах социалистической системы привели к возникновению принципиально новых условий для развития постсоветских стран и городов. Столицы бывших союзных республик вдруг стали столицами независимых государств, в которых атрибуты советской идеологии стали вытесняться другими идеологическими проектами. Бывшие социалистические города оказались площадками для развития структурно новых политических, социальных и экономических отношений¹. Поскольку социалистические города обладали своей пространственной и социальной структурой, они не могли внезапно, «за одну ночь», превратиться из городов с плановой экономикой в города, встроенные в капиталистическую систему.

Исчезновение СССР из геополитической жизни бывших советских республик определило переход к мышлению в категориях национального развития. Это в свою очередь означало необходимость национализации городского пространства и визуального образа столицы. В некотором смысле все советские республики, в одночасье став новыми независимыми государствами, столкнулись с одной и той же необходимостью создания «базового набора» атрибутов собственной государственной независимости, в котором «столица» является одним из наиболее важных и наиболее символически нагруженных. Потребность в столице как в пространстве национальной репрезентации подразумевала сознательную работу по формированию текстуры городского пространства, способного совмещать старое и новое, функциональное и эстетическое. Эти традиционные задачи городского планирования в данном случае были подчинены главному: новое столичное пространство должно было стать материальным и символическим отражением национального развития нового независимого государства.

Нелли Эдуардовна Бекус (р. 1970) – философ, социолог, сотрудник Варшавского университета (Польша).

Кульшат Агибаевна Медеуова (р. 1966) – профессор кафедры философии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Астана).

СТОЛИЧНЫЙ ПЕРЕНОС

На первый взгляд, подход Казахстана к решению проблемы адаптации столичного пространства к новому национальному

¹ Анализ подобной трансформации см., например: HARLOE M. *Cities in Transition* // ANDRUSZ G., HARLOE M., SZELENYI I. (Eds.). *Cities after Socialism. Urban and Regional Change and Conflict in Post-Socialist Societies*. Cambridge: Blackwell Publisher, 1996. P. 4–5.

проекту является наиболее радикальным: перенос столицы из Алматы (Алма-Ата до 1993 года) в Астану в декабре 1997 года² и создание образа столицы «с чистого листа» с самого начала представлялся как констатация символического разрыва с предшествующей эпохой. Ни одна из бывших союзных республик не использовала этого приема для артикулирования нового пути развития страны, но все исторические прецеденты дают основания утверждать, что за политическим решением о переносе столицы следуют изменения в общественном сознании³. Событийность переноса столицы состоит в знаковом разрыве с периодом, завязанным на старом центре, и в провозглашении начала нового этапа в жизни государства, который требует создания иного порядка в геополитическом и символическом ландшафте страны. Эти две составляющие – завершение предыдущей и начало следующей эпохи в жизни страны – и являются основными смысловыми элементами, которые закладываются в формат новой столицы.

Показательно, что сама по себе идея строительства новой столицы не была принципиально новой для Казахстана. Свой столичный статус Алма-Ата приобрела похожим образом: 28 марта 1927 года на VI Всеказахстанском съезде Советов было принято официальное решение о переносе столицы из Кызыл-Орды в Алма-Ату. Фактическая передислокация произошла только двумя годами позже, и, хотя современная история умалчивает об этом странном временном лаге, однако известно, что в течение этих двух лет предпринимались попытки создать базовую площадку для столицы на новом месте (в долине реки Или), не привязывая ее к форпостам, крепостям, оставшимся от колониального присутствия Российской империи⁴.

Алма-Ата являлась типично советским, может быть, даже слишком советским, городом-столицей, построенным по классической линейной схеме. Столичный ландшафт был оформлен в соответствии с общими идеями советской архитектурной традиции и был почти не чувствителен к нюансам национального стиля. Многие официальные сооружения Алма-Аты проектировали известные московские архитекторы⁵. Но, несмотря на всю советскую унификацию городской среды, Алма-Ата стала городом со своим особым стилем. Интересно, что, описывая

2 Свое нынешнее название Астана получила в 1998 году. До 1961 года город носил имя Акмолинск, с 1961-го по 1992-й – Целиноград, а с 1992-го по 1998-й – Акмола.

3 Ср. с переносами столицы из Москвы в Санкт-Петербург, потом из Петрограда снова в Москву в истории России; из Кракова в Варшаву в истории Польши, из Стамбула в Анкару в Турции, из Рио-де-Жанейро в Бразилиа в Бразилии, из Карачи в Исламабад в Пакистане, из Лагоса в Адиджу в Нигерии.

4 Была расчищена и подготовлена градостроительная площадка, успели построить несколько зданий для правительственных учреждений, но, поскольку возникли большие технологические и инженерные трудности, эту стройку забросили. В 1930–1940-е годы постройки использовались НКВД.

5 Например, комплекс зданий Академии наук КазССР проектировал Алексей Щусев.

его, авторы прежде всего говорят о том, что город – зеленый, упоминая его многочисленные сады, парки и бульвары.

В пользу переноса столицы из Алма-Аты в Астану приводились самые разнообразные аргументы – от экономических, экологических и функциональных до эстетических и геополитических. Например, говорилось о том, что Алма-Ата исчерпала резервы своего развития. В 1990-х население Алма-Аты приблизилось к отметке в полтора миллиона человек (миллионный рубеж был пройден еще в 1981 году), хотя по плотности застройки и густоте расселения город еще не достиг своих естественных пределов⁶. И все же горы, расположенные по южному периметру столицы, стали восприниматься фактором, ограничивающим возможность дальнейшего роста.

Если официальные причины переноса связывают с географическими доводами и сопряженными с ними соображениями безопасности (Алма-Ата находится не в центре республики, а на юге, в сейсмогенной зоне, где могут происходить разрушительные землетрясения), то неофициальный дискурс часто использует аргумент геополитического, вернее, этнополитического характера. Новая столица Астана должна была помочь преодолеть существовавший в советском Казахстане региональный «раскол» республики на русскоязычный индустриальный север и казахский аграрный юг⁷.

По своим исходным позициям Алма-Ата первой трети XX века, разумеется, отличается от Астаны 1990-х. В пользу Акмолы, население которой согласно переписи 1989 года составляло почти 281 тысячу человек, выступало ее удачное расположение в центре страны, на пересечении крупных транспортных магистралей. Уже налаженная система снабжения теплом, водой и энергией, а также наличие коммуникационных сетей облегчали процесс переноса столицы. В отличие от Алма-Аты, в Акмоле отсутствовали сколько-нибудь серьезные ограничения для роста: город находится на севере казахского мелкосопочника, в месте, где две степные речки Ишим и Нура протекают по соседству.

НЕЛЛИ БЕКУС,
КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА

СМЕНА ЭПОХ КАК СМЕНА
СТОЛИЦ: АСТАНА КАК
ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

СТОЛИЦА КАК СТРАТЕГИЯ НОВОГО САМООПИСАННЯ

Процесс превращения республиканских столиц в центры суверенных государств, происходивший на территории бывшего

6 Садовская Е.Ю. *Перенос столицы из Алма-Аты в Астану и его влияние на миграционные процессы в Казахстане // Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: основные тенденции и перспективы.* Алматы, 2001. С. 42–48.

7 PEYROUSE S. *The «Imperial Minority»: An Interpretative Framework of the Russians in Kazakhstan in the 1990s // Nationalities Papers.* 2008. Vol. 36. № 1.

Советского Союза, во многом шел по одному и тому же сценарию. От других бывших республик Казахстан отличался не столько самими задачами, сколько их масштабом. Основная задача, которую необходимо было решить в Астане, – это формирование центра принятия политических решений, создание инфраструктуры, необходимой для претворения этих решений в жизнь. Все это было связано с мобилизацией и организацией политических и культурных элит, их включением в процесс институционализации национального государства и наполнением его реальными событиями. Это в свою очередь должно было привести в действие различные механизмы культурной натурализации нации, основанные на репрезентативных стратегиях нового самоописания.

Процесс превращения республиканских столиц в центры суверенных государств, происходивший на территории бывшего Советского Союза, во многом шел по одному и тому же сценарию.

В Астане максимальная национализация городского пространства и проведение отчетливой границы между советским прошлым и независимым будущим во многом совпадает с постсоветской трансформацией Ашхабада. Различие между этими двумя проектами можно обнаружить в стратегиях самоописания. Ашхабадские хроники постсоветского строительства безупречны так же, как безупречны очертания нового Ашхабада⁸. Своеобразная стерильность застройки обеспечивается тем, что здесь нет случайных проектов, и это касается не только официальной (представительной) архитектуры, но и жилых домов, которые выглядят как дома одной серии: здания из белого мрамора с навешенными в национальном стиле размещены в центре кварталов и сопровождаются фонтанно-парковым обрамлением, завораживающим своей восточной расточительностью. И хотя в Туркмении столица осталась на прежнем месте, здесь имела место внутригородская миграция зон застройки. В структуре Ашхабада достаточно четко прослеживается различие между советским городом, советскими памятниками и новым городом, новыми памятниками периода независимости⁹.

Артикуляции отказа от советского прошлого стала одной из главных символических задач и в Астане. Стратегии национа-

⁸ Мойзер Ф. *Строить свое «Я»: в поисках идентичности* // Проект Россия. 2002. № 4(30). С. 26–41.

⁹ Определенное сходство с тем, что происходит в Астане, есть в Кутаиси, в Грузии. Новые проекты, новые инновационные планы, вплоть до переноса парламента из исторического центра Тбилиси в регион, по мнению Михаила Саакашвили, означают кардинальный исторический процесс ломки старого.

лизации городского пространства Акмолы/Астаны, являющегося продуктом советской эпохи, связаны с формированием нового образа столицы, процесса, в котором наследие советского прошлого превращается в качественно иной урбанистический феномен. Новый образ должен был совместить в себе идеи цивилизованности и открытости глобальному миру с принципами национальной самобытности. Астана являет собой пример городского пространства, в котором последовательно осуществляется радикальный уход от исторической предзаданности.

Сама идея возникновения новой столицы в Астане является радикализацией отношения к предыдущим периодам казахской истории, в том числе тем, что были запечатлены в прошлом Целинограда/Акмолы. В 2001 году в конкурсе на эскиз-идею Генерального плана победил проект японского архитектора Кисё Курокавы, предложившего концепцию симбиотического города. Эта концепция отталкивается от архитектурной практики регионализма и японской традиции метаболической архитектуры, что является мягкой формой критики так называемой интернациональной архитектуры¹⁰.

Методологическая инверсия таких архитекторов-метаболистов, как Кендзо Танге и Кисё Курокава, состоит в призыве осознать, что вечных городов не бывает и потому необходимо сосредоточиться на приспособлении к изменениям, а не пытаться сохранить «вечные» образцы градостроительной истории. Решение о разделении между старым и новым городом Астаны по линии реки Ишим легко вписывалось в эту концептуальную рамку. Следуя идее симбиотического города, который никогда не останавливается в своем развитии, Курокава оставляет старый город, расположенный на правом берегу, прошлому, а строительство нового административного центра и нового города планирует на левом берегу. Тем самым задается принципиально новый формат города, не сдерживаемый городским ландшафтом, доставшимся в наследство от прошлых эпох. Прошлое города, а вместе с ним и отрезок советского периода истории, тем самым выносятся за скобки нового центра. Город становится «чистым листом», его пространство оказывается экраном для стратегий национальной репрезентации и полигоном для использования современных методов эстетического и функционального архитектурного развития.

Стремление к историзации, однако, не исчезает – меняется его вектор: новый центр постепенно обрастает новой версией столичной предыстории, связанной со средневековым городищем Бозок, найденным в пяти километрах от Астаны в 1998 году¹¹. Идеологической реконструкции археологического

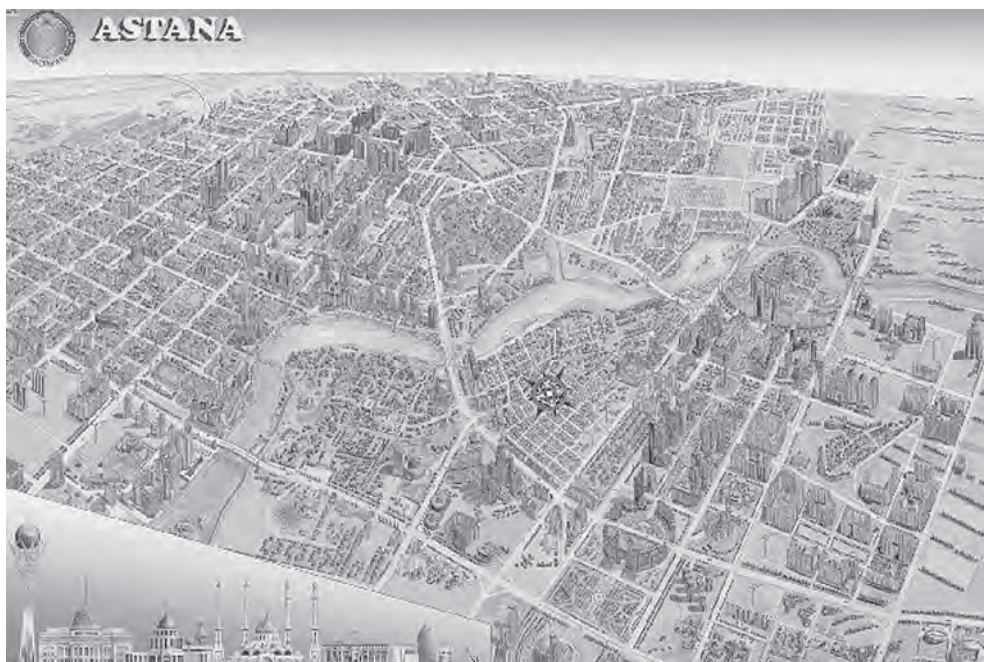
НЕЛЛИ БЕКУС,
КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА

СМЕНА ЭПОХ КАК СМЕНА
СТОЛИЦ: АСТАНА КАК
ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

10 Иконников А.В. *Архитектура XX века. Утопия и реальность: В 2 т.* М., 2001. Т. 1. С. 172–188.

11 Акишев К.А., Хабдулина М.К. *Древности Астаны: городище Бозок.* Астана, 2011. С. 207–242.

Илл. 1. Панорамная карта Астаны, выполнена Рубеном Атояном.

раскопа придается очень важное значение в казахстанских медиа. Например, в своей книге «В сердце Евразии»¹² Нурсултан Назарбаев пишет, что нынешняя столица Казахстана возникла не на пустом месте, а на территории, обжитой человеком еще в глубокой древности.

Если история правого, акмолинского/целиноградского, берега начинается с 1830 года, когда участник Бородинского сражения Федор Шубин заложил казачий форпост в урочище Караоткель, то история на левом берегу реконструируется с эпохи раннего Средневековья (VII–VIII века), а при желании может охватить и более древние периоды, относящиеся к эпохе бронзы: в продолжении улицы Сыганак – неподалеку от таких знаковых сооружений нового административного центра, как «Пирамида» (Дворец мира и согласия) и Дворец независимости, – был обнаружен царский курган конца I тысячелетия до нашей эры¹³.

Суть такого рода увлечения новыми артефактами, новой риторикой исторической древности не столько в том, чтобы вытеснить при помощи архаической истории недавнее советское прошлое столицы, сколько в том, чтобы вписать историю Астаны в более широкий контекст многовековой номадической культуры.

¹² НАЗАРБАЕВ Н. *В сердце Евразии*. Алматы, 2005. С. 192.

¹³ См.: www.enu.kz/nauka/rd/nii_arheologii_akisheva/folder_11.

НЕСТОЛИЧНОЕ ПРОШЛОЕ АСТАНЫ

Урбанистическая предыстория Астаны является хрестоматийным примером становления социалистического города. Это история о том, как крепость – «точка колонизации степи» – вначале обретает свою торгово-купеческую (конец XIX – начало XX века), а позже промышленную основу (в период Великой Отечественной войны в Акмолинск был эвакуирован ряд заводов). Собственно советский облик города сформировался благодаря Никите Хрущеву и эпохе освоения целины, спецпереселенцам и добровольцам. Свой след оставила и эпоха сталинских лагерей, ставшая особой темой в истории становления как советского, так и постсоветского города¹⁵.

Советский облик провинциального городка, существовавшего в реальности, был, конечно, далек от выставочных образцов уровня ВДНХ, но отдельные элементы советской урбанистической картины Целинограда могли служить классическим примером социалистического градостроительства.

Одним из сооружений советского периода, несших большую символическую нагрузку в пространстве города, был Дворец целинников, построенный по проекту латвийских архитекторов Петериса Фогелса, Ольгертса Крауклиса и Дайне Данне-

Илл. 2. Раскоп кургана 1 тысячелетия до нашей эры в непосредственной близости от знаковых сооружений Астаны¹⁴.

¹⁴ Здесь и далее – если не указано иное – фотографии Кульшат Медеуовой.

¹⁵ Хусаинова А. Музей политических репрессий и его деятельность // Культурный текст Астаны. Материалы второй международной научно-практической конференции. Астана, 2009. С. 226–230.

Илл. 3. Главная визуальная доминанта советского Целинограда – элеватор.

берг. Этот дворец иногда называли рижским, что, возможно, связано не только с происхождением проектировщиков, но и с особыми советскими абберациями. Во время визита Никиты Хрущева в 1961 году в городе не нашлось достаточно большого зала для проведения партийных совещаний краевого уровня, поэтому дворец был построен (в сознании простых жителей – перенесен из Риги) в максимально сжатые сроки. В средствах массовой информации можно встретить утверждение, что это был один из самых грандиозных проектов своего времени, поскольку был рассчитан на 2355 мест, а по масштабам и оборудованию считался вторым в СССР после Кремлевского дворца съездов¹⁶. Именно этот объект одним из первых претерпел символическую трансформацию в новой столице, превратившись в Конгресс-холл (1997–1998).

Лексический переход от советского Дворца целинников к постсоветскому Конгресс-холлу не случаен. Для первого периода постсоветской истории характерным было использование «западного» словаря. Дворцом целинников этот процесс не ограничился. Городской ЦУМ – классический объект советской торговли – стал называться «Sine tempore». На карте города возникли «Синема сити» (район торгового центра), пешеходная прогулочная галерея «Миллениум» (открыта в 2000 году, снесена в 2008-м). Тенденция давать новым объектам иностранные

¹⁶ См.: www.neonomad.kz/history/h_mir/index.php?ELEMENT_ID=2514.

имена стала сходить на нет в 2007-м, когда было принято решение дать казахские названия крупным столичным объектам: кинотеатр «Синема сити» стал называться «Сарыарка» («Желтая степь»), ресторан «Европа палас» – «Караоткел» («Черный брод» – место, с которого начиналось строительство Акмолинской крепости), торговый центр «Сити маркет» – «Казына» (буквально – «Материальное изобилие»), бизнес-центр «Астана тауэр» – «Зангар» («Высокий»).

Целиноград был образцовым городом, отражающим принципы советской градостроительной школы. Генеральный план развития Целинограда был разработан в 1961–1962 году ленинградским проектным институтом (архитектор Григорий Гладштейн). В Целинограде была реализована революционная в архитектуре того времени идея по созданию поясных городов, принадлежащая архитектору Николаю Милютину¹⁷. Именно эта революционность создала типичный советский провинциальный городок с четким функциональным зонированием пространства. Подобно другим провинциальным городам СССР (Магнитогорску, Набережному Челны и другим), Целиноград отличался слабо артикулированным центром (в отличие от исторических радиальных городов). Основу города составили несколько предприятий союзного и республиканского значения, самым крупным из которых был Целиноградский завод сельскохозяйственных машин.

17 Милютин Н.А. *Соцгород. Проблемы строительства социалистических городов: основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных пунктов СССР*. М.; Л., 1930.

Илл. 4. Дворец целинников, вид с почтовой открытки, конец 1960-х годов.

Нестоличное пространство Акмолы стало той платформой, на которой и строилась Астана как столица независимого государства. Советскость (понимаемая в данном контексте как преобладание социалистических моделей в организации городского пространства и в архитектуре строений) была наиболее характерной и существенной чертой этого пространства. Избавиться от господства идей, организовывавших пространство социалистического города, оказалось очень сложно. Во многом именно поэтому центр переносимой столицы было решено создавать на новой территории. Основное строительство на левом берегу, впрочем, началось лишь в 2001 году. До этого пространство старого города и старого центра подвергалось разнообразным процедурам переформатирования: изменению фасадов, смене или добавлению декора, переименованиям и так далее.

Один из первых проектов, реализованных в рамках стратегии формирования нового образа столицы, был связан с застройкой правобережья реки, где расположен старый город. В рекреационной зоне был построен микрорайон элитной архитектурной застройки «Самал». Элитность в тот момент понималась как увеличение внутриквартирных площадей, ограждение строений от пешеходной прогулочной зоны и наличие «архитектурных излишеств» в виде башенок и беседок на крышах зданий. Дополнительная идеологическая функция такой плотной застройки нового элитного типа на территории старого города была связана с визуализацией нового порядка в пространстве столицы. Она создавала своеобразную завесу, благодаря которой с набережной, из наиболее представительной части города, перестал быть виден старый Целиноград.

Один из параметров, по которому оценивается наступление постсоветской эпохи, является противопоставление уникальности (как качества, которое связывается с новой эпохой) и унифицированности (ассоциируемой с советским временем). Поскольку вся история превращений Акмолинска/Целинограда/Акмолы была реализацией советских политических проектов, никак не связанных с национальными традициями в строительстве, наступление эпохи независимости выявило всю проблематичность архитектурной гомогенности советского городского ландшафта.

Знаки собственной истории и символы национального становления оказались как нельзя более востребованы в новом независимом государстве. Проблема заключалась в том, что прописать эти знаки на унифицированной и вненациональной текстуре советского города было крайне сложно. Реконструкция одной из центральных улиц Целинограда – проспекта Республики – хорошо демонстрирует этот идеологический и эстетический конфликт между новым рисунком левого бере-

га и старым центром на правом берегу. Проспект Республики полностью застроен пятиэтажными панельными домами («хрущевками») с вкраплениями 9-этажных одноподъездных домов. Трудности преодоления советского прошлого здесь заключались в том, что функционально этот проспект является одной из главных транспортных артерий города и масштабная переделка на этом участке могла обернуться коммуникационным коллапсом для всего города. В то же время было очень важно сменить облик центральной советской улицы старого города.

НЕЛЛИ БЕКУС,
КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА

СМЕНА ЭПОХ КАК СМЕНА
СТОЛИЦ: АСТАНА КАК
ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

Первый вариант реконструкции в самом начале столичной истории Астаны был реализован в стиле «потемкинской деревни»: фасады всех домов «одели» в сайдинг – наиболее доступный в то время материал для облицовки. Во время второй волны реконструкции 2006–2008 годов китайский облицовочный материал был снят с хрущевских домов, и они были «одеты» по-новому: на этот раз в стиле, якобы имеющем отношение к орнаментике казахской культуры. Была использована лепнина из фибробетона (система навесных вентилируемых фасадов) с геометрическими рисунками, содержащими намеки на этнику: арки, объемные профили, разнообразные рельефы, орнаменты, колонны, пояса, карнизы и так далее.

Весь этот набор приемов следует описывать скорее в терминах «дурного вкуса», чем как проявление духа национальной

Илл. 5. Вид на набережную реки Ишим. Район элитной застройки «Самал».

НЕЛЛИ БЕКУС,
КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА

СМЕНА ЭПОХ КАК СМЕНА
СТОЛИЦ: АСТАНА КАК
ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

казахской культуры. К тому же «хрущевки» являются настолько явными и легко распознаваемыми архитектурными объектами, что скрыть исходную форму практически невозможно. Эти дизайнерские приемы и смена внешнего декора позволили нанести косметический слой на советскую фактуру, но она продолжала легко считываться как плохо замаскированные знаки советской эпохи. По сути, этот стиль можно считать проявлением характерной постколониальной травмы.

Илл. 6. Реконструкция
«хрущевок» на проспек-
те Республики.

Другим примером стирания следов советскости является постоянное стремление властей снести частную застройку района Чубары. Район был построен в 1980-е годы для советской номенклатуры и соответствовал представлениям о максимальной комфортабельности жилья; он был важен не только функционально как место компактного проживания номенклатуры, к которой в 1990-е присоединились представители нового слоя «коммерсантов», но и как символическая репрезентация престижа в его советском понимании. Стратегия вытеснения советского в пространстве Астаны не позволяла сохранить этот участок в ландшафте нового города (район расположен на границе старого и нового центров). Возможно, именно такая символизация советской власти стала причиной постоянно возникающей темы о сносе этого района вопреки его хорошему состоянию. Одним из первых масштабных строительных

проектов в этой части города было строительство целой линии таунхаусов (или домов, напоминающих таунхаусы), которые должны были скрыть некогда престижный район проживания советской номенклатуры. Стирание этих символов советской власти оказывается даже более важным, чем освобождение от более простых элементов советского городского быта.

Освобождение от советского имеет и еще одну важную характеристику. Постсоветское нередко воспринимается как постколониальное и потому как подчеркнуто нерусское. Например, в 1990-е старые названия улиц и районов или советские памятники рассматривались не просто как атрибуты города, но как инструменты продвижения чужого идеологического проекта (русского, советского). Эксперты по ономастике отмечают:

«...До обретения Астаной статуса столицы из 619 улиц лишь 180 имели наименования, связанные с историей Казахстана. 439 улиц имели политизированные и идеологизированные наименования, а также ничем не обоснованные с культурно-исторической точки зрения, такие, как Вагонная, Районная, Сенная, Летняя, Марсовая, Самоцветная, Светлая, Новая, ДСУ-450»¹⁸.

Отказ от русского написания местных топонимов, перенос или снос памятников воспринимается местными политическими элитами как эффективный способ национализации городского пространства. Хотя у российских исследователей такое переименование часто вызывает чувство тревоги – в основе решений о смене имени зачастую оказывались не столько идеологические, сколько ситуативные или технические причины. Например, с 1996 года в Астане существовала улица Л.Н. Гумилева, однако в 2008-м она была переименована в улицу А.С. Пушкина. Причина переименования не имела политической подоплеки: памятник поэту был подарен городу в 1999-м¹⁹, однако через несколько лет после установки монумент стал крениться (в результате конструктивных ошибок), и его отправили на реставрацию. В 2006 году, после реставрации, памятник был установлен в районе Гребного канала, была изменена архитектурная привязка монумента к ландшафту, его подняли на постамент, улучшили обзорность. Вслед за этим последовало переименование улицы. Поскольку именем Льва Гумилева назван один из столичных вузов, то нельзя говорить о том, что оно было вычеркнуто из истории Астаны²⁰.

НЕЛЛИ БЕКУС,
КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА

СМЕНА ЭПОХ КАК СМЕНА
СТОЛИЦ: АСТАНА КАК
ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

18 Муканова А. *На карте города – созвездие имен* // Казахстанская правда. 2008. 2 февраля (www.kazpravda.kz/c/1201895727).

19 Памятник является подарком президента швейцарской фирмы «Merkata Trading & Engineering» – Виктора Столповских. Автор – народный художник России, скульптор Андрей Ковальчук.

20 По инициативе президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в 1996 году именем Гумилева был назван Евразийский национальный университет.

В университетском районе сохранили свое советское происхождение практически все топонимы: улицы А. Микояна, А. Янушкевича, Е. Брусиловского, переулки Мирный, Фестивальный, М. Дубинина. Обилие сохранившихся советских названий иногда ставит в тупик горожан нового поколения, для которых эти фамилии и названия не имеют исторического смысла. Людям, воспитанным в эпоху постсоциализма, трудно понять логику присутствия в городском ландшафте Астаны улицы, названной именем итальянских анархистов Николо Сакко и Бартоломео Ванцетти. Переименование ее в улицу Алихана Букейханова, одного из видных деятелей Алашской автономии (1917–1920), в 1990-е выглядит вполне оправданным и обоснованным.

Интересный сюжет связан с наименованием улиц в новом административном центре. Звучные названия Сарайшык, Сыганак, Алматы, Акмешіт, Туркістан, Орынбор, Сауран – это топонимы, связанные если не с бывшими столицами страны казахов, то с ханствами и автономиями, существовавшими на протяжении казахской истории. Благодаря этим названиям новое пространство столицы приобретает ассоциативный топонимический ряд, активно использующий тему исторического пути казахов к независимости.

При этом в Астане так же, как и в целом в Казахстане, сохранилось большое количество названий на русском языке, отсылающих к советскому или досоветскому прошлому (как, например, названия городов Павлодар, Петропавловск). В разных городах Казахстана сохранились улицы Ленина, Советская, Ульянова. Можно сказать, что макростратегия разрыва с советским прошлым, заложенная в идеологическом фундаменте новой Астаны, сочетается со значительной терпимостью по отношению к остаткам советскости и знакам русскости на микроуровне отдельных элементов городского ландшафта. Сходную тенденцию можно проследить и в отношении монументального искусства: хотя памятник Ленину был демонтирован, в старой части Астаны осталось достаточно много образцов советского монументального стиля, например, мозаичные панно «Космос» и «Печать» (1972) на фасаде здания Полиграфкомбината²¹.

ГОРОДСКОЙ ЛАНДШАФТ И АРХЕТИПЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Перенос столицы активизирует определенный пласт социокультурных и политических смыслов, которые прописываются

21 Эти панно включены в список объектов историко-культурного наследия Астаны.

в структуре нового пространства как следствие определенного состояния общества с характерными для него культурными и политическими архетипами. Одним из устойчивых архетипов традиционного города являются ворота. В кочевой культуре сходную символическую функцию выполняет знак временной стоянки – перекрещенные копы. В Астане оба архетипа были соединены в конструкцию «Уш-Найза» («Три копы»). В 2002 году эта композиция была установлена на правом берегу реки, там, где заканчивался целинный город. В связи с тем, что строительство нового города было перенесено на территорию левого берега, «Уш-Найза» «вдруг» оказалась в новом городском центре. В 2007 году эта композиция исчезает из городского ландшафта.

**НЕЛЛИ БЕКУС,
КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА**

СМЕНА ЭПОХ КАК СМЕНА
СТОЛИЦ: АСТАНА КАК
ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

Илл. 7. Композиция Уш-Найза.

Но в том же 2007 году уже на левом берегу (рядом с новым административным центром) появляется дизайнерская версия ворот по мотивам одного из самых древних мифологических сюжетов – «божественной колесницы». Это ворота в парк

НЕЛЛИ БЕКУС,
КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА

СМЕНА ЭПОХ КАК СМЕНА
СТОЛИЦ: АСТАНА КАК
ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

«Арай», который, впрочем, находится в отдалении от основных пешеходных маршрутов, и поэтому в нем практически нет посетителей. Вместо этого, парк стал своеобразной экспериментальной площадкой для скульпторов Астаны. Здесь постоянно реализуются различные проекты, задачей которых является объективация глубинной связи времен в истории казахского народа. Некоторое время утверждалось, что в нем будет собрана коллекция, отражающая традиции военной культуры казахов. Согласно этому замыслу, в парке должны были разместить почти сотню бронзовых фигур, но в реальности их было создано только тринадцать, а через некоторое время они были рассеяны по территории города. Время от времени они появляются в разных местах, требующих символической поддержки. Например, на праздновании Дня города эти переносные бронзовые скульптуры используются в другом парке (центральном), поскольку там проходит большой традиционный фестиваль «Кочевая цивилизация». А в парке «Арай» в 2011 году появились новые композиции, активно цитирующие архаические сюжеты казахской национальной мифологии в условно «современном» прочтении.

Илл. 8. Строительство
триумфальной арки.

Астана стремительно заполняется новыми символами. И, несмотря на то, что появление каждого нового объекта в средствах массовой информации встречается как важное символическое событие, можно наблюдать быструю и частую рекомбинацию

символического лексикона. Для Астаны характерна ситуация, когда сам процесс строительства оказывается важнее результата или же результаты важны прежде всего для поддержания высокого ритма формирования нового образа. Одним из последних таких событий-результатов стало строительство триумфальной арки, начатое в 2011 году. Место, выбранное для столь явного имперского знака в пространстве новой столицы, пока еще не относится к зонам плотной городской застройки. Но поскольку арка расположена на пути, связывающем город с аэропортом, то можно ожидать, что в будущем этот маршрут будет выполнять функцию парадного въезда, став новым символическим началом города. Открытие этой композиции предполагается приурочить к празднованию двадцатилетия независимости Казахстана в декабре 2011 года.

НЕЛЛИ БЕКУС,
КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА

СМЕНА ЭПОХ КАК СМЕНА
СТОЛИЦ: АСТАНА КАК
ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

В ПОГОНЕ ЗА СОВРЕМЕННОСТЬЮ

Один из самых спорных вопросов – это возможности и способы создания узнаваемого национального облика столицы. Среди предлагавшихся и опробованных вариантов было и декорирование плитами с национальным орнаментом²², и использование простых геометрических форм – как предлагал Кисё Курокава²³. Также в Астане было много проектов, отсылающих к глубинной архаике, будь то использование мифологических сюжетов в декоре пешеходного моста или установка каменных статуй (балбалов), выполняющих функцию городской парковой скульптуры. Но такого рода решения относятся скорее к дизайнерским приемам, которые не затрагивают символического статуса города. Город принадлежит своему времени и является отражением процессов национального строительства в Казахстане в начале XXI века.

Формирующийся архитектурный рисунок Астаны разнообразен и эклектичен. Доминирующую часть городского пространства составляет представительская архитектура левого берега – большие пространства, стекло, облегченные панели, простые и сложные геометрические формы.

Эту архитектуру нельзя назвать передовой с точки зрения развития архитектуры последних ста лет. В ранних столичных постройках отчетливо отмечалось сходство с постмодернистской архитектурой, популярной в Америке в 1960–1970-х. Это архитектура, которая, по словам Чарльза Дженкса, снимает

22 Примеры таких решений – здание Национальной академической библиотеки Казахстана, новой соборной мечети, которая будет открыта в декабре 2011 года.

23 Курокава К. *Мегаполис XXI века никогда не остановится в росте* // Проект Россия. 2002. № 4(30). С. 21–25.

НЕЛЛИ БЕКУС,
КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА

СМЕНА ЭПОХ КАК СМЕНА
СТОЛИЦ: АСТАНА КАК
ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

различие между элитарным и массовым, архитектура, которая сознательно возвращается к приемам эклектики²⁴. При этом гладкость стеклянных форм, характерная для этого стиля, по мнению многих казахских авторов, является препятствием для артикулирования национального содержания²⁵. И тем не менее благодаря этим повторам и ссылкам на чужой опыт, благодаря этим регулярным попыткам приблизиться к передовым рубежам архитектурной мысли постепенно сокращается дистанция, которая отделяет Астану от флагманов мирового градостроительного авангарда.

Илл. 9. Центральная часть нового административного центра на левом берегу.

Говорить о стилистической выдержанности пространства Астаны невозможно еще и потому, что сам механизм финансирования строительства новой столицы не предполагал монополии государства (в отличие от Ашхабада). Астана стала самым большим инвестиционным проектом по привлечению международного капитала. Одновременно строительство новой столицы дало возможность основным игрокам на экономической и политической сцене страны материализовать свое присутствие в городском пространстве. В городе есть целый ряд зданий – офисов национальных компаний, крупных фирм,

²⁴ См.: Дженкс Ч. *Язык архитектуры постмодернизма*. М., 1985.

²⁵ Дискуссия «Национальное в архитектуре: спор профессионалов и дилетантов» // *Культурный текст Астаны...* С. 247–337.

зданий министерств, – которые конкурируют между собой за символическое представительство нового образа Астаны и Казахстана в целом.

Долгое время пальму первенства по высоте держало здание Министерства транспорта и коммуникаций, построенное в 2003 году. Эта первая высотка Астаны – с ее 44 этажами и высотой 150 метров – считалась самым высоким зданием Казахстана. Размер в данном случае важен – «Транспорт тауэр» обошла предыдущий высотный максимум – гостиницу «Казахстан» (24 этажа, 129,8 метра), находящуюся в Алматы. Список высоток Астаны растет. На право считаться самым высоким зданием претендовали и офис Казахстанских железных дорог высотой 173,6 метра (с учетом 17-метрового стального шпиля-громоотвода), и 54-этажное здание жилого комплекса «The Emerald Towers» высотой 210 метров. Возможно, в скором будущем лидером станет новый проект Нормана Фостера – 88-этажная «Абу-Дабби Плаза», строительство которой началось в 2010 году.

**НЕЛЛИ БЕКУС,
КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА**

СМЕНА ЭПОХ КАК СМЕНА
СТОЛИЦ: АСТАНА КАК
ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

Одним из признаков стратегии национального развития, зашифрованным в городском пространстве, является то, каким образом и из каких источников черпаются идеи и архитектурные проекты. Проект японского архитектора, победивший в конкурсе на создание генерального плана Астаны, – свидетельство стремления к активному включению национального пространства в мировой контекст. Ставшая обычной практика привлечения ведущих мировых архитекторов к работе над об-

Илл. 10. Долгое время самым высоким строением Астаны считалось здание Министерства транспорта и коммуникаций.

ликом Астаны (Кисё Курокава, Норман Фостер, Манфреди Николетти) отражает политический замысел, согласно которому политические задачи и события, актуальные для Астаны и казахского государства, связаны с обретением символического веса на *мировой* сцене – и в связи с председательством в ОБСЕ (в 2010 году), и благодаря проведению Азиады или реализации уникальных архитектурных проектов. При этом не забывается и недавняя история: некоторые символические решения в городе являются прямой калькой с визуальных образов московских высоток.

Это восприятие роли нации на мировой арене связано с принципиальной особенностью новой казахской реальности: нынешняя версия национальной традиционной культуры включает в себя осознанные модернизационные и цивилизационные проекты. Политический дискурс новой нации встраивается в глобальный контекст, стараясь следовать принципу открытости внешнему миру. Ведущей идеологией, вытеснившей советский (в том числе и геополитический) контекст, в казахском политическом дискурсе стало евразийство. Именно оно служит базовым контекстом идеи «цивилизационного посредника», которая легла в основу национальной «миссии» Казахстана. Новое независимое государство представляется как территория, где встречаются Европа и Азия. Благодаря огромным пространствам «практически любая коммуникация и транзитные коридоры, связывающие Россию или Восточную Европу с Южной или Центральной Азией, проходят по территории страны»²⁶. В итоге Астана оказывается логическим претендентом на роль символического центра Евразии, который мог бы замкнуть на себе множество связей, уходящих своими векторами в разных направлениях.

26 HANKS R.R. *Multi-Vector Politics' and Kazakhstan's Emerging Role as a Geo-Strategic Player in Central Asia* // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2009. Vol. 11. № 3. P. 258.

Рига: обновление как джентрификация¹

Гунтис Шолкс,
Гита Дэюс,
ЕЛЕНА ЧИСТЯКА

Процесс возрождения города традиционно считается важным условием устойчивого городского развития. Восстановление деиндустриализованных зон и деградированных территорий – то есть процесс повторного развития сложных объектов – является значимым фактором городского возрождения. В данной статье речь пойдет о проектах по восстановлению деиндустриализованных районов Риги и о вкладе таких районов в общий процесс джентрификации столицы.

Процессы индустриализации и деиндустриализации значительно повлияли на облик Риги. В последние годы в результате этих двух процессов стал особенно актуальным вопрос о деградированных территориях, большую часть которых составили заброшенные индустриальные пространства. Их вторичное развитие создает возможности для разнообразной предпринимательской деятельности. Например, во время экономического роста начала 2000-х были реализованы несколько масштабных проектов по возрождению деиндустриализованных районов в пригородах Риги, в результате чего возникли крупные коммерческие сегменты. Подобные проекты могут служить наглядным примером успешной коммерциализации отдельных городских территорий. Однако преобразование деиндустриализованных участков в центре города имело принципиально иной характер: в данном случае бывшие фабрики были превращены в жилые помещения. Именно о такой трансформации, включая ее социальные и экономические последствия, и пойдет речь в этой статье.

Наше исследование строилось на основе учебно-производственной практики в деиндустриализованных районах Риги. Непосредственное знакомство с ситуацией на бывших промышленных объектах сопровождалось серией интервью с экспертами по территориальному планированию и со специалистами по городскому развитию. Для понимания социальной структуры территории городского обновления мы также провели опросы местного населения, предложив нашим респондентам оценить проекты по вторичному использованию деградированных

*Гунтис Янович Шолкс
(р. 1983) – докторант
Латвийского университета,
факультет географии и земледелия.*

¹ Работа выполнена при содействии Европейского социального фонда в рамках проекта «Поддержка развития докторантуры Латвийского университета».

ГУНТИС ШОЛКС,
ГИТА ДЭЮС,
ЕЛЕНА ЧИСТЯКА

РИГА: ОБНОВЛЕНИЕ
КАК ДЖЕНТРИФИКАЦИЯ

участков. Наконец, использование геоинформационной системы позволило смоделировать карту Риги, на которой отображены индустриализованные и деиндустриализованные территории, а также участки, на которых бывшие промышленные зоны были преобразованы в жилые районы.

ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ ГОРОДА

Процесс деиндустриализации понимается как упадок традиционных промышленных отраслей, определяющий переход от экономики, основанной на производстве товаров, к экономике, основанной на предоставлении услуг. В ходе деиндустриализации место фабрик и заводов в городской экономике начинают занимать туристический, банковский, финансовый и сервисный сектора². Подобное повсеместное и систематическое сокращение капиталовложений в производственные индустрии имеет важные последствия, связанные, как правило, с повышением уровня бедности и изменением форм землепользования в пределах города. Появление разнообразных деградированных пространств на территории города является одним из следствий деиндустриализации³.

В международной практике городского планирования деградированные участки понимаются как заброшенные промышленные территории; изначально в эту категорию включались в основном так называемые зоны, подвергшиеся промышленному загрязнению⁴. Собственно в городах деградированные округа часто являются бывшими промышленными площадками, которые нередко осваиваются населением, живущим за пределами официальной границы города. Такие места возникают и в самом центре города, и в многочисленных индустриальных поясах городских пригородов⁵. Понятно, что наличие подобных заброшенных территорий неблагоприятно влияет не только на окружающую среду, но и на экономическое и социальное благополучие города⁶.

Гита Петровна Дэюс
(р. 1981) – студентка
магистратуры Латвийского университета,
факультет географии и
землеведения.

- 2 KOISTINEN D. *Public Policies for Countering Deindustrialization in Post war Massachusetts* // The Journal of Policy History. 2006. Vol. 18. № 3. P. 326–361; BEZMEZ D. *The Politics of Urban Waterfront Regeneration: The Case of Haliç (the Golden Horn), Istanbul* // International Journal of Urban and Regional Research. 2008. Vol. 32. № 4. P. 815–840; ERKIP F. *Global Transformations versus Local Dynamics in Istanbul: Planning in a Fragmented Metropolis* // Cities. 2000. Vol. 17. № 5. P. 371–377.
- 3 BRADY D., WALLACE M. *Deindustrialization and Poverty: Manufacturing Decline and AFDC Reciprocity in Lake County, Indiana 1964–1993* // Sociological Forum. 2001. Vol. 16. № 2. P. 321–358; GRIMSKI D., FERBER U. *Urban Brownfields in Europe* // Land Contamination and Reclamation. 2001. Vol. 9. № 1. P. 143–148.
- 4 GANSER R., WILLIAMS K. *Brownfield Development: Are We Using the Right Targets? Evidence from England and Germany* // European Planning Studies. 2007. Vol. 15. № 5. P. 603–622.
- 5 LORIMER J. *Living Roofs and Brownfield Wildlife: Towards a Fluid Biogeography of UK Nature Conservation* // Environment and Planning A. 2008. Vol. 40. № 9. P. 2042–2060.
- 6 GRIMSKI D., FERBER U. *Op. cit.*

Обновление деградированных территорий – один из главных инструментов обеспечения устойчивого городского развития. Повторное использование городских земель позволяет снизить проблему поиска участков для первичной застройки и таким образом минимизирует разрастание города, повышая при этом привлекательность заброшенных территорий и предоставляя место для жилого и коммерческого сектора, коммунальных удобств⁷.

По своим целям развитие деградированных городских участков в значительной степени совпадает с тем, что обычно принято называть «городским возрождением», под которым понимается программа координированных действий, направленных на улучшение материального состояния строений, – в сочетании с улучшением экономической, социальной и экологической среды города⁸. Процесс городского возрождения включает в себя такие элементы, как оздоровление отдельных районов посредством всеобъемлющей реструктуризации экономики, повышения стоимости жилищного фонда, улучшения качества жизни местного населения и привлечения новых жителей. Работа с территориями, подвергшимися процессам деиндустриализации, является составной частью городского возрождения и связана с долгосрочным стремлением к разнообразию и компактности городского пространства⁹.

Частный и публичный сектора – два главных действующих лица в процессе городского возрождения. Частные лица инвестируют в восстановительные работы исходя из экономических соображений¹⁰. В этом случае регенерация ограничена только определенным кругом территорий, так как для повторного развития в основном выбирают выгодно расположенные участки. Включение публичного сектора в процесс возрождения города способствует дальнейшему устойчивому городскому развитию, поскольку в данном случае цель обновления выходит за рамки исключительно экономической логики¹¹. Совместные усилия публичного и частного секторов привле-

ГУНТИС ШОЛКС,
ГИТА ДЭЮС,
ЕЛЕНА ЧИСТЯКА

РИГА: ОБНОВЛЕНИЕ
КАК ДЖЕНТРИФИКАЦИЯ

Елена Сергеевна Чистякова
(р. 1991) – студентка
Стокгольмской школы
экономики в Риге, фа-
культет экономики и
управления бизнесом.

- 7 COLANTONIO A., DIXON T., GANSER R., CARPENTER J., NGOMBE A. *Measuring Socially Sustainable Urban Regeneration in Europe*. Oxford: Oxford Brookes University, 2009; WILLIAMS K. *Reducing Sprawl and Delivering an Urban Renaissance in England: Are these Aims Possible Given Current Attitudes to Urban Living?* // BAE C.-H.C., RICHARDSON H.W. (Eds.). *Urban Sprawl in Western Europe and North America*. London: Ashgate Publishers, 2004. P. 37–54.
- 8 GUZEY Ö. *Urban Regeneration and Increased Competitive Power: Ankara in an Era of Globalization* // *Cities*. 2009. Vol. 26. P. 27–37.
- 9 BORG J. VAN DER, RUSSO A.P. *Regeneration and Tourism Development. Evidence from Three European Cities*. // Working Papers. Venice: Department of Economics, Ca'Foscari University of Venice, 2008.
- 10 RACO M., HENDERSON S., BOWLBY S. *Changing Times, Changing Places: Urban Development and the Politics of Space – Time* // *Environment and Planning A*. 2008. Vol. 40. № 11. P. 2652–2673.
- 11 BLAKELEY G., EVANS B. *Who Participates, How and Why in Urban Regeneration Projects? The Case of the New «City» of East Manchester* // *Social Policy & Administration*. 2009. Vol. 43. № 1. P. 15–32; ROBSON B., LYMPEROPOULOU K., RAE A. *People on the Move: Exploring the Functional Roles of Deprived Neighbourhoods* // *Environment and Planning A*. 2008. Vol. 40. № 11. P. 2693–2714.

кают больше участников, создают лучшие условия для финансирования городского возрождения, что позволяет реализовывать более масштабные проекты¹².

Если процесс городского возрождения в целом ассоциируется с трансформацией *пространственной* структуры конкретных территорий, то под джентрификацией обычно понимается изменение структуры *социальной*¹³. Джентрификация в широком смысле означает создание «пространственной платформы» для жизнедеятельности более зажиточных пользователей. Иными словами, развитие определенных территорий в процессе джентрификации обычно увязывается со значительными изменениями социального состава резидентов¹⁴. Джентрификация нередко воспринимается как негативный пример городской регенерации, поскольку изменение социальной структуры, как правило, сводится к территориальному отчуждению малоимущих и их последующему вытеснению за пределы обновленных районов¹⁵. Положительный эффект джентрификации связан с увеличением экономических возможностей: появлением новых рабочих мест, увеличением налоговой базы, улучшением качества предоставляемых общественных услуг и развитием розничной торговли¹⁶.

ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И РЕГЕНЕРАЦИЯ РИГИ

Распад Советского Союза в начале 1990-х запустил процесс деиндустриализации, определивший нынешнее развитие городской структуры Риги. Изменение экономических реалий, связанных с потерей традиционного рынка сбыта и поставок сырья, сопровождалось массовой приватизацией. Значительная часть перешедших в частные руки производств не смогла приспособиться к новой экономической ситуации и обанкротилась, что привело к появлению заброшенных индустриальных районов на территории города¹⁷. С 1996-го по 2008 год со-

12 LICHTENBERGER E. *Vienna and Prague: Political Systems and Urban Development in the Post War Period* // BARLOW M., DOSTAL P., HAMPL M. (Eds.). *Development and Administration of Prague*. Amsterdam: Universit t Amsterdam, 1994. P. 91–115; WEBBER C., MARSHALL A. *Bridging the gap: Delivering Infrastructure Investment in Britain's Cities* // Journal of Urban Regeneration and Renewal. 2007. Vol. 1. № 1. P. 7–21.

13 GUZEY  . *Op. cit.*; ROBSON B., LYMPEROPOULOU K., RAE A. *Op. cit.*

14 MCINTYRE Z., MCKEE K. *Governance and Sustainability in Glasgow: Connecting Symbolic Capital and Housing Consumption to Regeneration* // Area. 2008. Vol. 40. № 4. P. 481–490; RACO M., HENDERSON S., BOWLBY S. *Op. cit.*

15 BARBER A. *Planning for Sustainable Re-urbanisation: Policy Challenges and City Centre Housing in Birmingham* // Town Planning Review. 2007. Vol. 78. № 2. P. 179–202; GUZEY  . *Op. cit.* P. 27.

16 FREEMAN L. *Displacement or Succession? Residential Mobility in Gentrifying Neighbourhoods* // Urban Affairs Review. 2005. Vol. 40. № 4. P. 463–491; VIGDOR J. *Does Gentrification Harm the Poor? Brookings-Wharton Papers on Urban Affairs*. 2002. P. 133–182.

17 DEJUS G. *R gas r pniec bas piem ru izmanto šana skolu ģeogr fij *. Дипломная работа бакалавра. Рига: Латвийский университет, факультет географии и землеведения, 2010.

отношение экономических отраслей значительно изменилось и четко обозначился переход Риги от индустриального города к городу как центру услуг¹⁸. За это время доля промышленного сектора сократилась практически втрое, тогда как доля сектора услуг выросла почти в четыре раза.

Показательна и еще одна тенденция: более чем двукратный рост доли строительства в общем объеме ВВП, при этом большая часть строительных работ была произведена на территориях, не нуждавшихся в обновлении (наличие инфраструктуры позволяло инвесторам экономить средства, выделенные на реализацию проекта).

Изменения, произошедшие в использовании земель в Риге за последние 12 лет, показывают, что площадь заброшенных индустриальных участков значительно увеличилась. Расположение деградированных территорий в столице соответствует основным фазам эволюции города и отображает изменение модели его экономического развития¹⁹. Зброшенныe участки сконцентрированы в двух районах: на границе исторического центра, где в конце XIX века формировались индустриальные кварталы, и на территориях вдоль железной дороги, где возникли индустриальные районы в период советской оккупации.

Стремительный экономический рост в Латвии 2000–2007 годов (ВВП ежегодно увеличивался на 6,9–11,9%) сопровождался высоким спросом на новое жилье и коммерческие помещения. Строительный бум заставил инвесторов обратить внимание на деградированные территории. Большей частью регенерация промышленных зон стала делом частного сектора, поэтому экономическая сторона и ожидаемая прибыль сыграли ключевую роль. Выбирались те деградированные территории, которые требовали меньших капиталовложений: наибольшей популярностью у частных инвесторов пользовались заброшенные жилые здания и бывшие индустриальные комплексы, расположенные в центре города. Привлекательность бывших промышленных зон состояла еще и в том, что, несмотря на высокую культурную ценность старых производственных комплексов, официально они не входили в число памятников культурного наследия, охраняемых государством, что, соответственно, уменьшало количество ограничений по застройке этих мест.

Согласно латвийскому законодательству, государственное финансирование не может направляться в частные проекты²⁰. По этой причине местные самоуправления или государствен-

ГУНТИС ШОЛКС,
ГИТА ДЭЮС,
ЕЛЕНА ЧИСТЯКА

РИГА: ОБНОВЛЕНИЕ
КАК ДЖЕНТРИФИКАЦИЯ

18 См. данные Центрального статистического бюро Латвии: www.csb.gov.lv/en/dati/statistics-database-30501.html-0.

19 TRUSINS J., TREIJA S., CACE L., BALGALIS N. *Riga City Development on the Way to Sustainability*. Riga, 2005.

20 SOLKS G. *The Changes of Urban Structures in the Former Working Class Neighbourhoods in Riga // European Integration and Baltic Sea Region: Diversity and Perspectives*. Riga: University of Latvia, 2011. P. 514–522.

ные учреждения ограничены в преобразовании деградированных территорий. Участие в частных проектах осуществляется косвенно – посредством административных мер: местные власти могут предоставить льготный режим по налогу на недвижимость или отменить (полностью или частично) нормативы, ограничивающие объемы строительства. Изначально главная задача проектов по регенерации деградированных территорий в центре города была связана со стремлением трансформировать промышленные зоны в жилой сектор²¹. Однако ограниченные возможности использования личного транспорта в центральной части Риги привели к тому, что по своим коммерческим возможностям эта часть города значительно уступала городским окраинам.

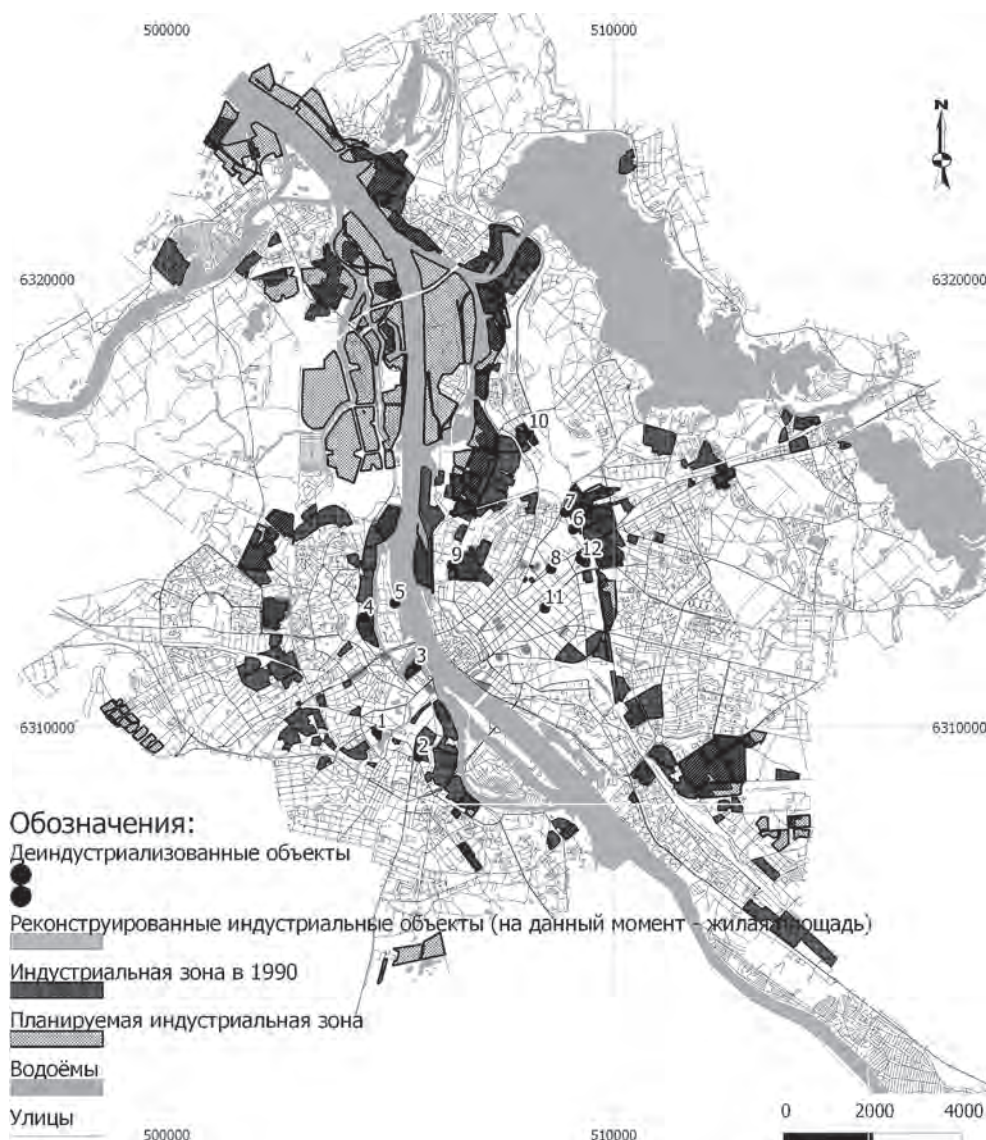
Вместе с тем намерения публичного сектора слабо сочетались с желаниями частных инвесторов. Несмотря на то, что большая часть нового жилья, реконструированного на деиндустриализованных территориях, расположена в самом престижном районе центральной части города, общая доля восстановленных деиндустриализованных территорий в центре Риги остается незначительной. Те деградированные территории, на которых появилось новое жилье, принципиально отличается по своему характеру: для своих жилищных проектов инвесторы предпочитают работать с ветхими жилыми домами, а не с бывшими промышленными зонами.

Более того, в процессе повторного развития заметная часть деиндустриализованных участков была превращена в коммерческие зоны. В общем объеме предложения помещений в регенерированных деиндустриализованных районах в пределах административных границ всего города доля коммерческой недвижимости превышает долю жилой. Эта ситуация объясняется повышенной сложностью переоборудования бывших промышленных комплексов в жилье²². Несмотря на то, что партнерство частного и публичного секторов многими экспертами считается наиболее удачной моделью для возрождения городской среды, в Риге этот подход применяется крайне редко. В рамках этого подхода были восстановлены всего три деградированных объекта, и, хотя опыт был признан успешными, ни один из них не является бывшей индустриальной территорией²³.

21 Šolks G. *Reurbanizācija un pilsētvides atjaunotne kā Grtīzīnālņa apkaimes attīstības perspektīva*. Rīga: Latvijas Universitātes raksti, Zemes un vides zinātnes, 2011. Vol. 762. P. 196–205.

22 Šolks G. *Reurbanizācijas procesi Rīgā*. P. 156–163.

23 Ряд проектов по развитию деградированных территорий был приостановлен из-за экономического кризиса, начавшегося в 2008 году. В некоторых случаях были затронуты и уже законченные комплексы, поскольку дальнейшая регенерация участков была остановлена. В итоге нередко рядом с реконструированной территорией оказывалась брошенная стройплощадка, которая в соответствии с используемой в Риге классификацией тоже считается деградированным объектом.

Всего за годы существования независимой Латвийской Республики были регенерированы двенадцать деиндустриализованных объектов: девять – в период экономического роста (до 2008 года) и три (отмеченные на илл. 1 номерами 6, 7 и 10) – во время рецессии (2009–2010)²⁵. Во время экономического спада работы по реконструкции деиндустриализованных объектов включали в себя только снос строений и инфраструктуры.

Илл. 1. Промышленные, деиндустриальные и восстановленные территории, используемые для жилья, на карте Риги²⁴.

24 План подготовлен авторами статьи на основе данных рижской Думы («План развития Риги 2006–2018», www.rdpad.lv/rpar) и результатов учебно-производственной практики.

25 В данный момент на рассмотрение подано несколько проектов, некоторые уже осуществляются, один близок к завершению.

Дальнейшее развитие территории – возведение новых зданий, разработка инфраструктуры, благоустройство окружающей среды – было отложено до более благополучной экономической ситуации в стране.

Выбор такого подхода обусловлен действиями частных инвесторов, подсчитавших, что во время кризиса затраты на рабочую силу в строительной отрасли сократились в среднем на 15%, что обеспечило частичную экономию финансовых средств. В свою очередь снижение цен на стройматериалы во время кризиса оказалось минимальным. Соответственно, строительные работы, проводимые во время рецессии, не принесли бы серьезной экономии средств (расходы на стройматериалы составляют значительную часть от общих затрат).

ДЖЕНТРИФИКАЦИЯ: НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ

Процесс городского обновления привел к определенным изменениям в пространственной структуре исследуемых объектов. Одиннадцать из двенадцати объектов появились за счет перестройки уже существующих сооружений. Несмотря на выборочный снос зданий и объектов инфраструктуры, новые комплексы сохранили промышленный вид старых построек. Один объект (номер 11 на илл. 1) был возведен с нуля после полного сноса старых строений, так как реальных ограничений, связанных с охраной индустриального наследия, в данном случае не было. Жилая площадь в реконструированных зданиях предлагалась по рыночной цене, сопоставимой со стоимостью недвижимости, представленной на рынке. И эти цены были весьма высоки даже после экономического спада в 2008 году. К примеру, стоимость квадратного метра реконструированного жилья на территории бывшей гипсовой фабрики на Кипсале (номер 5 на илл. 1) была самой высокой в Риге и достигала 7500 евро. Данное обстоятельство, равно как и тот факт, что число жителей в домах такого типа невелико, можно предположить, что здание предназначается для состоятельных граждан. По сути, джентрификация и началась именно с появлением жителей, представляющих группу населения с более высокими доходами.

Регенерация старых промышленных зон привела и к еще одному следствию. Нижние этажи реконструированных зданий, как правило, воспринимаются как неудачные с точки зрения покупателя («менее защищены от воров»). Поэтому они используются в коммерческих целях, что в свою очередь обеспечивает диверсификацию рисков собственников имущества, с одной стороны, и рост числа всевозможных предприятий, функционирующих в восстановленных участках, с другой.

Согласно нашим опросам, жители восстановленных промышленных зон не придавали особого значения тому, что они живут в бывшем производственном объекте. Многие отзывались о своем жилом здании как о «новом проекте». Факторами, повлиявшими на покупку квартиры в бывшем индустриальном помещении, были местоположение, доступность разнообразных услуг, в том числе парковки. Такие факторы, как соседи, доступность общественного транспорта и другие аспекты, либо не оговаривались, либо не имели значения. При этом многие респонденты выражали беспокойство по поводу безопасности вообще и антиобщественного поведения жителей, уже живущих на этой территории, в частности. Вместе с тем, некоторые респонденты указывали на то, что квартиры в обновленных строениях покупают или арендуют зажиточные люди, не дающие поводов для беспокойства.

ГУНТИС ШОЛКС,
ГИТА ДЭЮС,
ЕЛЕНА ЧИСТЯКА

РИГА: ОБНОВЛЕНИЕ
КАК ДЖЕНТРИФИКАЦИЯ

Илл. 2, 3. «Бульварная резиденция» (номер 8, на илл. 1) – удачный пример сохранения индустриального наследия.

В целом джентрификация Риги носит случайный характер. Высокой интенсивности этого процесса не наблюдается, что позволяет говорить о процессе джентрификации как о косвенном влиянии городской регенерации на окружающую среду. В классическом смысле термин «джентрификация» подразумевает смену состава жителей в рамках конкретных объектов или территорий. В случае Риги мы имеем дело с деиндустриализованными объектами, которым жилая функция не была свойственна изначально. Чтобы оценить влияние заброшенных и реконструируемых промышленных районов на процессы джентрификации, необходимо рассматривать этот вопрос с учетом всей близлежащей территории.

Так, можно говорить о незначительном, но устойчивом увеличении числа резидентов с более высокими доходами, что способствует образованию социально-смешанных общин. Эта ситуация соответствует новым модифицированным теориям джентрификации, которые выделяют ее положительные аспекты. Появление жителей – а не вытеснение менее состоятельных групп более обеспеченными резидентами – сопровождается общим улучшением визуальной пространственной структуры города и развитием предпринимательства, так как возрожденные промышленные объекты привлекают предприятия торговой и сервисной отраслей. Это прямое воздействие джентрификации на возрождение города сопровождается и косвенным влиянием. Регенерация территорий стимулирует повышение интереса к обновленной местности. Близость реконструированных территорий вызывает рост цен на недвижимость в районах по соседству. Продавцы объясняют это наличием потенциала развития округа. В этом случае изменение состава жителей неизбежно, что соответствует постулатам традиционного понимания процесса джентрификации.

Конкретными примерами тенденций, о которых шла речь выше, могут служить два объекта: *Дома Торенса* (номер 2 на илл. 1) и *Пассаж Зундас* (номер 4 на илл. 1). В обоих случаях в жилые помещения были превращены промышленные здания, а процессы джентрификации распространились на близлежащие территории. Однако архитектурное решение и степень коммерциализации в двух этих случаях существенно отличаются.

Дома Торенса – это жилой комплекс (4 дома, 232 квартиры), сданный в эксплуатацию в 2005 году, образовавшийся при реконструкции корпусов Торнякалнского завода фотоплёнок и аэрозолей. *Пассаж Зундас*, возникший на месте бывшего Рижского завода сельскохозяйственной техники, был превращен в жилой дом (86 квартир) в 2006 году. Оба объекта заселены почти полностью, так как были выставлены на продажу во время повышенного спроса и ограниченного предложения недвижимости.

ГУНТИС ШОЛКС,
ГИТА ДЭЮС,
ЕЛЕНА ЧИСТЯКА

РИГА: ОБНОВЛЕНИЕ
КАК ДЖЕНТРИФИКАЦИЯ

Илл. 4, 5. Дома Торенса.

Стоила эта жилплощадь заметно дороже серийных квартир, поэтому можно предполагать, что покупателями были люди с достаточно высокими доходами. Реализация этих проектов повысила престиж районов, заброшенные промышленные зоны были приведены в порядок, в результате выросли цены на недвижимость. На близлежащей территории наблюдается постепенное изменение состава населения (однако изменения структуры замедлились из-за низкой активности рынка недвижимости).

Дома Торенса восстанавливались как жилой объект и архитектурно ничем не напоминают о своем промышленном прошлом. В свою очередь архитектуру Пассажа Зундас отличают

ГУНТИС ШОЛКС,
ГИТА ДЭЮС,
ЕЛЕНА ЧИСТЯКА

РИГА: ОБНОВЛЕНИЕ
КАК ДЖЕНТРИФИКАЦИЯ

Илл. 6, 7. Пассаж Зундас.

черты индустриального наследия: большие окна, высокие потолки и другие элементы промышленной конструкции здания. В *Домах Торенса* мало торговых помещений, тогда как в *Пассаже Зундас* расположены многочисленные офисы. К тому же реконструкция этого объекта привела к развитию всей территории бывшего завода сельхозтехники, на которой появились предприятия торговли, образования, логистических услуг и творческих индустрий. Это наглядный пример замены отраслей производственного сектора отраслями сектора услуг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С начала 1990-х процесс деиндустриализации привел к заметным переменам в социальном и городском устройстве Риги:

выросла безработица, снизились доходы населения, в пределах города стали возникать деградированные территории. В ходе ускоренной деиндустриализации Рига превратилась из города промышленного в город услуг. Последующее экономическое развитие определило увеличение спроса на коммерческие и жилые помещения, что способствовало началу обновления деиндустриальных районов столицы.

Городское возрождение Риги включило в себя превращение бывших промышленных зон в жилые дома. Этот процесс не является массовым: в основном деиндустриализованные пространства перестраивают под коммерческие объекты, а жилые дома возникают, как правило, в результате реконструкции уже существующих жилых строений. Преобразованные для бытового использования деиндустриальные территории сконцентрированы в центральной части города, что способствует постепенной трансформации этих зон смешанного пользования в преимущественно жилые кварталы. Преобразование деиндустриальных районов благоприятствует устойчивому городскому развитию, поскольку оно оживляет бесхозные или заброшенные территории и структуры, формируя более компактную городскую структуру. В целом реконструкция деиндустриализованных объектов минимально влияет на процессы джентрификации Риги: число этих объектов пока невелико и изменения состава населения несущественны. Джентрификация в данном контексте более способствует развитию социально-смешанных соседств. По сути мы имеем дело с редким случаем, в котором обновление городской среды не связано с болезненными социальными процессами отчуждения и вытеснения групп с низкими доходами из районов их проживания.

ГУНТИС ШОЛКС,
ГИТА ДЭЮС,
ЕЛЕНА ЧИСТЯКА

РИГА: ОБНОВЛЕНИЕ
КАК ДЖЕНТРИФИКАЦИЯ

